

ВАДИМ
ЕГОРОВ

ПЕСНИ

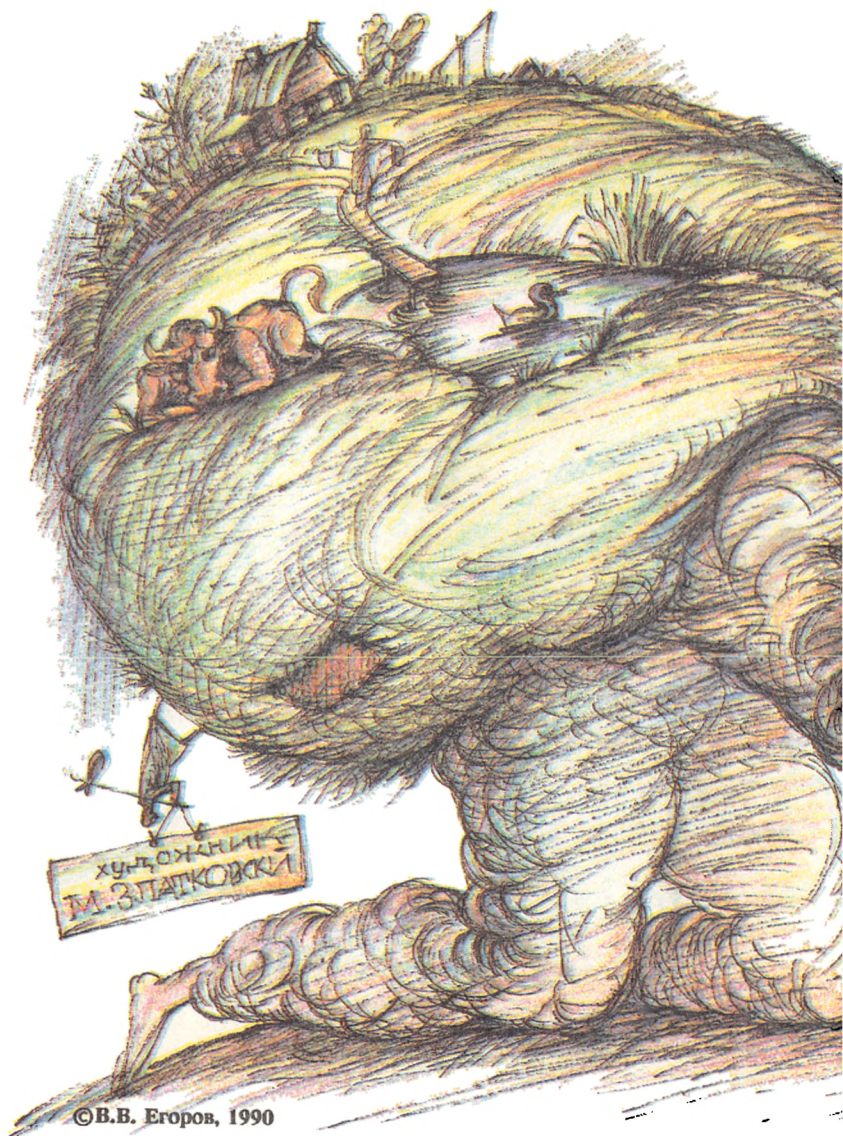

НА КНИЖНУЮ
ПОЛКУ
КСИ

Московский городской центр
авторской песни

Молодежный центр
Агентства печати Новости

© В. В. Егоров, 1990

ДАДИМ ЕГОРОВ

ПЕСНИ

Агентство печати Новости
Москва 1990

ВАДИМ ЕГОРОВ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОГО

Нуждается ли сборник песен Вадима Егорова в предисловиях, критических разборах, “мыслях по поводу...” и т. д.?

Вопрос риторический, поскольку вы уже начали читать нечто подобное. Но есть вариант пропустить все “пред” и начать читать, заучивать, переживать, восторгаться или негодовать, смеяться или вспоминать пережитое.

Не будет критического разбора: песня авторская (тем более егоровская) в нем не особо нуждается. Не будет и мыслей по поводу — они у вас возникнут сами собой после знакомства уже с первыми опытами (начало благословенных 60—х) Вадика (тогда) или Вадима Владимировича (сейчас) Егорова.

А будет вот что...

За что мы любим песни В. Егорова? За то, что их легко отличить от песен других не менее талантливых авторов. За то, что он умеет играть на наших чувствах и нервах, заставлять верить каждой строчке. И игра его на наших нервах и чувствах нам необходима, потому что дает возможность за несколько минут пережить такую гамму чувств, которую в ином качестве не каждому удастся пережить и за месяцы.

Не перехватил ли я с оценкой? Да что тут спорить — открываем сборник, включаем магнитофон, приходим на концерт Егорова — и вы попали под обаяние его песен. Конечно, лучше всего видеть и слышать самого Вадима: как любой бард, он — человек-театр. Театр, полный прежде всего чувств.

Не все любят песни Егорова. Не все. И даже у его ярких поклонников и поклонниц есть “любимые” и “нелюбимые”. Ну и что? Есть что выбрать каждому.

Что меня лично в нем удивляет? Разносторонность, — то, чего не хватает даже нашим маститым “классикам”. Еще лет 15 назад я бы в жизни не поверил, что Егоров будет писать смешные песни. Он? Лирик с головы до ног и обратно? Да никогда! Ан нет, пишет — и смешно, и злободневно, и непохоже. А что еще придумает — непредсказуемо (что и прекрасно). Но — придумает, это точно.

Все, что вы прочтете в этом сборнике, — день вчерашний. Это скорее так, “на память”. Для совместного или индивидуального пения. Готов спорить, что Егоров удивит нас всех еще не раз — и в стихах, и в прозе, и в песнях, и в общении с залом. Ибо и то, и другое, и десятое он умеет делать хорошо.

Ну вот, вроде сказал столько хорошего, что впору не читать сборник — все уже ясно: талантливый, счастливый, почивший на... (на чем там нынче почивают?) Все есть: творчество, друзья, любимое дело, многочисленные поклонники...

А ведь, пожалуй, Егоров только сейчас начинается. Да, после славы, после столько известных песен и стихов, после — теперь уже — телевидения, дисков, театра, радио — только начинается. Потому что пришло новое время и новое поколение, потому что слова теряют оттенки, стираются, умирают. Остаются чувства и поступки.

О Егорове спорят много. Вообще об известных авторах стали много спорить. Нет, не о песнях — о людях. Темы разные, но до жути интересные: с кем живет, сколько зарабатывает, на каких машинах разъезжает, кого любит или ненавидит. Все знают все, все — разное. И от песен ждут ответов на эти жгучие вопросы. И хотя известный афоризм “давайте говорить друг другу комплименты” не относится к числу моих любимых, все-таки хочется сказать: “Давайте больше слушать песни и меньше — силетни!” Пусть каждый будет таким, каков есть. Со всеми достоинствами и недостатками. Тем более, что сам Вадим уже как-то высказался на эту тему: “Ах, кабы мне не быть Егоровым, я, может, кем-нибудь и был бы...”

Но все это так, к слову. Я чувствую нетерпение читателя (с трудом добравшегося до этих строчек) — давай, давай о главном! Даю!

Ребята, давайте жить... и петь... и любить... хотя бы друг друга. С этого мы начинали в 60-х, с этого начинали Визбор, Якушева, Ким — в 50-х. Давайте этим и продолжим. В цепочке “взявшихся за руки” Егоров занимает свое, чисто “егоровское”, место. Его песни (по крайней мере, многие) — открытие. Его концерты — аншлаг. Его талант — бесспорен. Ну, что еще? Вот и сборник выходит — пусть не в “Советском писателе”, так хоть при жизни. Дай бог — не последний!

Игорь МИХАЛЕВ

НОЯБРЬСКАЯ ПЕСНЯ

Четвертый день чертовски пасмурно,
и небо, словно лист фольги.
Лохмотья желтые, лохмотья красные
сдирает ветер с деревьев нагих.

Они стоят, молчат, сутулятся,
устало сучья опустив,
глядят на мокрые пустые улицы
и просят окна погреться пустить.

Ведь им, продрогшим, тоже хочется
туда, где ласковый уют.
Но окна желтые закрыли форточки,
протиснуть ветви сквозь них не дают.

А дождь стучит, стучит отчаянно
сквозь бесконечный листопад,
и осень тощая с землей прощается,
губами листьев к асфальту припав.

ноябрь 1964

217

СЛЕДЫ

Третий день пляшут метели,
третий день ели да ели —
им стоять здесь на века,
подперев облака.
Тишина залила уши,
тишину учимся слушать,
и следы — по белизне,
по тишине, по тишине.

Нам идти мимо ночлегов,
по любви, словно по снегу,
через ночь и через льды,
оставляя следы.
Теплый сон склеит ресницы,
мокрый снег выхлещет лица,
только мы, дети пути,
будем идти, будем идти.

А потом кто-то устанет,
а потом кто-то отстанет,
в вихревой вьюжной пыли
растворится вдали.
И под злой хохот метели
побегут около елей
по снегам нашей беды
только следы, только следы...

ноябрь 1965

СИНЯЯ ПЕСНЯ

Рассыпаны звезд голубые горошины.
Бредет по земле человек огорошенный —
измотанный шаг,
размотанный шарф...
А небо плюется порошею.

Ах, ноченька-ноченька, синяя ноченька,
без слов и без слез, и без имени-отчества...
Плечами опав,
чужая судьба
бредет по снегам одиночества.

Шагает судьба, опоясана инеем,
глаза у судьбы ослепительно-синие,
за ней наяву
бегут в синеву
дорожные синие линии.

Шагает судьба по змеящимся улицам,
руками кричит и зрачками сутулится,
и, словно во сне,
сиреневый снег
сугробами синими дуется.

апрель 1966

ПРОСТИ МЕНЯ

Прости меня.
Растерянно кляня, прости меня.
Впусти меня.
Минувшее уняв,пусти меня.
Нельзя
судить, когда озяб,
когда трясет.
Впусти меня. Прости меня—
за все!

За что ты так—
швыряешь, как пятак? Зачем ты так?
Распни меня,
на выстраданных днях распни меня,
казни,
но только не гони
в закат, как в смерть!
Ничемная, ничейная—
не смей!

Смеюсь навзрыд.
Зрачков твоих костры горят навзрыд...
Пойми меня.
Огнями глаз маня, прими меня.
Любовь—
и боль ее, и боль зажав в горсти,
прости меня, прости меня,
прости!

июнь 1966

215

НЕУНЫВАЮЩАЯ ПЕСНЯ

Жизнь
штилем не балует,
жизнь —
вроде как палуба:
то в ногах, то из-под ног —
знай себе дерись с волной.

Но —
рано ли, поздно ли —
ночь
дарит нас звездами,
и закат, дивно лукав,
учит облака лакать.

Друг,
сядем без третьего —
вдруг
больше не встретимся:
тяжело бьется в порог
серый океан дорог.

Там
кажется кубриком
нам
тамбур прокуренный
и трясет старый мотор
шалый многошпальный шторм.

Жизнь
штилем не балует,
жизнь —
вроде как палуба:
то в ногах, то из-под ног —
знай себе дерись с волной!

август 1966

216

ДОРОЖНАЯ ПЕСНЯ

Как много на Земле земли,
чьи вечереющие зарева
густые вьюги замели,
густые вьюги замели,
дожди замученные залили.

Она протягивает к нам
свои заснеженные полосы
и отплывает от окна,
и отплывает от окна
лобасто мчащегося поезда.

Над ней кочующий туман,
за ней неведомье бездонное...
На ней построить бы дома,
на ней построить бы дома,
но до сих пор она бездомная.

И, излучая черный свет
из белизны ее расстеленной,
зрачки проталин смотрят вслед,
зрачки проталин смотрят вслед
светло, прощально и растерянно.

1966

ДОЖДИ

Я вас люблю, мои дожди,
мои тяжелые, осенние,
чуть-чуть смешно, чуть-чуть рассеянно —
я вас люблю, мои дожди.

А листья ластятся к стволам,
а тротуары — словно зеркало,
и я плыву по зеркалам,
в которых отражаться некому,

где, как сутулые моржи,
машины фыркают моторами
и вьются рельсы монотонные,
как серебристые ужи;

где оборванцы-фонари
бредут шеренгою заляпанной
и осень огненный парик
сдирает ливневыми лапами...

Спасибо вам, мои дожди,
спасибо вам, мои осенние,
за все, что вы во мне посеяли,
спасибо вам, мои дожди,
спасибо вам, мои дожди!

1966

ТАТКИНА ПЕСНЯ

Татеньш, егоза, как хочется назад,
над спящей над тобой паряще наклониться,
и вот мои зрачки уже в твоих глазах,
и вот твои глаза уже в моих глазницах...

Курносый мой, с тобой, как с лучшим из друзей,
быть нежным нелегко, еще трудней быть грубым.
Когда моя беда блеснет в твоей слезе,
тогда твою слезу мои осушат губы.

И, высекая мысль, — строкою по строке! —
единственный мой дар в трезвоне не потонет,
пока мое перо парит в твоей руке,
пока твоя рука горит в моей ладони.

январь 1967

НОЧНАЯ ПЕСНЯ

Город весь
словно войлочный.
Занавесь
окна полночью.
Пусть над всем, что постыло и грубо,
вспыхнут губы.
Будут жечь,
будут ластиться.
Ночь
губами окрасится.
Ночь прижмется земно и сутуло
к спинке стула,
к той, где наша одежда
висит, как надежда,
тепло, невесомо и нежно.

Не молчи.
Обойми меня.
Защепчи
прежним именем.
Будь любой. Будь судьбой или адом —
только рядом.
Удержи
наш прощальный час.
Миражи
окружают нас.
А одни — мы становимся сами
миражами.
И тогда лучше кануть
как в омут, как камень,
всплеснув на прощанье руками.

Жизнь трясет
по обочинам.
Вот и все.
Вот и кончено.
И в белесых рассветных раструбах
гаснут губы...

март 1967

ПЕСНЯ О ПЕРВОМ СНЕГЕ

И снова—первый снег в огонь октябрьских крон...
Ах, сколько вас еще падет на землю, первых,
снега мои, войска, несущие урон,
спасители моей колеблющейся веры!

Кем посланы вы? Чьей покорны красоте?
И ведаете ль вы, сомкнув ряды теснее,
что ваша белизна нам послана затем,
чтоб помыслы свои мы сравнивали с нею?

Беснуйся, первый снег! Неистовствуй и бей!
Ты холоден и бел, а кажется—ты теплый.
Мы, инеем висков подобные тебе,
горячечные лбы прижмем к оконным стеклам.

Стучимся во вчера. Но, чуя, что нельзя,
что там уже для нас давно закрыты дверцы,
мы, словно корабли, из прошлого скользя,
прозрачную печаль уносим в трюмах сердца.

Кто детство переплыл—от юности отчалъ!
Бесшумно причастясь сыпучим снегом первым,
да не покинет нас последняя печаль,
пушистым холодком щекочущая нервы!

октябрь 1968

ПЕСНЯ О ПОЛУНОЧНОМ ЛИЦЕ

Розовы рассветы, да закаты красны,
до крови красна память.
Снятся мне порой солоноватые сны,
в рыхлых ночах
снятся — кричат
о тебе.

И тогда, покачивая звездным венцом,
ало расплескав губы,
над слепыми крышами восходит лицо,
брезжит — молчит,
брови-лучи
надломив.

Гордо наклоняется оно надо мной,
горько шелестит прошлым,
смотрит обреченно, пожило и земно,
словно оно
вечно одно
на Земле.

Утро за окном пылает белым огнем,
с неба — бахрома снега.
Гаснет в белом сумраке лицо. А на нем
искорки щек
тлеют, еще
не остыв...

ноябрь 1968

ПЕСНЯ О ВЕЩЕМ БОЯНЕ

Бейся, пламень, буянь,
не надейся остыть!
Голодранец Боян
возлагает персты.
А пошто он, спеша,
распушшает персты,
коль в мошне ни шиша,
коль хоромы пусты?
Словом будешь ли сыт?
Песней будешь ли пьян?
Сотый век голосит
над землею Боян!
Жив курилка! Ему
подносили дерьмо,
надевали хомут,
запрягали в ярмо,
вознося до небес,
пресмыкаясь у ног,
ублажали не без
основания. Но,
хлипок и нездоров,
от царя до царя
он шаггал без даров
и без поводыря —
сквозь наветы и вой.
И на всех, кто постыл,
опускались его
роковые персты,
те, что нам не даны...
Нынче сказец иной:
шел я мимо стены —
замер перед стеной.
Прислонился плечом
и, тоской обуян,
объявление прочел:
“Продается боян“...

сентябрь 1969

ПИСЬМЕННЫЙ СТОЛ

Этот письменный стол зря тревожить не стану, —
просто, если от мыслей своих, как от свор,
словно загнанный заяц, скрываться устану,
то присяду к нему и начну разговор —

про тифозное небо в мерцающей сыпи,
и про то, что невнятною грустью обвит,
и про то, что порою мне хочется выпить
недопитую чарку дурманной любви...

Ах, мой письменный стол, закадычный товарищ!
В это время, когда мне не время стихать,
может, все же меня наконец отоваришь
неразменной и звонкой монетой стиха?

Я надраю ее, как никто еще в мире, —
так, что будут от блеска глаза солоны,
и с размаху заброшу на все на четыре
до отказа набитых людьми стороны.

Разулыбит ли щеки, утешит в беде ли —
но бредяга и девка, алкаш и гордец
пусть ег, неделимую, все же поделят
и неслышно опустят в кубышки сердец.

июль 1970

220

ПЬЯНАЯ ПЕСЕНКА

Прости меня, дружок, за пьяное перо,
на эту болтовню, пожалуйста, не сетуй,
но знай, что до сих пор оплеванный Пьеро
на тоненьких ногах шатается по свету.

И мы, встречаясь с ним на ленточках дорог,
не ведаем, бредя с Пьеро почти что рядом,
что просто он подросток, напялил свитерок
и стер с лица сурьму, белила и помаду.

Но, сбросив мишуру фигляра и шута,
в нем корчится душа—орущая, былая,
и полночью, когда с улыбками у рта
людские души спят, душа Пьеро пылает.

И на ее огне он стряпает стихи,
и дремлет на плече у розовой зорьки.
Рука его легка. Глаза его сухи.
А строки на бумаге солонны и горьки.

Но утро позовет—и, сумку, как суму,
забросив за плечо, он скатится с порога...
И все же я—представь!—завидую ему,
и все же я—поверь!—иду его дорогой.

...Прости меня, дружок, за пьяное перо,
на эту болтовню, пожалуйста, не сетуй,
но знай, что до сих пор оплеванный Пьеро
на тоненьких ногах шатается по свету.

август 1970

232

ПЕСЕНКА ПРО АВГУСТ

Август бродит старым князем,
слезы звезд роняя наземь.
Влажны утром, влажны к ночи
затуманенные очи.

Август, ветренный гулена!
Ярок твой кафтан зеленый,
но по стойте, ах, взгляните,
как в нем много желтых нитей!

Август, что с тобою случилось?
Август, может, это старость?
Он ответит, негодую:
“Осень, рыжая колдунья,
подкралась, подсторожила,
наплела—наворожила
и обрушилась ненастьем,
над которым я не властен...”

Август мрачен и растерян.
Август свой бросает терем
и, очами вспыхнув грозно,
он взмывает прямо к звездам.
Там, за облачной грядюю,
сам становится звездюю
и просвечивает скупю
сквозь небесный черный купол.

апрель 1971

ПЛАСТИНОЧКА

Памяти Марка Бернеса

Крутись, пластиночка, крутись!
Свернувшись в ней калачиком,
пой громче, дяденька артист,
а мы с дружкой поплачем-ка.
Пускай курится слов дымок,
невнятный и всклокоченный,
чтоб каждый в нем увидеть мог
все то, чего ему захочется.

Кому захочется гульбы,
кому любви построже бы,
дружку захочется судьбы
совсем иной. А может быть,
дружку захочется в Кижи—
на лодочке, на судне ли...
А мне захочется пожить
подольше и побезрассуднее!

В своих придуманных мирах
под солнечными нимбами
мы будем жить и умирать,
и все же—что б там ни было—
крутись, пластиночка, крутись!
И пой нам нескончаемо,
умерший дяденька артист,—
такой живой, такой отчаянный!

май 1971

222

СЕРЕБРЯНАЯ ПЕСНЯ

Ах, кабы юность шла на зов —
назад ее позвать бы!..
Но через годы, чей туман
обманчив и лукав,
крадутся к нам, крадутся к нам
серебряные свадьбы
и вырастают на пути,
и тянут за рукав.

Годами пламень наших душ
еще не поколеблен,
и были б, верно, хороши
подобные балы,
да только рюмок перезвон
пронзительно серебрян,
да только пряди у невест
серебряно белы.

И все мне чудится, и все
мне мнится неуклонно,
что это просто первый снег
явился на постой,
пробрался в рощу и дерев
желтеющие кроны
укрыл, безжалостный шутник,
серебряной фатой.

И все же — слышишь ли среди
разгульного застолья? —
в звенящей жизни, что бежит,
не ведая помех,
любовь моя, судьба моя,
бессмертен я дотоле,
пока витает надо мной
серебряный твой смех!

июнь 1971

ВЗРОСЛАЯ ПЕСЕНКА

Я понимаю—я смешон,
когда я слышу детский хохот,
когда он бьется о стекло
со всех ребячьих сил,
но мне все кажется: вчера
я сам, такой же кроха,
на белобрысой голове
панамку белую носил.

Неувядаемы года,
когда я петь любил и драться,
когда веснушки на лице,
как солнышки, горят...
А мне все чудилось тогда,
что мне уже за двадцать,
и мне ребята со двора
при встрече “дядя” говорят.

Ах, годы милые мои,
куда вы, годы, так спешите,
и почему недолог ваш
стремительный балет?
Но мне все кажется, что я—
почетный вечный житель
давно исчезнувшей страны,
в которой всем нам восемь лет.

...Я понимаю—я смешон,
когда я слышу детский хохот,
когда он бьется о стекло
со всех ребячьих сил,
но мне все кажется: вчера
я сам—такой же кроха—
на белобрысой голове
панамку белую носил.

июнь 1972

ДРУЗЬЯ УХОДЯТ

Друзья уходят как-то невзначай,
друзья уходят в прошлое, как в замять,
и мы смеемся с новыми друзьями,
а старых вспоминаем по ночам,
а старых вспоминаем по ночам.

А мы во сне зовем их, как в бреду,
асфальты топчем, юны и упруги,
и на прощанье стискиваем руки,
и руки обещают нам: “Приду“,
и руки обещают нам: “Приду“.

Они врастают—тают—в синеву,
а мы во сне так верим им, так верим!
Но наяву—распахнутые двери,
и боль утраты—тоже наяву,
и гарь утраты—тоже наяву.

Но не прервать связующую нить,
она дрожит во мне и не сдастся.
Друзья уходят—кто же остается?
Друзья уходят—кем их заменить?
Друзья уходят—кем их заменить?..

Друзья уходят как-то невзначай,
друзья уходят в прошлое, как в замять,
и мы смеемся с новыми друзьями,
а старых вспоминаем по ночам,
а старых вспоминаем по ночам.

1966—1972

246

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Мне успеть бы сказать за оставшийся срок
все, что позже нельзя, все, что раньше не смог,
все, над чем свои перья ломал по ночам,
все, о чем перед сердцем своим умолчал.

А про что умолчал в этой жизни чумной?
Умолчал про стихи, убиенные мной,
и про совесть свою, что за грош променял,
и про женщину ту, что не любит меня.

Про далекую ту, про нелегкую ту,
про гордыню ее, про свою маету,
и про то, как во мне ее голос дрожит,
и про то, как истошно мне хочется жить.

Понимаешь ты—жить! Хоть неделю! Хоть час!
Мне бы только успеть, мне бы только сейчас
строчку лживую сжечь, песню новую спеть...
Только мне не успеть, не успеть, не успеть,

не успеть мне сказать за оставшийся срок
все, что позже нельзя, все, что раньше не смог,
все, над чем свои перья ломал по ночам,
все, о чем перед сердцем своим умолчал.

ноябрь 1972

ПЕСНЯ О ТРУБАЧЕ

Сизый дым колыхнется стеной, товарищ.
Посидим, закурим по одной, товарищ.
И, на сердце руку положив,
мы, забыв дневную суету и ругань,
просто взглянем пристально в глаза друг другу
и поговорим за жизнь —

ту, в которой никогда я не был,
ту, в которой вспарывают небо
свист клинков,
 гул пальбы,
звон подков,
 зов трубы.

Там, среди ручьев и непогод, товарищ,
спит трубач уже который год, товарищ,
не смыкая удивленных глаз.
Он лежит, дождями и росой пропитан,
он лежит, а на виске его пробитом
кровь звездой запеклась.

Не мигая смотрит он на солнце,
а над ним беснуется — несется
свист клинков,
 гул пальбы,
звон подков,
 зов трубы.

Жизнь — трубач, а мы всего лишь только горны.
Плачь не плачь — а жизнь порой берет за горло,
нас в фальшивой ноте улича.
Быть ее серебряной трубой, товарищ,
нам с тобой даровано судьбой, товарищ,
выпьем же за трубача!

Пой, трубач, трубой своей сверкая,
в песне той пускай не умолкают
свист клинков,
 гул пальбы,
звон подков,
 зов трубы!

декабрь 1972

РОМАНС № 1

Не дай мне Бог познать твою измену!
Живи как знаешь: рядом, вдалеке —
но только будь монеткой неразменной
в моем до крови сжатом кулаке.
И на безмерной той, бессмертной трассе,
где нас швыряет по ухабам дней,
меня не делай бедного бедней —
не выкатись из рук, не потеряйся.

Меня как лист по горестям носило,
во мне не смолк еще площадный гам,
когда земная чертовая сила
низринула меня к твоим ногам.
И началось банальнейшее действие,
в котором мог бы действовать любой,
когда не мне бы выпала любовь —
мой белый стих, мое второе детство.

Она меня окутала, как дым
из только что внесенного кадила,
и целый мир собой загородила,
и в тот же миг незримо стала им.
И потому, страданием измерив
весь этот мир, что пышен и убог,
не дай мне Бог, молю, не дай мне Бог,
не дай мне Бог познать твою измену!

235

КОЛОКОЛА

Над Новодевичьим, словно отчаявшись,
колокола, как будто головы, качаются.
Высунув языки,
что-то кричат с тоски,
но ничего у них не получается.

Колокола мои, что вы колышетесь?
Лучше прислушайтесь, и вы тогда услышите:
жизнью исколото,
сердце, как колокол,
бьется в ночи, бьется в ночи.

Бьется—беснуется, бьется—скитается,
на колокольный звон сердец чужих слетается,
гулкое, гордое,
бьется над городом
и объяснить ему что-то пытаются.

...За Новодевичьим площадь пуста еще.
Над Новодевичьим, рассветным и светящим,
вроде стрижат, стрижат
листья кружат, кружат,
а по ночам, а по ночам—

над Новодевичьим, словно отчаявшись,
колокола, как будто головы, качаются.
Высунув языки,
что-то кричат с тоски,
но ничего у них не получается.

1972

ИГРАЕТ БАХ

Осенний воздух музыкой пропах,
глочает мир оранжевое зелье,
а над землей, а над землей
играет Бах, играет Бах, играет Бах,
и звуки музыки его, как листья желтые,
летят, летят на землю.

Гудит орган, разносит в пух и прах
все то, что в нас ненужно и нестойко.
И ни престолов, и ни плах,
а только Бах, всего лишь Бах, один лишь Бах, —
и ни столетий, и ни войн, нет ничего,
одна лишь музыка — и только.

И если там, в заоблачных клубах,
царит Господь, не ведающий страха,
в его распянутых глазах
мерцает Бах, сверкает Бах, бушует Бах,
и даже Богу в небесах нет ни пощады,
ни прощения от Баха.

...Осенний воздух музыкой пропах,
глочает мир оранжевое зелье,
а над землей, а над землей
играет Бах, играет Бах, играет Бах,
и звуки музыки его, как листья желтые,
летят, летят на землю.

1973

240

ПОЛНОЧНЫЙ ВАЛЬС

Полночь плетет кружева из теней
на стене, на стене, на стене.
Гаснут в ночи, догорают в ночи
три свечи, три свечи, три свечи.
Ах, как банально звучит:
полночь, перо, три свечи...
Но, вопреки суете, у плеча—
три звезды, три свечи, три луча.

Свечи мои, вам не вечно мерцать
у лица, у лица, у лица.
Вашим теплом, прежде чем потушу,
подышу, подышу, подышу.
Алую свечку души
сились задуть-затушить,
мерно бегут каплям воска вослед
капли лет, капли лет, капли лет.

Жизнь моя, боль моя, не затухай—
попыхай, попыхай, попыхай!
Если огонь посреди темноты—
это ты, это ты, это ты.
В снежном безбрежном дыму
снова к огню твоему,
как мотылек на ночную свечу,
полечу, полечу, полечу.

октябрь 1973

АТЕИСТИЧЕСКАЯ МОЛИТВА

И опустится ночь, и осыплется град,
и обрушится меч на клейменные лица...
Подойди же ко мне, мой товарищ и брат,
помолись за меня, не умея молиться.
И когда поутру, отрешась от тревог,
мы пойдем на помост сквозь гоненья и гогот,—
да поможет нам Бог, да поможет нам Бог,
да поможет нам Бог—нам, не верящим в Бога.

Да поможет он нам мановеньем руки
осчастливить друзей, расквитаться с врагами,
да поможет он нам всем богам вопреки
на безбожной земле стать земными богами.
Всем, кто жалок и нищ, всем, кто сир и убог,
дать немного тепла и терпенья немного
да поможет нам Бог, да поможет нам Бог,
да поможет нам Бог—нам, не верящим в Бога.

В невозможный тот миг, в неизбежный тот час,
когда будничный рай обернется содомом,
и замолкнут уста, и глаза закричат,
мы из жизни уйдем, как уходят из дома...
Подымающим пыль поднебесных дорог,
в бесконечную высь уходящим полого,
да поможет нам Бог, да поможет нам Бог,
да поможет нам Бог—нам, не верящим в Бога.

ноябрь 1973

ДОРОЖНЫЕ ЗНАКОМСТВА

Проехали Оку.
День к вечеру клонится.
Налей-ка нам чайку,
товарищ проводница!
Приблизь свои глаза,
сидящие раскосо,
и выпей с нами за
дорожные знакомства,

те самые, когда,
разлив чаек в посуду,
поведаешь, куда,
к кому ты и откуда,
а после, а потом,
у полночи на страже
поведаешь о том,
о чем потом не скажешь.

О родине, простой,
как просека лесная,
о женщине, о той,
которую не знаешь,
о ветре за плечом,
о солнце на ресницах...
Да мало ли о чем,
товарищ проводница!

Дождливая капель
забарабанит в крышу,
а я в своем купе
прилягу — и услышу,
о чем за часом час
по рельсам, по откосам
стучат, стучат, стучат,
стучат, стучат колеса...

1973

ПАМЯТИ ВИКТОРА ХАРА

Арбитров не тревожьте —
напрасные труды:
на гаревой дорожке —
кровавые следы.
Не спасишь от агонии,
прожив короткий век,
Лежал на стадионе
курчавый человек.

А рядом, а рядом лежала, грозна,
как осень от листьев, от крови красна,
обычным гитарам не ровня, не пара,
гитара Хара, гитара Хара.

Все выдержав удары,
лежала у лица
бессмертная гитара
убитого певца.
Поэта и страдальца,
воспевшего страну,
растоптанные пальцы
цеплялись за струну.

А ночью, собою полнеба закрыв,
вставал над землею несломленный гриф
обычным гитарам не ровни, не пары,
гитары Хара, гитары Хара..

Гитара с ним бывала
и в небе, и в аду,
гитара с ним узнала
и радость, и беду,
гуляла с ним на тризне,
ломала с ним комедь,
шагала с ним по жизни,
пошла за ним на смерть.

Она зажигала сердца по ночам,
она хохотала в лицо палачам,

обычным гитарам не ровня, не пара,
гитара Хара, гитара Хара.

...Горят во тьме кромешной
года, как этажи.
Товарищ мой умерший,
прощай и не тужи, —
над тем, пропел о чем ты,
не властны времена:
вранья кругом до черта,
а правда лишь одна.

Отныне и присно, светя горячо,
у каждого барда горит за плечом
обычным гитарам не ровня, не пара —
гитара Хара, гитара Хара.

1974

**ПИСЬМО, НАПИСАННОЕ В НОЧНОМ
АВТОБУСЕ,
ИДУЩЕМ ИЗ БЕРЛИНА В ДРЕЗДЕН**

Под колеса катится
 шар земной,
будто на два полюса
 делит нас.
Будь со мной, любимая,
 будь со мной,
каждый день, любимая,
 каждый час.
Шум чужого города
 у виска,
пламенеют площади
 и мосты.
А меня по Родине
 жжет тоска,
потому что Родина—
 это ты.
В нашей жизни, бешено-
 кочевой,
нам кружащей головы
 добела,
ничего не надо мне,
 ничего,
только чтобы около
 ты была.
В оттепель весеннюю,
 в летний зной,
на исходе зимнего
 злого дня
будь со мной, любимая,
 будь со мной,
даже если около
 нет
 меня.

июнь 1974

РОМАНС № 2

Не уходишь, нет. Не упрекаешь.
Как песок, сквозь пальцы протекаешь.
Никакой отныне не удержит панцирь —
как песок сквозь пальцы,
как песок сквозь пальцы...

А казалось дурню, а казалось,
что судьба потрафила на зависть,
что ее посуды, как гроши-деньжата,
в кулаке зажаты,
в кулаке зажаты.

Ну, а может, все же, ну, а может...
И, неожиданной не унявши дрожи,
я кулак замерзший разжимаю с хрустом,
а в ладони — пусто,
а в ладони пусто...

1974

ДОЖДЬ СМОЕТ ВСЕ СЛЕДЫ

В ту ночь, когда Москву обшарил первый ливень,
я, брошенный к столу предчувствием беды,
в дрожащей полутьме рукой дрожащей вывел:
“Дождь смоеет все следы...”

Дождь смоеет все следы.“

Четырежды падут все вехи и устои,
исчезнут города, осыпятся сады,
но, что бы ни стряслось, тревожиться не стоит —
дождь смоеет все следы.

Дождь смоеет все следы.

Ведь время — тоже дождь, который вечно длится,
который не щадит ни женщин, ни мужчин.
Он хлещет наугад по крышам и по лицам,
по инею волос и кружевам морщин.

И сколько б ты ни жил, в какой бы ни был силе,
и кто бы ни склонял тебя на все лады,
и сколько б ни вело следов к твоей могиле —
дождь смоеет все следы.

Дождь смоеет все следы...

Так думал я, когда от грома задрожали
промокшие дворы, и два моих итенца,
которых мы с тобой так рано нарожали,
устроили галдеж перед лицом отца.

И понял я в тот миг, от ливня изнывая,
что детский этот крик, ворвавшийся сюда,
и есть тот самый след, который несмываем,
который негасим никем и никогда.

...Дождь трудится всюю. И помощи не просит.
Звенящую метлу зажав в своей горсти,
он драит тротуар, как палубу матросик,
и мокрый тротуар, как палуба, блестит.

февраль 1975

КОЛЫБЕЛЬНАЯ СЫНУ

За окошком ветер завывает тоненько,
ночь простынку снега стелет на карниз...
Что же мне с ним делать, с этим ртутным столбиком,
как его заставить опуститься вниз?

Не слышны проказы и затихли шалости,
хвороба-хвороба к нам пришла домой.
Спи, мой человечек, не грусти, пожалуйста,
мы ее прогоним, человечек мой.

Новый год махнет тебе зеленой лапою
и подарит лучший из своих даров.
Новый год нашепчет что-то маме с папою,
и через минуту будешь ты здоров.

Спят в реке рыбешки, спят медведи в ельнике,
вся земля от снега белизны белей.
Засыпай скорее, дуралей мой беленький,
дуралей мой маленький, не болей.

1975

БАЛЛАДА О ПОЛУНОЧНОМ КОМИССАРЕ

В ту ночь плыла луна над спящим городом,
та ночь была черна—чернее ворона,
и к черным небесам тянулись этажи.
А он ко мне вошел в пробитой кожанке,
а он мне прошептал: “Как мало прожил я!
Как мало прожил я, как много я прожил!”

Идя в огонь и дым
в военные кануны,
кто умер молодым—
остался юным.

Перед лицом всех бед мы были стойкими.
Тебе семнадцать лет. Нам было столько же
в кровавом и родном далёко—далеко.
Нам было нелегко. Но было—здорово,
и мы за вашу жизнь платили дорого,
но шли через Сиваш, но брали Перекоп.

Идя в огонь и дым
в военные кануны,
кто умер молодым—
остался юным.

Не дай пройти вам то, что нами пройдено,
но в час, когда на бой позвала Родина,
мы встали как один, мы встали как один.
И пали мы в бою. Но мы не павшие—
ведь мы глядим на мир глазами вашими,
и наша правота горит у вас в груди.

Идя в огонь и дым
в военные кануны,
кто умер молодым—
остался юным“.

**ПЕСЕНКА — ПОБАСЕНКА,
или
НОВАЯ ГИПОТЕЗА О ПРОИСХОЖДЕНИИ
ТУНГУССКОГО МЕТЕОРИТА**

На заброшенной опушке
в перекошенной избушке,
ничего не зная ни о ком,
худо-бедно, слепо-слабо
жили-были дед да баба,
пили-ели кашу с молоком.
Утоляли голод-жажду,
но однажды, но однажды,
хашляя, чихая и сипя,
золоча свой плащ победный,
х ним явился рыцарь бедный,
весь худой и бледный из себя.

У него случилась драма—
от него удрала дама
(господи, везет же дуракам!).
Бабка в дом—да пусто в доме.
Ничего нет в доме, кроме
огурцов да плошки молока.
Вою ветра жалко вторя,
бедный рыцарь (видно, с горя,
видно, из своих последних сил)
по столу провел усами,
со стола в одно касанье
все подмел—добавки попросил.

Но:

В животе скрестили трассы
две критические массы
и соединились в пустоте.
И тогда, урча как трактор,
первый атомный реактор
заработал в этом животе.

Бедный рыцарь бросил шпагу
и развил такую тягу —
господи, помилуй и спаси!
Головою вышиб крышу
и поднялся леса выше,
выше государя на Руси.

В эту ночь, ужасно воя,
над заснеженной тайгою
прокатился раскаленный ком.
Кто же знал, что это мчится
наш худой и бледный рыцарь,
огурцов поевший с молоком!
Он летел легко и праздно,
весь такой газообразный,
а за ним тайга огнем горит.
И взметнулись тучи гнуса,
а тунгусы, а тунгусы
думали — упал метеорит.

1975

234

ПЕСЕНКА ЖОНГЛЕРА

Тряхни, жонглер, былою славой,
возьми-ка кольца и булавы
и начинай воздушный их дележ.
Никто, жонглер, еще не помер,
когда давал прощальный номер,
и вот сегодня ты его даешь.

Ты сегодня номер первый,
но впервые сдали нервы,
и, о выходе услышав,
ты не вышел, ты не вышел.
И, задув себя, как свечку,
ты последнее колечко,
словно преданного друга,
бросил в самый дальний угол.

Постой, жонглер, и я с тобою!
Одной мы связаны судьбою,
одни у нас дороги и края.
Ведь от партера до галерок
мы все жонглеры, все жонглеры—
и ты жонглер, и он жонглер, и я.

Я жонглер,— ведь перед вами
я жонглирую словами.
Словно кольца их меняя,
в зал роняю, в зал роняю.
Номер мой, увы, не вечен,
и, когда погаснут свечи,
словно грим, сотру усталость.
Ах, как мало слов осталось...

Прощай, жонглер! Нас время учит
себя раздумьями не мучить.
Давай, жонглер, смахнем-ка их со лба.
Шуты, фигляры и пропойцы,
мы сами— кольца, только кольца,
которыми жонглирует судьба.

Над Москвою, над Парижем,
кто-то выше, кто-то ниже,
мы летим неустойчиво —
кто-то в руки, кто-то мимо.
Словно слезка после бала,
вот еще кольцо упало,
кануло, пропало где-то...
Кто же это? Кто же это?

август 1975

233

ПУСТЬ ДОЖИДАЮТСЯ

Разлука—выше всех печалей...
В чаду житейского огня
вино, которое почали,
пусть дожидается меня.
В горниле будничных баталий,
в недолговечном свете дня
друзья, которые остались,
пусть дожидаются меня.

Приняв за чистую монету,
и обожая, и кляня,
та женщина, что лучше нету,
пусть дожидается меня.
И, как вино, легко и грубо,
вино, которое люблю,
меня дождавшиеся губы
я отыщу и пригублю.

И, полнясь суетой земною,
светло в душе моей звеня,
стихи, не начатые мною,
пусть дожидаются меня.
И в пелене снегов несметных,
летающих на исходе дня,
закат мой черный, час мой смертный
пусть дожидается меня.

...Разлука—выше всех печалей.
В чаду житейского огня
вино, которое почали,
пусть дожидается меня.
В горниле будничных баталий,
в недолговечном свете дня
друзья, которые остались,
пусть дожидаются меня.

декабрь 1975

РОМАНС № 3

Когда-нибудь, тебе грубя,
как блудный сын об отчем доме,
я вспомню, что любил тебя,
и уроню лицо в ладони.
И вспомню я, дыша едва,
как на осеннем карнавале
плясала паляя листва,
а мы с тобой не танцевали.

Нас руки тайные вели.
В их упоительном овале
мы в сантиметре от земли
нерасторжимо проплывали.
В тот быстротечно-вечный миг,
когда звучали эти струны,
мы юны были, черт возьми!
Ах, черт возьми, мы были юны...

Любимая! Пока живой,
я верить в повторенье буду
неповторимого того,
того коломенского чуда.
Оно пребудет выше всех.
И жизнь пройдет. И снег повалит.
И затанцует этот снег,
как мы с тобой не танцевали...

февраль 1976

**ГРУСТНО-БАНАЛЬНАЯ ПЕСЕНКА
В ФОРМЕ ОБРАЩЕНИЯ К ЗРИТЕЛЮ**

Б. Окуджава

Я сегодня очень весел,
я сегодня как в бреду.
Ах, мой зритель, встаньте с кресел
в восемнадцатом ряду —
и застыньте, и замрите,
и в накуренном дыму
вы поймете, ах, мой зритель,
все, что сам я не пойму:
почему длинна и стойка
эта чертова зима,
и от дури счастья столько,
сколько горя от ума,
почему, терзая струны
перед зрительским судом,

я снаружи очень юный,
а внутри совсем седой...
Мимо грубости и ласки,
мимо гама детворы
мчатся годы, как салазки
с ослепительной горы,
годы мчатся в снежной пыли,
нас несут, несут, несут...
Вы бы, годы, не спешили,
кабы знали, что внизу.
Я кончаю, я кончаю —
отбуянил, откричал.
Как кораблик, я отчалию
и забуду про причал.
Звук замрет на верхней ноте,
и умрут прожектора...
А вы, зритель мой, зевнете
и уснете до утра.

229

ОБЛАКА

*памяти школьников
выпуска 1941 года*

Над землей бушуют травы,
облака плывут, как павы.
А одно, вон то, что справа, —
это я...

это я...

это я...

И мне не надо славы.

Ничего уже не надо
мне и тем, плывущим рядом.
Нам бы жить — и вся награда.
Нам бы жить,
нам бы жить,
нам бы жить —
а мы плывем по небу.

Эта боль не убывает.
Где же ты, вода живая?
Ах, зачем война бывает,
ах, зачем,
ах, зачем,
ах, зачем,
зачем нас убивают?..

А дымок над отчей крышей
все бледней, бледней и выше.
Мама, мама, ты услышишь
голос мой,
голос мой,
голос мой —
все дальше он и тише...

Мимо слез, улыбок мимо
облака плывут над миром.
Войско их не поредело, —
облака,
 облака,
 облака...
И нету им предела!

июнь 1976

МАМИНА ПЕСНЯ

То весна, то осень,
и ложится проседь
на мои виски.
Но на белом свете
мне окошком светит
улица Дубки.

Там подкатывает к горлу комом,
там хранит меня от бед
в огоньке оконном
силуэт знакомый —
мамин силуэт.

Как рыбешки в сети,
уплывают дети
в зрелые года.
То угрюм, то нежен,
с каждым годом реже
прихожу сюда.

Будто стала мне дорога длинной
к стенам отчего жилья...
Но, придя с повинной,
мамины морщины
не разглажу я.

Мотыльком печальным
залечу случайно
на родной огонь.
Залечу — и ажну:
ах, как детством пахнет
мамина ладонь.

К ней прильну — и сразу легче будет
пить судьбы горчайший мед.
Мама гнев остудит,
мама не осудит,
мама все поймет.

...То весна, то осень,
и ложится проседь
на мои виски.
Но на белом свете
мне окошком светит
улица Дубки.
Там, подкатывая к горлу комом,
долго смотрит мне вослед
в огоньке оконном
силуэт знакомый —
мамин силуэт.

август 1976

241

НОЧЬ В ВЕЛЕНЕ

Тлеет остывший костер,
на берег брошены весла,
в месяц вонзается острым
спилем костел.
Вечный и преданный страж,
в речке полощется ива,
и глубоко под обрывом
дремлет, уставши,
лодочка наша,
утлый кораблик наш.

Ночь на латвийской реке
неописуема, ибо
плещется в Гауе рыба,
как на Оке.
Шорох звериных шагов
дальние ельники полнит,
и в полнолунную полночь
мерно пронесят
по лесу лоси
кроны своих рогов.

С каплей росы на щеке
по заболоченной тропке
выйду бесшумно и робко
к спящей реке.
Черная плещет вода,
и над тишайшей Веленой
посередине Вселенной,
плавно снижаясь,
кружится аист
у своего гнезда.

август 1976

РОМАНС № 4

Влюбиться бы — на час,
на вечность, на секунду,
и пусть пересекутся
немедленно, сейчас
мгновенье и века,
запястье и рука.

Влюбиться бы, с ума
сойти, сбежать из дома
в неведомье, как в омут,
чтобы меня сама
Любовь — начал начало —
над Вечностью качала.

А после — имена
доверить пересудам.
А после — это чудо
до смерти вспоминать
с горчайшим юным пылом,
как лучшее, что было.

август 1976

238

ПРОЩАНИЕ С ЛЕТОМ

Путаясь в воспоминаньях, как в сетях,
медленно вхожу в тридцатый свой сентябрь.
Только что зеленый — и уже иной,
лес мой осыпается,
как будто календарик отрывной...
Прощаюсь с летом,
ах, господи, как грустно это!

Дней своих перебирая чет-нечет,
осень, словно желтая река, течет,
и в закатном мареве за той рекой
юность — моя девочка —
все машет мне из августа рукой...
Прощаюсь с летом,
ах, господи, как грустно это!

Желтый отсвет ляжет на мои листы.
Осень, значит, мы с тобой уже на "ты".
Скоро наши сумерки блеснут ледком.
Осень начинается,
а значит, до зимы недалеко.
Прощаюсь с летом,
ах, господи, как грустно это!

сентябрь 1976

242

ЧЕТЫРЕ ЦВЕТА

Скоро, скоро, как и встарь,
распахнет волшебный ларь
январь, январь.
И по воле января
засверкает из ларя,
горя, горя,
все то, что мы давно хотели:
и сугробы, и метели,
и узоры на окошке,
и в пушистых белых шалах ели.
Белый снег повалит, и на целый белый свет
воцарит, восторжествует
белый свет.

Но проклюнутся в ночи
наши, ваши и ничьи
ручьи, ручьи.
И, подставив под капель,
нас макнет в свою купель
апрель, апрель.
И, как всегда, отступит стужа,
детвора облепит лужи,
и вернувшиеся птицы
над гнездовьями закружат,
и разбрызжется беспечно над озерным и лесным
голубой, пьянящий, вечный
цвет весны.

Дождик хлещет: буль-буль-буль,
посвист струй, как посвист пуль —
июль, июль.
На поля, на города —
ах, какая благодать —
вода, вода.

Под этот дождь поди усни-ка,
он шумит тысячелико,
а пройдет—и сразу лес
пахнет грибами и брусникой.
Он планету прополощет—и сладка, и солона,
станет вся планета эта
зелена.

К теплым заводам хотя,
птицы за моря летят—
октябрь, октябрь...
Слева, справа—лишь одна
золотая желтизна
видна, видна.
Нас от нее уже уносит
в нашу будущую осень,
и горят прощальным светом
наши весны, наши лета,
и мелькает то и дело в карусели зим и лет
голубой,
зеленый,
белый,
желтый цвет...

ноябрь 1976

ВАЛЬС "ПОД ШАФЕ"

Такой неказистый на вид,
среди нескончаемых качек
дешевый граненый стаканчик
один не качаясь стоит.

Стоит — не колышется. Но
он примет осанку бокала,
и в нем заколышется ало
дешевое злое вино.

Я выпью стаканчик вина,
я стану крылатый и слабый,
как будто я трогаю бабу
и тихо слабеет она.

Я выпью стаканчик вина,
и мир заколышется, будто
он нитью волшебной опутан,
которая нам не видна.

Ах, ноги, куда забрели?
Но вы меня не обвините
за эти сладчайшие нити,
которые вас оплели.

Я буду увертлив, как змей,
я все этой ночью посмею.
А то, что настанет похмелье —
об этом и думать не смей!

декабрь 1976

РОМАНС № 5

Декабрь без снега—знаменье или
сюрпризы года, капризы неба?
На тротуарах—поземка пыли.
Декабрь без снега, декабрь без снега..

К чему бы это? К слезам повинным,
к морозам жарким, к сухой весне ли?
Как ствол ольховый без сердцевины—
декабрь без снега, декабрь без снега.

И будут весны трещать, как зимы,
и будут зимы пылать, как лета..
Декабрь без снега—невыразимо,
невыносимо тревожно это!

Мудрю, наверно. И зря тревожусь—
стол новогодний провис от снеди.
Мне разгуляться б—да я ведь тоже
декабрь без снега, декабрь без снега.

Твой профиль зыбкий—как ветер сдунул.
Мне улыбнуться б, да смех— не выход.
Ведь я-то думал, ведь я-то думал—
ты снегом будешь..

А снег не выпал.

1972—1976

242

САД

В этом, как и в том году,
на предсвадебной аллее
пахнут яблони в саду
и белеют, и белеют.

От досугов и досад,
и не юный, и не вечный,
уплываю в этот сад—
подвечный, подвечный...

Как черны мои следы
в черноземе влажном этом,
когда светятся сады
белым светом, белым светом.

Пусть мерцают, пусть горят!
Как ни ярок, как ни дорог,
этот свадебный наряд
так недолог, так недолог!

Вечером пойду назад
и застыну, огорошен:
лепестками весь мой сад
запорошен, запорошен...

1976

237

ПЕСНЯ КАНАТОХОДЦЕВ

Канатоходцы мы, канатоходцы,
мы над манежем, словно над колодцем.
Купол погас.

Тысячи глаз
целятся в нас.

Значит, нам надо идти. И с улыбкой
мы бежим легко и прытко
по тугой и скользкой нитке —
вот как, вот как,
вот

как, —
ведь

канатаходцы мы, канатоходцы.
Под нами наша жизнь канатом вьется.
Как ни крути —
мимо него

нету пути.

Значит, нам надо идти. И с улыбкой
по слезам, по дням, по датам
мы бежим, как по канату —
вот как, вот как,
вот

как, —
ведь

канатоходцы мы, канатоходцы...
Прыжок — и цирк овацией взорвется.
В каждой руке,
как мотыльки,

бьются хлопки.

Нас не обманут они: мы-то знаем,
как легко под гром оваций
осутниться и сорваться —
вот как, вот как,
вот

как, —
ведь

канатоходцы мы, канатоходцы!

Нам хотца жить, а умирать не хотца,
но под ногой

 пляшет канат,

 гнется дугой.

И, чтобы как-то на нем удержаться,

клонит нас под крики "браво!"

то налево, то направо —

вот как, вот как,

вот

 как, —

 ведь

канатоходцы мы, канатоходцы...

март 1976

281

ПЕСНЯ ДРЕССИРОВАННЫХ ЛЬВОВ

Мы — дрессированные львы.
Мы были грозны, но — увы! —
теперь выходим на манеж и машем лапами.
Мы машем лапами — и вот
весь цирк берется за живот
и бьет ладошками, и нас глазами лапает.

Мы — дрессированные львы.
Мы — безопасные, а вы
на нас смотрите с непонятною опаскою.
Вы, право, страхом увлеклись:
мы, как котятка, улеглись
и тремся мордой о сапог, и смотрим ласково.

Мы ходим в ногу, как один,
а если голос подадим,
то, образумив нас руки единым росчерком,
хлыстом разгонит грусть-тоску
и бросит в зубы по куску
вон тот плюгавый, что зовется дрессировщиком.

Скользя бесшумно и легко
в своем сверкающем трико,
он треплет гривы нам, а после ходит гоголем...
Он нас, конечно ододел,
но до того нам надоел,
что просто сил уж нет! Но мы его не трогаем.

Плывут бесцветные года...
И мы мечтаем иногда:
из нашей шкуры дрессированной мы выпрыгнем,
хлыста почувствовав ожог,
мы соберем себя в прыжок
и дрессировщика сожрем, и пряжку выплюнем.

И, как по лезвию ножа,
визжа, беснуясь и дрожа,
весь цирк рванет по галереям и по ярусам
от циркача, который мертв,
и от кровавых наших морд,
и от накопленной годами нашей ярости!

...Но тут мы думаем о том,
а что потом, а что потом,
и как подумаем о том, нам сразу кажется,
что наш вольер не так уж плох,
что в нем не так уж много блох,
что есть вольеры и поуе, и загаженной.

Мы — дрессированные львы.
Мы безопасные, а вы
на нас глядите с непонятною опаскою.
Вы, право, страхом увлеклись:
мы, как котята, улеглись
и тремса мордой о сапог, и смотрим ласково.
...Мя-я-я-у!

март 1976

АВИАПЕСЕНКА

Над тушей земною, над тайным и явным
летит самолетик, и я в нем, и я в нем,
как ангел, лечу с облаками в обнимку...
Будь счастлива, Нинка,
будь счастлива, Нинка!

Будь счастлива там, под моими крылами,
ночным отрешеньем, земными делами,
и тем, что твой сын подрастет в это лето,
и тем, что ты слушаешь песенку эту.

Считается— счастьем поди уколи-ка!
Но счастье изменчиво и многолико:
оно золотистое и голубое,
в нем плачут от счастья и плачут от боли.

Ведь жизнь—словно море: приливы-отливы...
Несчастье—все время быть только счастливой.
Поэтому, Нинка,—но только не часто—
ты счастлива будь оттого, что несчастна.

...Над тушей земною, над тайным и явным
летит самолетик, и я в нем, и я в нем,
как ангел, лечу с облаками в обнимку...
Будь счастлива, Нинка,
будь счастлива, Нинка!

июль 1977

ФРАНЦУЗСКАЯ ПЕСЕНКА

*Не сказка это—присказка,
Что за окошком непогодь,
И ты такая близкая,
Что просто дальше некуда.
Как голубые шарики,
Взлетающие на небо,
Давай возьмемся за руки
И улетим куда-нибудь..*

Сказка-небылица:
город не пылится,
небо голубое,
а под небом только мы с тобою.

Чисто и уютно,
пусто и безлюдно
в парках и трамваях,
потому что в сказках все бывает.

Вспыхнут и заноят
крылья за спиной,
город в дымке тает—
это мы над городом взлетаем.

В этом синем свете,
там, где свищет ветер,
вечно бы носиться,
словно две неуловимых птицы,

чтоб зимой и летом
в синем свете этом
ты со мной качалась,
только сказка чтобы не кончалась.

...Сказка—небылица:
город не пылится,
небо голубое,
а под небом только мы с тобою.

ПИСЬМА

Жду писем. Каждый вечер жду.
Они плывут в тюках и грудях.
Как счастье, жду. Жду, как беду,
ни от кого и ниоткуда.

Неделю ждешь и месяц ждешь
гонцов неведомой разлуки,
а письма падают, как дождь,
в чужие ящики и руки.

И сквозь заснеженную жуть
под “тик“ под “так“ часов усатых
я самому себе кажусь
большим письмом без адресата.

Не распечатано оно,
на остальные непохоже —
и слава богу! Все равно
его никто прочесть не сможет.

...А город вечером залит,
и, не видны простому оку,
лежат печати чьих-то лиц
на золотых конвертах окон.

сентябрь 1977

ПОЕЗД

А может, хватит, может, хватит
себя терзать по мелочам?
Наш поезд катит, поезд катит,
нас за собою волоча.
Вагон уютен, словно кокон,
в купе такая благодать,
а мимо окон, мимо окон
бегут столбы, летят года.

Наш поезд катит тихим ходом
по шпалам радостей и бед,
но с каждым годом, с каждым годом
его стремительнее бег.
Уже никто из нас не видит
летающих станций кутерьму,
но каждый выйдет, каждый выйдет,
когда положено ему.

Год—как неделя, а неделя—
как два часа в немом кино.
Но я надеюсь, я надеюсь,
что мне увидеть суждено
на том, последнем полустанке,
в закатный падая огонь:
детей щебечущая стайка
влетает в головной вагон...

сентябрь 1977

ТОПОЛЯ

Тополя...

Воистину нетленны тополя.
Ложатся белой пеной тополя
на плечи подмосковных дач.
Думаю:
переиначить бы судьбу мою,
а я позвякиваю суммою
своих сомнительных удач.

Тополя...

Неоголимы эти тополя.
Белеют на планете тополя,
как белый храм на Покрова.
Целую
потрачу жизнь, но, может, сделаю:
пущу по белу свету белые
неуловимые слова.

Тополя...

Белы не только цветом тополя—
во мне зимой и летом тополя
белы на ощупь и на слух.
Господи,
как было жить на свете просто бы,
когда бы были души взрослые
белы, как тополиный пух!

Строгая

судьба опять манит дорогою,
но старость нас за локоть трогает—
проклятая попутчица.
Во поле
гуляет пух лебяжий с тополя.
Еще один мы день протопали,
а дальше—как получится...

октябрь 1977

ДЕЛА

— Где ты, девочка, была?
— Бабку в садике ждала,
куклу в рученьки брала,
то гуляла, то спала—
все дела, дела, дела...

— Где ты, девица, была?
Как ты, девица, бела!
— Я не ела, не пила,
я у милого была—
целу ночь с ним провела...

— Где ты, женщина, была?
— Где я только не была!
Жизнь мне, милый, не мила:
я как лошадь в удилах—
все дела, дела, дела...

— Где ты, бабушка, была?
— Внучку в садик отвела,
в белу церковку зашла,
белу свечечку зажгла,
помолилась—и пошла...

октябрь 1977

244

ПЕСЕНКА КЛОУНА

Клоун — кто он? Кто он — клоун?
Рот растянут до ушей,
и другой такой же клоун
может гнать его взащей.
В понедельник и в субботу —
на арену выходи!
Вот веселая работа!
Не работа — смех один!

...У клоуна сегодня день иной,
листвою укрытый, словно лисьим мехом.
У клоуна сегодня выходной,
и клоуну сегодня не до смеха.
И он идет в осенний яркий лес,
чья пестрота глаза слепит и режет,
как будто лес в костюме фигляра влез
и на земле стоит, как на манеже.

Клоун нас лишил покоя.
Вне этических тенет
клоун делает такое —
просто мочи больше нет.
Хохот множится, как эхо,
и соседям на беду
кто-то корчится от смеха
в восемнадцатом ряду.

...Осенний день багровый дым клубил,
а клоун шел и думал в этой глуби,
что женщина, которую любил,
его и не любила, и не любит,
что горек вкус дешевого вина,
что города меняются, как роли.
Оглянешься на жизнь — а где она?
Гостиницы, любовницы, гастрولي...

Под прожектором коптится
жизни круг, арены круг,
и овации, как птицы,
вылетают из-под рук.
По осенней хляби хлипкой
от старух до малышей
все уйдут с его улыбкой,
той улыбкой—до ушей!

...А клоун шел и прядь сдувал со лба,
и думал, вспоминая эти лица,
что все-таки возвышенна судьба—
своей улыбкой с ближними делиться.
Манеж Земли вращался тяжело,
небесный купол лил заката алость...
Дневное представление прошло,
вечернее еще не начиналось.

март 1978

РОМАНС № 6

(автопортрет женщины с яблоками)

Черно-белое таинство автопортрета...
Черно-белая прядь оmyвает висок.
Эта женщина из черно-белого света.
Ее взгляд недвижим. Ее образ высок.

Белый ватман. Багет. Отблеск высохшей туши.
Застекленно и намертво сжаты уста.
Им раскрыться еще, им рвануться наружу
из бездонных и плоских объемов листа.

Закружат надо мной черно-белые птицы,
и, ломая багета сухой окоем,
черно-белое яблоко на пол скатится
и откроется мне в многоцветье своем.

Где ты, ветер-отец? Мама-яблоня, где вы?
Где ты, яблоко то потерявший возок?
Оно катится к нам от Адама и Евы.
Подобрать бы его! Надкусить бы разок!

Но сокрыто от глаз потаенное семя,
и царит на столе новогодняя снедь,
и пребудет со мной, как всегда и со всеми,
черно-белая жизнь.

Черно-белая смерть.

февраль 1978

РОМАНС № 7

Мне снится женщина одна.
Она умней меня и старше.
Мне так отчетливо видна
тоска в очах ее запавших,
и губ запекшихся края,
и шрам у левого запястья...
Поменьше б снов таких! Но я
со снами совладать не властен.

Мне снится женщина одна.
Какие б ни шептал слова я,
но вновь и вновь она со дна
зрачков моих ко мне всплывает.
И молча за руку берет,
и в непонятном хороводе
меня та женщина уводит
сквозь стены, в утро и — вперед.

Она лишь снится мне. Уволь
от подозрения и брани...
Но всякий раз нещадно ранит
меня немислимая боль,
когда будильник дребезжит,
когда распахнуты ресницы,
когда уже никто не снится,
и рядом женщина лежит

другая...

1965—1978

247

ВЕЧЕР С ДРУГОМ

А вечер был—как травяной настой...
Друг сел и руки положил на стол.
И понял я, что другу туго,
но я его по праву друга
не мучил и не поучал—
молчал.

Молчал, глазами по лицу скользя,
о чем—словами рассказать нельзя:
про те несбывшиеся дали,
которых только и видали
когда-то в детстве по весне
во сне.

Была закуска на столе слаба,
но хмель морщины разгонял со лба,
и мы уже не замечали
свои недавние печали.
Мир будто заново возник
без них.

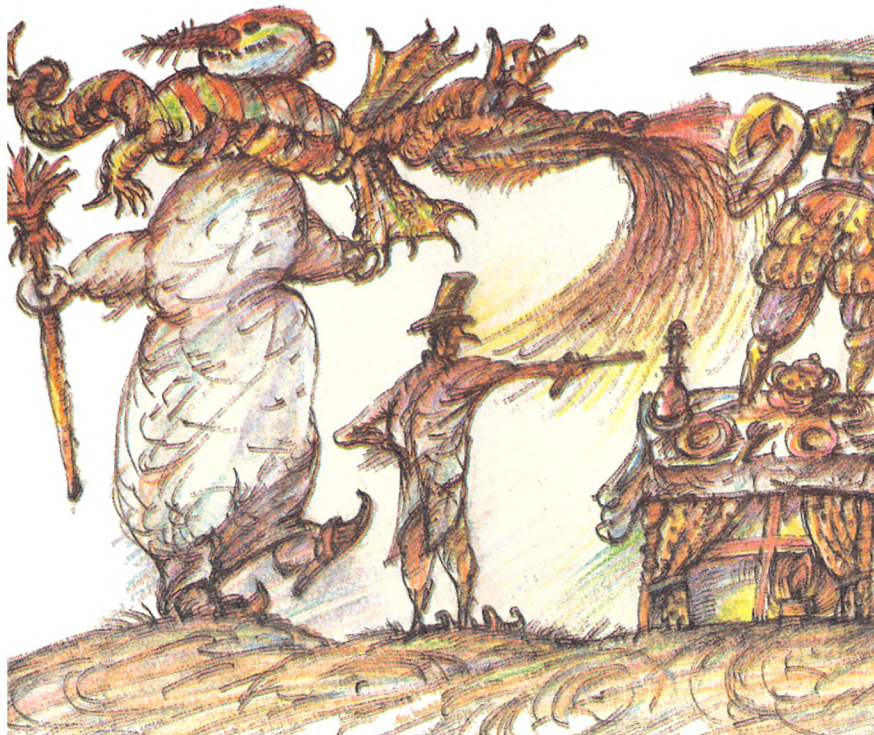
И в мире заново возникшем том,
где хлеб бесплатен и не заперт дом,
мир был на честности помешан,
и было подлости поменьше,
и было все, как быть давно
должно.

Мой давний друг, мой неизменный друг,
еще один мы завершаем круг.
Как мимолетны круги эти,
в которых дышат наши дети,
и нас уже зовут на “вы”—
увы!

ЖЕСТОКИЙ РОМАНС

Томимый славы вечным голодом,
я вздыхаю монотонно:
ах, мне бы яблоко на голову—
тогда и я бы был Ньютоном.
Вот славно было бы! Вот здорово!
Вот где я славы пригубил бы!
Ах, кабы мне не быть Егоровым,
я, может, кем-нибудь и был бы...

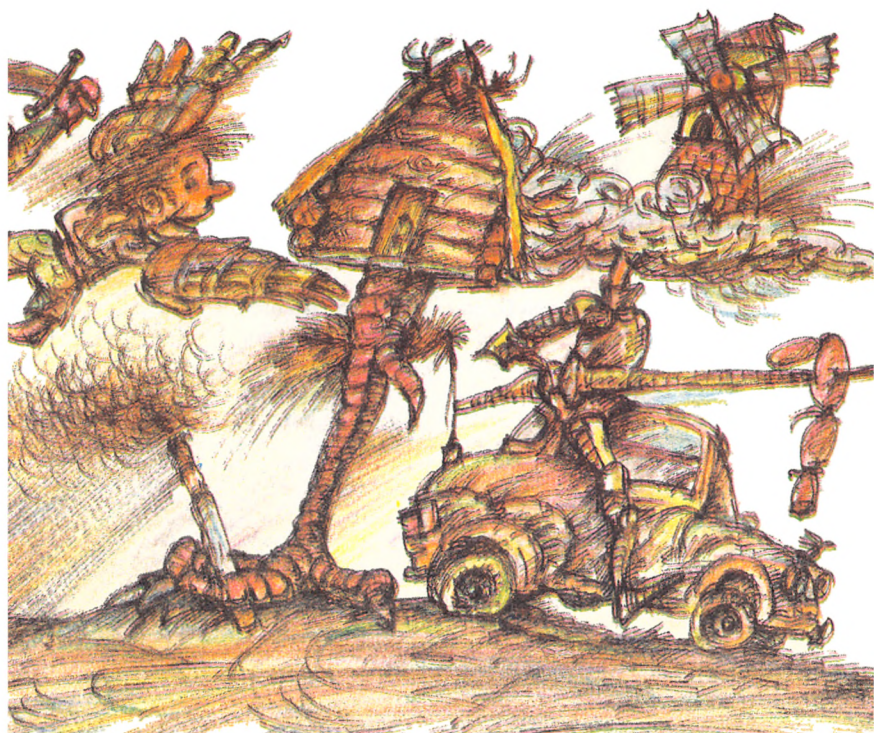
Ах, мне бы карих глаз пожарища
и бакенбарды до макушки,
и я—уже не я, товарищи,
а Александр Сергеич Пушкин.
Когда вино рекою по столу,
не уберечься от искуса.
Ах, мне двенадцать бы апостолов—
тогда и я бы был Иисусом!

Не инженером быть, не техником,
быть не в начальниках, не в замах,
мне б кончить кулинарный техникум —
меня прославил бы Хазанов.
Приду домой и ноги вытяну,
судьбой звезженный чертовски.
Ах, мне бы своего Никитина —
тогда и я бы был Берковским.

Что жизнь моя? Самокопание
в моем столетии двадцатом.
Ах, мне Сальери бы в компанию —
тогда хоть умер бы Моцартом.
Вот славно было бы! Вот здорово!
Вот где я славы пригубил бы!
Ах, кабы мне не быть Егоровым,
я, может, кем-нибудь и был бы...

апрель 1978

248

ПРОЩАНИЕ С НИДОЙ

Нида, малая точка на Куршской косе,
где—ах, кабы я мог!—навсегда бы осел
и ходил бы ночами на дюны,
пил бы горькую водку в кромешной тоске
и заезжих бы женщин любил на песке,
пока юный еще, пока юный...

Пока юный еще, все победы—не те.
В мельтешении дел, в городской маете
не обретши ни душу, ни тело,
жил и был бы на Ниде, как вольный казак.
Ничего бы не делал. Точнее сказать—
ах, чего бы я только не делал!

Есть блаженное дело: закутаться в плащ
и отправиться ночью на вымерший пляж,
неухоженный и охладелый.
И, как брошенный пес в опустевшем доме,
побродить по песку одному, одному,—
это тоже блаженное дело.

...Мне бы слнула Нида морщины со лба,
как сухую листву. Но паскуда-судьба
мне мои не опустит печали.
Все персты у судьбы указательные—
повинуясь перстам, встану затемно я
и мотор заведу, и отчалю.

Будет утро бодрить, как сухое вино,
будет, словно в романсе, туманно оно.
Будет сердце сжиматься от горя.
Я промчусь по косе, как лихой катерок,
и затылок погладит сырой ветерок,
долетевший с Балтийского моря.

август 1978

СКАЗОЧНАЯ ПЕСНЯ

Белые дороги, белые дома—зима.
В ЦПКиО стоят из снега терема,—
для детей они слетели с неба.
Мы-то с вами знаем, что они из снега,
мы-то с вами не сошли с ума...
А у сказки краски, как на витраже Леже,
только не для нас—ведь мы на вираже уже.
Наши сказки серые от пыли,
потому что мы когда-то юны были,
а теперь не юные уже.

Сын принял подушку щекой.
В его сон, невозмутимый такой,
кувырком влетают Маленький Мук,
Баба-Яга и Змей-Горыныч,
а потом Синдбад, а потом
Маркиз Карабас с Котом, а потом
Ходжа Насреддин с ослом, а потом...
Право же, всех не перечислить!

И, когда заката тлеет в небесах ожог,
около стола садимся мы в кружок, дружок,
смахиваем пыль и паутину,
расстилаем скатерть-самобранку, и на
ней уже вино и пирожок.
И луны прожектор, ярко в небесах горя,
освещает белый полушалок января,
и уже в квартирке нашей тесной
пахнет мандаринами и сдобным тестом—
пахнет детством, проще говоря.

Луч рассветный брызнет сюда,
и в него, как в дверь, уйдут без следа
Буратино, Гулливер, а за ним
Маленький Принц и Мэри Поппинс,

а потом Синдбад, а потом
Маркиз Карабас с Котом, а потом
Ходжа Насреддин с ослом, а потом...
Право же, всех не перечислить!

Ах, когда мы были лопухие щены,
все мы, как в купели, в сказке были крещены.
Та купель далека ли, близка ли —
как мы в той купели пели и плескались
и не знали этому цены!
Книжки пожелтели, сказки позабылись, но
в сказку никогда не поздно распахнуть окно,
только вы аршином мир не мерьте,
только вы поверьте, только вы поверьте
в то, во что не верите давно —

в то, что сказка рядом лежит,
еще в то, что нам без сказки не жить.
И тогда однажды вечером к вам
Карлсон слетит на подоконник,
а за ним Синдбад, а потом
Маркиз Карабас в обнимку с Котом,
Ходжа Насреддин с ослом, а потом...
Право же, всех не перечислить!

КРАСНЫЕ СНЫ

Тают полы и потолки...
Снова мне сон снится такой:
возле реки бьются полки,
кровь у реки льется рекой.
А у врага руки крепки,
а у меня красен висок...
Падаю у красной реки,
падаю на красный песок.

Эта река пахнет тоской,
и солона эта волна.
Это река крови людской,
этой реке имя "война".
Сколько уже судеб влечет
в глуби своей эта река!
Красной она нитью течет
через века, через века.

Не разогнать этот дурман,
не улизнуть тихо, как мышь,
душит меня красный туман
и сторожит красный камыш.
Где-то кружит шарик земной,
голубизной дышит весна,
а надо мной, а надо мной —
красная явь красного сна.

...Утренний луч чиркнет по лбу,
тронет зрачок и задрожит.
Этот мираж, эту пальбу
перечеркнет, перебежит.
Я уловлю блик у лица,
взгляд подниму полуживой...
Просто всю ночь мирно мерцал
красный ночник над головой.

декабрь 1978

250

РОМАНС № 8

Поздравляю. Остальное—как во сне.
Поздравляю, сатанея от тоски.
Скоро снег. Ты понимаешь, скоро снег—
на дороги, на тревоги, на виски...
Поздравляю. Звонко чокаюсь. Шучу.
Растравляю припорошенную боль.
Поздравляю—и как долгую свечу
твое имя зажигаю над собой.

На столах твоих рассыпчатая снедь,
и скатерку больше нечем заставлять.
Скоро снег. Ты понимаешь, скоро снег,
на котором нам следов не оставлять...

Поздравляю. Нескончаемая гроздь
поздравлений. Даже слишком для двоих.
Поздравляю. Я ведь тоже вроде гость
не в ночах твоих—так в помыслах твоих.
Поздравляю—и не требую вестей.
Поздравляю—и смотрю на облака..
Ты присела, ты устала от гостей,—
гости скоро разойдутся. А пока—

на столах твоих рассыпчатая снедь,
и скатерку больше нечем заставлять.
Скоро снег. Ты понимаешь, скоро снег,
на котором нам следов не оставлять...

ноябрь 1972

ЭММАНУЭЛЬ

В этой были, в этой небыли, Эммануэль,
сказочник ни при чем.
То ли были, то ли не были, Эммануэль,
там за моим плечом

твои шаги
издалека,
возле щеки
твоя щека,
слов чехарда,
дней карусель,
Эммануэль, Эммануэль...

Ангелов, летящих по небу, Эммануэль,
прекрасно пение.
Ослепят еще кого-нибудь, Эммануэль,
прикосновением

твои шаги
издалека,
возле щеки
твоя щека,
слов чехарда,
дней карусель,
Эммануэль, Эммануэль...

Смоет все дождями синими, Эммануэль,
только, пока живу,
будут мне ночами зимними, Эммануэль,
грезиться наяву

твои шаги
издалека,
возле щеки
твоя щека,
слов чехарда,
дней карусель,
Эммануэль, Эммануэль...

252

**МОНОЛОГ СЫНА,
или
ДЕТСКАЯ ВОЗДУХОПЛАВАТЕЛЬНАЯ**

Нам с сестренкой каюк:
наша мама на юг
улетела недавно.
Это ж каждый поймет:
жизнь без мамы — не мед,
а с отцом — и подавно.
В доме трам-тарарам!
Папа нас по утрам
кормит жженою кашей.
Он в делах как в дыму,
и ему потому
не до шалостей наших.
А пошалить хочется очень,
мы ведь не так много и хотим, —
каждый отец и даже отчим
это поймет.

Вот вчера, например,
я такое имел!
Полетать захотелось,
и — была не была —
два бумажных крыла
мы приделали к телу.
И пошли на балкон —
пусть на нас из окон
поглядят домочадцы,
как с балкона мы — ах! —
сиганем на крылах,
чтоб по воздуху мчаться!
Плыли внизу реки, поля бы,
у всех бы пап падали шляпы —
вот красота! Только бы папа
не увидал.

Я уже улетал,
но отец увидал—
представляете, жалость!
Он расширил глаза
и схватил меня за
то, что ближе лежало.
Папы страшен оскал,
я от папы скакал,
как лошадка в галопе,
и, как будто коня,
папа шлепал меня
по гарцующей попе.
У всех отцов богатый опыт
по мастерству шлепанья попы.
Вот подрасту и буду шлепать
папу я сам!

Мы отца не виним,
мы помиримся с ним
и забудем о ссорах.
Есть такой порошок,
с ним взлетать хорошо,
называется— порох.
Мне б достать порошка,
пол посыпать слегка,
кинуть спичечку на пол...
Как взлететь я хотел!
Что ж, коль сам не взлетел...
так взлечу вместе с папой!

1979

ПУШКИН В МИХАЙЛОВСКОМ

Выстрелами вспорото,
утро свежим порохом
горчило по ветру.
Ест тоска-охальница
Пушкина в Михайловском,
вот он и балует поутру...
Идет восемьсот
двадцать пятый год.

Няня Родионовна,
где она? Да вон она,
хлопочет у стола.
Свет мой, няня-нянюшка,
ах, как быстро вянешь ты,
как же ты за этот год сдала.
Ну что ж, спорь не спорь —
как решит Господь!

Прописал мне ижицу
государь, но движется
четвертая глава.
В эти дни метельные
повидать бы Дельвига,
услыхать бы дельные слова.
Чу, сдалось — скрип колес!
Нет, почудилось...

И всю ночь в окошечке
пляшет свечка-крошечка.
Мигнет, замрет — и вот
над кленами, осинами,
фраками, лосинами
перышко гусиное плывет,
плывет, кружится...
Утро. Воска лужица...

1979

РОМАНС № 9

То ли были и впрямь влюблены,
То ли это судьбы наказание —
отсвет дымчатой той пелены,
на мгновенье заставший глаза мне.

По каким бы волнам ни несло,
нам простится минутная слабость:
мимолетность касаний и слов —
а какая щемящая сладость!

Нас с тобой обручило метро.
В ночь осеннюю, в непогоду, в лужи,
как пузырьки в чашке ситро,
из метро мы взлетели наружу.

Лунный свет на лице — как пыльца:
сдуть не сдуешь, а запах-то летний!
Полумрак. И чужого лица
слабый свет, от которого слепнешь.

Я слова подберу, как ключи,
и шепчу, словно в дудочку дуну:
“До свиданья, звереныш мой юный,
мне тебя не дано приручить“.

Наш с тобой оборвется полет.
Городским переполнен народцем,
от “Калужской“ автобус пойдет —
мне в нем место едва ли найдется...

ноябрь 1979

ИГРОК

И когда уже пора
забывать про ослепленность,
начинается игра
по названию “влюбленность”.

Эту вечную игру
я веду со школьной парты
и, наверное, умру
я в разгар одной из партий.

Чем грозит ее проем —
то ли адом, то ли раем,
то ли выиграем вдвоем,
то ли оба проиграем?

Будь что будет! Сколько их
я в двестишья переплавил —
этих самых дорогих
игр, ведущихся без правил,

тех, в которых грех — не грех.
Напролет какие ночи
я играл! И в той игре
шельмовал не так, чтоб очень...

И когда настанет срок
увядать — какая жалость! —
я признаюсь: я — игрок,
и удачливый, пожалуй.

1979

СЕРЕБРЯНЫЙ БОР

Отменим Вселенский Собор,
оставим банальные фразы,
поедем в Серебряный бор,
в котором я не был ни разу.

Его распахнем, как окно,
тот бор, февралем просквоженный,
захваченный городом, но
пока еще им пощаженный.

Среди его дачных хором
мелькнем, словно божьи коровки,
и зимним его серебром
окрасится век наш короткий.

А после — иные леса
иным нас даруют покоем.
...И были-то четверть часа,
а вот ведь блаженство какое!

февраль 1980

253

ПРАЗДНИКИ ОКОНЧИЛИСЬ

Праздничными флагами отплескала Родина,
прочертила по небу колесница Фебова,
залитые скатерти в прачечные отданы,
праздники окончились. Праздников—как не было...

Календарик по ветру пустит листик красненький,
зачернеет буднями, до забот охочими.
Провожая в школу я сына-первоклассника,—
до свиданья, маленький! Праздники окончились.

В нас искрится прошлое, как алмазик гранями,
настигает старость нас, как добычу гончая.
Польхнули праздником чьи-то губы ранние...
Сколько было после их! Праздники окончились.

Жизнь, как нитка, нижется, в полотнище вяжется,
а потом окажется, что висит на кончике.
Ежедневно празднуем эту жизнь. А кажется—
праздников—как не было, праздники—окончились.

Как просвирой белою, причащусь стихами я,
заживу, как можется, запою, что хочется.
Лишь когда последнее отлетит дыхание—
вот тогда действительно праздники окончатся...

май 1980

ПО МОРЯМ, ПО ВОЛНАМ
(пародия на песню Сергея Никитина)

*Не тает ночь и не проходит,
а на Оке, а над Окой
кричит случайный пароходик—
надрывный, жалостный такой.
И, как планета многолюден,
он прекращает ерунду
и тихо шлепает в Голутвин,
роняя вздохи на ходу...*

*Из песни С. Никитина
на стихи Д. Сухарева*

Не тает ночь и не проходит.
Не ровня голосам иным,
мой голос, словно пароходик,
плывет над шариком земным.

Со всех сторон приходят вести:
едва по-русски лопоча,
битлы опять собрались вместе
и разучили “Трубача”.

Ах, слава—каверзная штука!
Суля почти что миллиард,
Поль Мориа зовет худруком
в оркестр Поля Мориа.

Меня ему не отдавайте!
Дотоле буду я в строю,
пока под музыку Вивальди
пишу я музыку свою.

Парижи, Лондоны и Ниццы
втянули в свой водоворот.
Недели нет, чтоб за границу
меня не посылал народ.

Там жизнь, конечно же, иная...
Но, перед Родиной в долгу,
я все Голутвин вспоминаю,
роняя вздохи на бегу.

Немногословен я. Но это
я вам открою не тая:
на трех китах стоит планета—
Берковский, Сухарев и я.

Но как бы мы ни плыли рьяно,
среди житейских волокит
плывет Никитина Татьяна,
и это—самый главный кит!

Планета спит. Затихли схватки.
Одесса спит, и спит Баку.
Сплю я, посвистывая сладко
секретной дырочкой в боку.

Ночной посапывает город.
А в нем, смущая мой покой,
строчит пародии Егоров—
надрывный, жалостный такой...

апрель 1980

ДЕТСКИЙ ГОРОДОК*Е. Забаре*

Барабанит молоток,
топора удары гулки.
Строят детский городок
в Плетешковском переулке.

Как в чащобе белый гриб,
он растет, глаза дурманя,
посреди бетонных глыб,
именуемых домами.

Лип вдыхая аромат,
став почти на жизнь моложе,
мы на эти терема
смотрим и уйти не можем.

И, как ранняя звезда
сквозь ажурность летних веток,
в нас восходят города,
так похожие на этот.

Там хохочет домовой,
Бармалей трясет серьгою
и свистит над головой
ступа с Бабою-Ягою.

Там живет Иван-дурак,
там свисают с веток булки,
там совсем все так же, как
в Плетешковском переулке.

Городов таких не счесть,
как не счесть ячеек в сотах,
потому что в каждом есть
белокаменное что-то.

Все мы за одним столом
в этих градах стародавних...
Только жаль — добро над злом
торжествует не всегда в них.

В наши зрелые года
в их слабеющее пламя
мы уходим навсегда,
а за нами, а за нами —

барабанит молоток,
топора удары гулки...
Строят детский городок
в Плетешковском переулке.

июль 1980

ОСЕННИЙ РЕКВИЕМ

Над нами кроны золоченые,
а вам — ни ада и ни рая.
Вам в сорок два — та бездна черная,
которой ни конца ни края.
Ветра над кленами, над соснами
поют свой реквием осенний —
заупокой души Высоцкого,
блаженной памяти Дассена.

Они поют, они поют,
пути не знавшие окольного,
и голоса их беспокойные
мне жить спокойно не дают.

Последним взглядом глядя лица их,
их две столицы провожали,
и даже конная милиция,
и даже пешие ажаны.
Они любовью не пресытились,
они от жизни не устали,
и ввысь ушли, и в прах рассыпались,
и только голоса остались.

Они поют, они поют,
пути не знавшие окольного,
и голоса их беспокойные
мне жить спокойно не дают.

А мы живем и будни празднуем,
и твердь под нами не раздастся.
Они такие были разные,
и им по-разному воздастся.
Плывут над нашей жизнью плотскою,
плывут над Волгой и над Сеной
хрипящий баритон Высоцкого,
щемящий баритон Дассена.

Они поют, они поют,
пути не знавшие окольного,
и голоса их беспокойные
мне жить спокойно не дают...

*Этой жизни пройдя полкруга,
в ожидающем нас несведущи,
пишем песни на смерть друг друга
и — не знаем, кто будет следующим.*

сентябрь 1980

256

ПОСВЯЩЕНИЕ СЕРВАНТЕСУ

Улегся шторм—и вновь на море тишь да гладь.
Вернулось все на круги вечные свои.
У Санчо Панса “жигули”. Мой Росинант давно издох.
И Дульсинея рядом спит.

Романов рыцарских забыт дурман.
На антресолях в глубине ржавеет щит.
А за окном кровит закат,
и тает мельниц ветряных
на горизонте силуэт...

А ну их к черту, этих мельниц миражи!
Кругом реальных чудо-юд хоть пруд пруди.
Им—как дробинка для слона мое погнутое копьё
и мой выдавший виды меч.

Я щит достану, сдуну пыль с него—
пусть сын на нем летит зимой с горы крутой.
А чудо-юдам научусь
тепло заглядывать в глаза
и первым руку подавать.

Грохочет век остепененных санчо панс,
век дон-кихотов, обзаведшихся семьей...
А может, именно сейчас пришла пора взнуздать коней
и латы мятые надеть?

А может, именно сейчас пора
забыть про грошевой уют и теплых жен
и встать глазами на зарю,
и бить мечами в бурдюки,
и каторжан освобождать?

...Домой приду, когда уже темным-темно,
и Дульсинею поцелую в спящий лоб.
Открою книгу и себя—еще в доспехах и седле—
увидю в сумраке гравюр.

Над недочитанным листом усну,
и мне приснится поутру прекрасный сон:
что я на кляче огневой
лечу себе наперерез,
держа копьё наперевес...

декабрь 1980

ПЕСЕНКА ПОД ЗАНАВЕС

Я спел вам несколько мелодий,
Сережа, Настенька, Володя,
концерт окончился—и вроде
все было, как и быть должно:
плыла мелодия по залу,
и мне казалось, мне казалось,
что ваших губ она касалась,
как стародавнее вино.

Вино красно и сладко очень,
но вкус вина—увы!—непрочен,
он улетучится... А впрочем,
я вам совсем не то сказал.
Мы разойдемся—вот в чем дело!—
в свои края, в свои пределы.
Как без души пустеет тело,
так опустеет этот зал.

Судеб покаются колечки...
Но все конечно, все конечно,
и вы забудете, конечно,
и этот звук, и этот стих.
Ну что ж—забудьте! Но однажды
напайте раз, напайте дважды,
неважно—где, и как—неважно:
напайте их, напайте их!

Быть на свету и быть из света—
удел шута, удел поэта,
и светопреставление это
не мною изобретено.
Его свечение не напрасно,
оно незыблемо и страстно,
а значит—будет всё прекрасно,
все будет, как и быть должно!

257

УПЛЫВАЕТ ГОД

Ото всех обид, ото всех скорбей,
от всего, что в нас пенилось и пело,
улетает день — серый воробей,
уплывает год — словно лебедь белый.

Я кричу вослед: “До свиданья, друг!
Ты от нас теперь далеко-далёко.
Ни мольбою глаз, ни скрещеньем рук
не унять уже твоего полета.

Ты едва-едва различим в окне.
Твой последний взмах — и пропал во мгле ты,
как любой из тех, кто дарован мне
от начальных лет до печальной Леты...”

Нам испить еще из подземных вод,
но, пока судьба нам сулит удачу,
новый год начнем, а минувший год
воспоем в стихе и в душе оплачем.

Отрешась на миг от земных оков,
тишины хрусталь разнесем в осколки.
В новогодний день наш удел таков —
на Земле сверкать, как шарам на елке.

Ото всех обид, ото всех скорбей,
от всего, что в нас пенилось и пело,
улетает день — серый воробей,
уплывает год — словно лебедь белый.

ноябрь 1980

ХАРЬКОВСКИЙ МОТИВ

Когда, свои снега в гулянье прокутив,
январь обронит дождь, как сущую безделицу,
мне харьковская ночь насвищет тот мотив,
что душу бередит и надвое не делится.

На вымокшей Сумской, не ведая родства,
вне суетной молвы, вне пошлого и ложного
два ангела земных, два зимних божества
сольются впереди в единство невозможное.

Наутро я в себе замечу их следы,
ступлю на них — и вот, казня меня и милуя,
две радости мои и две мои беды
сплетутся за спиной в единство шестикрылое.

И вертикальный вихрь шуршащих этих крыл
со мною взмоет ввысь упруго и напористо
над россыпями лиц, которые открыл,
над ледяным дождем, который ночью лил,
и бросит на вокзал перед отходом поезда.

Вокзальные часы ударят десять раз,
ударят, как звонарь на колокольной звоннице,
и увлажнит глаза прощальный шелест фраз,
и лязгнут буфера, и поезд с места тронется.

Все канет в темноту — и ты, и он, и вы,
и тающий перрон, и с ним такая жаркая,
клокочущая (ах!), недолгая (увы!),
хмельная благодать полуночного Харькова.

январь 1981

258

ПАНАМКИ

На полянке—детский сад.
Чьи-то внучки, чьи-то дочки,
и панамки их торчат,
словно белые грибочки.
Ах, какая благодать!
Небеса в лазурь оделись,
до реки рукой подать...
До войны—одна неделя.

Вой сирены. Ленинград.
Орудийные раскаты.
Уплывает детский сад
от блокады, от блокады.
А у мам тоска-тоской
по Илюшке и по Нанке,
по единственной такой
уплывающей панамке.

Кораблю наперерез
огневым исчадьем ада
“мессершмитта” черный крест
воспарил над детским садом.
На войне—как на войне:
попаданье без ошибки.
...А панамки на волне,
словно белые кувшинки.

Боже правый—неужель
это снова повторится?!
Боже правый—им уже
было б каждому за тридцать!
Тот же луг... и та река...
детский щебет на полянке...
И несутся облака,
словно белые панамки.

апрель 1981

261

ЮЖНЫЙ РОМАНС

Не торопи. Всему свой срок. Не торопи меня ни в чем.
Всему свой счет. Как ни крути—из девяти не выбить сто.
“Спешите жить”,—сказал мудрец. Я этой мудрости учен.
Я верил ей. Я так спешил. А толку что? А толку что?...

Не торопи. И так полжизни проскакали на рысях.
Загнать коня—мы эту блажь оставим божьему гонцу.
Куда спешить, когда дожди уже осенне моросят,
и август тает на глазах, и лето близится к концу!

Передо мной мерцал в ночи лица любимого овал.
К нему влеком, я от него спешил неведомо куда
и, торопясь, в чужих домах послушных женщин раздевал,
и, торопясь, хватал такси, глотал вино, листал года.

Но это лето подкралось, лучами южными маня—
я им пресытиться не смог, я в нем купался, как в раю,
и моря Черного качель качала медленно меня,
прохладной струйкою цедея в меня медлительность свою.

Не торопи. Опять прибой соленой пылью окропил.
Когда еще вдохнем всей грудью этот бриз береговой...
Шалуныя-смерть срывает нас, как ветер крыши со стропил,—
поди узнай, когда дохнет она над нашей головой.

Нам восемь дней еще кутить под этим звездным шалашом,
нам восемь дней еще коптить свои ленивые тела,
и в серебристую волну бросаться ночью голышом,
цедить вино, сходить с ума—и все дела, и все дела!

Не торопи. Всему свой срок. Не торопи меня ни в чем.
Всему свой счет. Как ни крути—из девяти не выбить сто.
“Спешите жить”,—сказал мудрец. Я этой мудрости учен.
Я верил ей. Я так спешил. А толку что? А толку что?...

июль 1981

264

МЫ КУПАЛИСЬ НЕГЛИЖЕ

Мы купались неглиже —
я и девочка-богиня,
светлячок, психологиня,
все познавшая уже.
Мы купались неглиже —
эта маленькая фея,
я и Саша Ерофеев,—
два такие корифея —
как Левин и Пиаже.

Мы купались неглиже.
Падал звездочкой окуроч,
две бутылочки “Кокура”
стыли в нашем багаже.
Мы купались неглиже.
И, просвечивая еле,
в темноте едва белели
два пятна на каждом теле,
именуемые “ж”.

Мы купались неглиже.
Было море под луною
словно стеклышко цветное
на вселенском витраже.
И, как будто в мираже,
плыл над нами полог млечный.
Были мы шумны, беспечны,
чуть пьяны, а значит— вечны,
и купались неглиже.

Годы скачут, как драже
по дубовому паркету—
их из божьего пакета
сколько выпало уже!
На последнем вираже
станем толсты и учены—
помянем тогда о чем мы?
Да о том, как в море Черном
мы купались неглиже!
июль 1981

ПОСВЯЩЕНИЕ ДРУЗЬЯМ

Мои друзья в приемные часы
являются ко мне без проволочки,
неся авоськи, банки и кулечки,
и помыслы друзей моих чисты.

Мы говорим о книгах и вещах,
смеемся и смеясь друг друга дразним...
И все-таки печальный это праздник —
друзей своих в больнице навещать.

Блаженны дни переизбытка сил!
Они чем бесшабашней, тем полезней.
Нам ни потерь, ни боли, ни болезней
Господь в то время не преподносил.

И мы, кружась в воронке бытия,
даря друг друга дружеским участием,
любили баловать по женской части
и баловать по части питания.

...Стучит, стучит воспоминаний град,
но он меня почти не задевает:
мои друзья меня не забывают,
и это мне дороже во сто крат.

Даруй им, Боже, жить, и жить, и жить,
со мной дружить, не уставать с дороги,
даруй им, Боже, долгого здоровья —
все остальное около лежит.

Идут снега. Идут за днями дни.
И, стоя у окна, как у бойницы,
я на друзей, идущих из больницы,
смотрю, пока не скроются они.

ноябрь 1981

БОЛЬНИЧНЫЙ РОМАНС

А. Ковалеву

Дни — словно брызги за кормой,
на гребне долго удержусь ли?
Мой знахарь, друг мой, лекарь мой,
когда опять твое дежурство?

Завесим вьюжное окно
и, к памяти придя с повинной,
жизнь полистаем, как блокнот,
исписанный наполовину.

В нем горечь выцветших страниц,
в нем между вымаранных строчек
наброски наших юных лиц
и лица сыновей и дочек.

Лучистые, как образа,
наполненные светом вещим,
в нем — материнские глаза
нас любящих и ждущих женщин.

О них вспомянем. А потом
о наших недругах прожженных,
о нашей юности, о том,
о чем не говорят при женах.

И, распалив в себе костер
воспоминаний этих пестрых,
мы спустимся к дежурным сестрам
и выйдем утром от сестер.

декабрь 1981

БЕЛЫЕ АНГЕЛЫ

Мейсестрам

Снова ныря в изогнутый радугой
мир этот, сладостный и непоседливый,
я расстанусь с вами надолго-надолго,
ангелы белые и милосердные.
Сколько нас было, которые выбыли!..
Белые ангелы, шеи точеные,
пусть облетают вас—где бы вы ни были—
горя и подлости ангелы черные.

Раны зализаны. Дыры залатаны.
Ангелы белые, сестры вечерние,—
месяц витали над нашей палатой
крыл ваших шелест и перьев свечение.
Сколько нас было, которые выбыли!..
Белые ангелы, шеи точеные,
пусть облетают вас—где бы вы ни были—
горя и подлости ангелы черные.

Ляжет на окна морозное кружевце.
В посвисте ветра—повадка дикарская.
Кружит планета, и кружатся, кружатся
белые ангелы снега декабрьского...
Сколько нас было, которые выбыли!..
Белые ангелы, шеи точеные,
пусть облетают вас—где бы вы ни были—
горя и подлости ангелы черные.

декабрь 1981

**ТРАГИЧЕСКИЙ ВАЛЬС
о том, как я прошел курс лечебного
голодания по поводу язвенной болезни**

Как-то раз в меня залезла
окаянная болезнь.
Мне, друзья, от той болезни
прямо хоть на стенку лезь.
Это просто вспомнить жутко,
как матерому — флажки.
Словом, язва.. то ль желудка,
то ли ливерной кишки.

Жизнь мне сделалась не в радость,
жалила больней осы.
Я глотал такую гадость —
хуже чайной колбасы.

Было все темно и голо,
я над пропастью висел,
но шепнул мне божий голос:
“Сядь на голод!” Я и сел.

Первый день — могу ручаться —
сразу стал длинней на треть.
На жующих домочадцев
я старался не смотреть.
День второй пропел будильник,
час за часом пролистав.
Я смотрел на холодильник,
как монашка на Христа.

А на третий, поздно ночью,
только-только я уснул,
мне бифштекс приснился сочный.
Я его схватил, куснул —

и проснулся. Вижу: полночь,
а жена лежит без сил
и кричит мне: “Ах ты, сволочь,—
ты ж бедро мне прокусил!”

Март уже капелью капал,
дело близилось к весне.
Я сосал ночами лапу,
жутко чмокая во сне.
А однажды утром рано,
вспоминая обцепит,
я отгрыз у фортепьяно
две педали и пюпитр.

Стал изящный, словно пони,
ровный, плоский как стена.
На какой уж день — не помню —
от меня ушла жена.
Покосившись на поджарый,
на запавший мой живот,
уколола, как кинжалом:
“Я детей возьму, пожалуй,
как бы ты их... не того...”

Тут я понял: дело глухо,
и не в шутку занемог...
А наутро даже муху
я с груди согнать не мог.
Эту чертовую муху
кулаком едва достав,
я ударил прямо в ухо
и сломал себе сустав.

А она скакнула грозно,
словно рыцарь на коне...
Кто-нибудь, пока не поздно,—
загляните же ко мне! —
все, с кем были мы знакомы,
все, с кем вовсе не знаком...
До утра я буду дома,
утром сдует сквозняком.

**МОНОЛОГ ДОЧКИ,
или
ПЕСЕННАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ
К ПРОБЛЕМЕ АКСЕЛЕРАЦИИ**

Оголила за окном верба веточки,
потянулись за моря гуси-уточки...
Говорит мне моя дочка-шестилеточка:
“Папа, можно мне тебя на минуточку?”
Папа что же — папа все может вытерпеть.
Папа — как Хемингуэй — в грубом свитере.
“Если надо, — говорит, — носик вытереть,
щас я маму позову. Мама вытерет”.

Но на папину беду
так сказала дочь папаше:
“Папа, в нашем детсаду
есть такой Горелик Саша.
Он, как я, не ест омлет,
он ужасно синеглазый,
и за все свои шесть лет
не описался ни разу”.

Разговор неотвратим:
“Говори мне, дочка, прямо —
что хотите вы?” — “Хотим
вместе жить — как ты и мама.
Вместе, папа, под дождем,
вместе — в грязь, в жару и холод.
А с детьми мы подождем
до конца начальной школы”.

Чую — весь я аж горю,
чую — рушатся устои.
“Слушай, дочка, — говорю, —
это дело не простое.
Как мне маме объяснить?
А жилплощадь? А финансы?
Надо чуть повременить —
ну хотя бы лет двенадцать”.

“Что ты, папа, — был ответ, —
это даже слушать странно:
ведь через двенадцать лет
я совсем старухой стану.
Не могу я ждать ни дня —
вам совсем меня не жалко —
ведь Саша плюнет на меня
и уйдет с Козловой Алкой!”

Чую — близится гроза.
Дочь глазами так и жалит,
а потом на те глаза
бабьи слезы набежали.
Бабьи слезы, а потом —
ай да дочка, ну, умора! —
начался такой Содом...
я б сказал — Содом с Гоморрой.

“Что ты, папа, “ох” да “ах”! —
времена переменялись:
нынче, папа, в детсадах
все давно переженились.
Только я одна иду —
все направо, я — налево...
Да меня уже в саду
называют старой девой!”

Перешла на ультразвук моя деточка.
Я на все уж был готов — но вот туточки
говорит мне мой сынок-семилеточка:
“Папа, можно мне тебя на минуточку?”...

1982

ПРИЕЗД В КРЫМ

Ай-Петри зноем высушен,
гуляет бриз над бунами.
Я снова в Ялте высажен,
а год—как ветром сдунуло.
В нем десять лет поместятся,
я до него был неучем,
и вот теперь полмесяца
тревожиться мне не о чем.

Со мною рядом друг—в удаче ли, в беде ли,
душа моя вконец еще не оскудела,—
бездействует она. Но южное безделье
на самом деле есть блаженнейшее дело.
Я занят только им. Я с суетою в ссоре.
Я погружаюсь в лень, как будто в кущи рая,
и за день десять раз бросаюсь в зелень моря,
и десять раз на дно живу и умираю.

В кроссовках, джинсах, платьицах,
с морскими схожи натиском,
людские волны катятся
по набережной ялтинской.
Они спешат насытиться
по кабакам, по рюмочным,
а мы с тобой рассыплемся
по берегам полуночным.

Нам стаи бесенят топорщить будут рожки,
пред нами распахнут ворота всех бастилий,
и золотой луны искристая дорожка
как будто бы для нас расстелется по штилю.
Растают, как мираж, унылые эрзацы
безликих наших и почтенных буден,
и будет нам с тобой восторженно казаться,
что было так всегда и только так и будет.

Но жизнь стоглазым Аргусом
свои посты расставила,
и карамелька августа
во рту почти растаяла.
Едва ли нам запомнятся
все эти пальмы-фикусы,
но нам до гроба полниться
той карамельки привкусом.

Мы провезем его по шпалам и бетонке,
ненужный южный хлам швырнем на антресоли,
но серость наших дней и наших душ потемки
теперь белым-белы от черноморской соли.
Осыплется листва царицынского леса,
снега запорошат останкинские ночи,
но будут нам светить сквозь снежную завесу
и Гагры, и Мисхор, и Туапсе, и Сочи...

август 1982

ПРОЩАНИЕ С ЯЛТОЙ

На войне—как на войне,
на волне—как на волне.
Я последний день в раю.
Напоследок постою
я у рая на краю.

Поваляюсь, поброжу
я по пляжу, по пляж^у:
пляж лежит на побережье,
а на пляже я лежу.

Друг мой, друг мой,—нам пора!
Скоро лязгнут буфера.
Август, август,—будь здоров!
От твоих благих даров
мы летим под отчий кров.

Там уют и чистота,
там за нами суета,
как собака Баскервилей,
мчится с пеною у рта.

Предотъездная тоска
уже гложет. Но пока
с нами скалы и прибой,
с нами купол голубой,—
что ж мы делаем с собой?!

Как незыблемый удел,
кандалы житейских дел
надеваем, надеваем
на запястья душ и тел.

Ходят по морю суда
взад-вперед, туда-сюда.

Голова седым-седа,
как суденышки, года
уплывают без следа.

Жизнь не ведает пощад—
кот урчит, птенцы пищат...
Размышляю, размышляю
о банальнейших вещах.

август 1982

ДАЧНОЕ

Спи, любимая... Ну, как тебе спится?
Кабы не было тебя—я бы спился.
Жизнь—прекрасна! Только жить, право, тошно.
Я бы спился без тебя. Это точно.

Спи, любимая. Во мне сна—ни грана.
Спи, любимая. А мне—еще рано.
Мельтешат во мне слова, словно спицы...
Не проспять бы только их. И не спится.

Спи, любимая моя. Спи, родная.
Что положено испытать—пью до дна я.
Дни и ночи напролет твой Егорыч
плет судьбы своей хмельной сласть и горечь.

Как смакуют знатоки вина юга,
мы, любимая, с тобой пьем друг друга,
пьем тревоги, голоса, губы, лица—
лишь бы их не расплескать. И не спиться...

Спи, любимая. В окне свет потушен.
Спит копна твоих волос на подушке.
Дочка спит. И переплет спит оконный.
Спи, любимая моя. Спи спокойно.

Спи, любимая... Ну, как тебе спится?
Кабы не было тебя—я бы спился.
Жизнь—прекрасна! Только жить, право, тошно.
Я бы спился без тебя. Это точно.

июль 1982

МЫ С ТОБОЙ ЕЩЕ БУДЕМ В КРЫМУ*Тане*

Золотого муската приму,
Пальцы стисну — аж хрустнут фаланги...
Мой курносый седеющий ангел,
мы с тобой еще будем в Крыму.

Нас еще изабеллы лоза
исцелит от столичного сплина, —
лишь бы старость не горбила спину,
лишь бы солнце слепило глаза.

Где бы век ни пришлось куковать,
сколько б жизнь ни расставила вешек, —
как соленый миндальный орешек,
нам с тобой еще Крым смаковать.

Отпускные деньки коротки,
но они повторятся, ей-богу! —
лишь бы смерть не пристроилась в ногу,
лишь бы жизнь не брала за грудки.

Уроженцы рождественских стуж,
накануне отъезда в столицу
мы свои посмуглевшие лица
запрокинем под солнечный душ.

Ни айву не хочу, ни хурму, —
лишь бы море под солнцем искрило,
лишь бы знать, уезжая из Крыма:
мы с тобой еще будем в Крыму!

август 1982

ПЕРСПЕКТИВА В СТИЛЕ “РЕТРО”

Утехи плоти надоели.
Дурит погода.
Мне тридцать пять. И до дуэли
всего два года.
Не юн, не резок, не бедов,
сижу—итожу:
сменился год, а Бенкендорф
остался тот же.
Плетет узилище паук
для мошки юркой.
Ему что кандидат наук,
что камер-юнкер.
А впрочем, так ли он и плох?..
Он, как и встаре,
лишь рычажок в руках эпох
и государей.

Пуржит и выюжит. И вдали
несутся бесы.
Моей курносой Натали
не до Дантеса.
Она своей планиды плуг
влачит послушно.
Ни нянек у нее, ни слуг—
семья да служба.
Все меньше истинных побед
перо мне дарит.
Зато мы званы на обед
у государя.
Там платьев шелест. Сабель звон.
Там каждый—Цезарь.
Там надо всем и в каждом он—
мой царь и цензор.

Его сметет посмертный рой
судов суровых,
а зря: он лишь играет роль—
свою, цареву.

Он мне сует открыл тщету,
он лаской дарит,
и я на неплохом счету
у государя...
...Жизнь истончившейся паутинкой
скользит по датам.
Взрослеют дети. До поединка
рукой подать уж.
Ах, женка, женка, — небось, обрыдла
любовь поэта?
На жженье света, на ржанье быдла —
плевать на это.
Что нам судилище людское:
укол — не боле.
А коли быть тебе Ланскою —
так Божья воля...

январь 1983

НАРОЧЬ

От обыденного сора, от мелочей дня,
белорусские озера—спасите меня!
Зачерпну пригоршней полной и звонко солью
голубые ваши волны на душу свою...

Поеду на Нарочь
не на день, не на ночь,—
поеду на Нарочь на год или два.
Отправлюсь подале
на парусном яле,
и дух перехватит, отчалю едва.

Это плещущее чудо горит, как слюда.
Я загадывать не буду, вернусь ли сюда.
Возвратятся стаи уток домой по весне...
Не удастся наяву—так хотя бы во сне.

Поеду на Нарочь
не на день, не на два,—
поеду на Нарочь на год или два.
Отправлюсь подале
на парусном яле,
и дух перехватит, отчалю едва.

Перед дальней дорогой под сенью звезды
встану, словно у порога, у кромки воды.
Ночь ладонью голубою погладит лицо,—
мы прощаемся с тобою, мое озерцо...

Прощай, моя Нарочь,
не на день, не на ночь,—
прощай, моя Нарочь, на год или два.
Отправлюсь подале
на парусном яле,
и дух перехватит, отчалю едва.

И, крылом меня касаясь в юдоли земной,
Белоруссия, как аист, кружит надо мной.
И, надеясь на удачу и тепла свечу,
чем от Нарочи я дальше—тем больше хочу

обратно на Нарочь—
не на день, не на ночь—
обратно на Нарочь на год или два.
Отправлюсь подале
на парусном яле,
и дух перехватит, отчалию едва..

август 1983

Но, сводя морозами с ума,
 плавно и лениво
проплывает зимушка-зима
 над Москвой и Нидой,
сыплет с неба белый порошок—
 белым пухом ляжет...
До чего же было хорошо
 на Балтийском пляже!

1983

БЕССОННИЦА

Еще один закончен день.
Он позарос быльем-травой,
и не осталась даже тень
от дня прошедшего того.
Свои недели и года,
как в ступе, в памяти толку,
и проплывает череда
близких дней по потолку...

Дни постылые мои, дни проклятые —
волочу вас за собой, как оковы я.
До чего же эта ночь непроглядная,
до чего же эта жизнь бестолковая,
где не мне присуждены будут "Оскары,"
где открыты для меня две вакансии —
закуток домашний на Черняховского
и фамильный закуток на Ваганьково.

Лежу. Никак не смежу век.
Лежу, судьбу свою кляня,
и рядом дышит человек,
наверно, любящий меня,
и вымыт пол и навощен,
и чаша полная в дому —
чего же надо мне еще?
И почему, и почему

мне все чаще по ночам снятся рыцари,
те, которые со всем миром ссорятся,
и все чаще по ночам позабыться мне
то изжога не дает, то бессонница?
Все начнется поутру снова-заново...
И, шагая по дорожке накатанной,
я как мерин беспородный и загнанный
на работу побегу, как на каторгу.

А жизнь стоит во всей красе
и дышит инеем в висок,
и я цепляюсь в ней, как все,
за свой надел и свой кусок,
а я цепляюсь в ней, как все,
за право быть и пьян и сыт,
и забываю о косе,
которая нас всех косит.

Она блещет впереди, сука гнутая...
Я уже до восковой дожил спелости.
Понимаю—надо рвать эти путы мне,
понимаю—да едва ль хватит смелости.
Дни постылые мои, дни проклятые—
волочу вас за собой, как оковы я.
До чего же эта ночь непроглядная!
До чего же эта жизнь бестолковая...

сентябрь 1983

ПОСВЯЩЕНИЕ МИХАИЛУ ЖВАНЕЦКОМУ

В те времена, когда я был
послевоенный, небалованный,
я слово “клоун” не любил,
я звал “смешителями” клоунов.
А век торопится, спешит,
войною мечен, кровью выпачкан...
Сегодня нас с тобой смешит,
сегодня нас с тобой смешит
смешитель необычной выпечки.

Смеюсь—аж слезы катятся,
губами воздух хапаю,
да только слезы, кажется,
не от веселья капают.
Смех мечется отчаянно,
зал рушится от грохота...
Нет хохота печальнее,
чем над собою хохота.

Ах, шутовской мятежный дух—
сумой гордится, словно суммою.
Лишь шут сказать посмеет вслух
все то, о чем другой лишь думает.
А этот—вроде ни о ком
и ни о чем,и, как положено,
таким нерезким тенорком
с таким одесским говорком
такое говорит, что—боже мой!

Смеюсь—аж слезы катятся,
губами воздух хапаю,
да только слезы, кажется,
не от веселья капают.
Смех мечется отчаянно,
зал рушится от грохота...
Нет хохота печальнее,
чем над собою хохота.

А нам бы выпить-пожевать,
да бабу бы в боках покруче бы,—
мы будем жить да поживать,
да над собой шутить-посучивать.
Шутил Сократ, шутил Платон,
а мир себе летит да кружится,
и шут хохочет над плутом,
а плут хохочет над шутом,
и каждому смешно до ужаса.

Смеюсь—аж слезы катятся,
губами воздух хапаю,
да только слезы, кажется,
не от веселья капают.
Смех мечется отчаянно,
зал рушится от грохота...
Нет хохота печальнее,
чем над собою хохота.

декабрь 1983

МУЗЫКАЛЬНОЕ ОТКРОВЕНИЕ

А. Бедерову

...А намердни, когда вез я без роздыха
дел телегу, непчатых-немерянных,
я вдруг понял, что нуждаюсь, как в воздухе,
чтобы музыка была—и немедленно.

Но дела росли, как куча на мусорке,
то награды мне сулили, то премии,
и я понял, что не будет мне музыки,
потому что нет на музыку времени.

Те же звезды в той же лунности...
Но, наверно, вечность целую
фонотеки нашей юности
не видали света белого.

Устарели наши записи,
Мы уже иного племени.
Время есть для водки-закуси,
а для музыки нет времени.

Матереющие мальчики,
мы по жизни этой пенистой
скачем, скачем, словно мячики
скачут по площадке теннисной.

С этой гонкой просто сладу нет—
всё собрания да прения.
Нам бы музыку, как снадобье—
да на музыку нет времени.

И над нами кружат вкрадчиво
то щеглами, то воронами
Мендельсона звуки брачные
и Шопена—похоронные.

И становится так страшно мне,
что, сует придавлен бременем,
трачу жизнь свою на зряшное,
а на музыку — нет времени.

Годы жалят злыми осами.
Скоро уж над брэнной сушею
мне туда лететь, где досыта
вечной музыки наслушаюсь.

Там забуду все лишения,
там бедой сочтусь и славою —
вот и будет утешение.
...Только утешенье — слабое.

декабрь 1983

НОВОГОДНИЙ РОМАНС

М. Ш.

Ай да праздник новогодний—
в январе тепло, как в сауне,
и капли, как в апреле,
и пичуги точат лясы...
Ты запомни этот праздник,
Марианна Владиславовна,
Маша, Машенька, Мария
из девятого "А" класса.
Ты запомни, но не то, как
пили-чокались до вечера,
и не то, как зимний дождик
бил чечетку на вагоне,
а запомни, как, свечою
обогрета и просвечена,
ты отплясывала джигу
этой ночью новогодней.
Маша, Машенька, Мария,
Марианна Владиславовна!
Меж бесчестьем и честью,
меж Ордынкой и Таганкой
в этой жизни я петляю,
как спортсмен в гигантском слаломе—
только жаль, что этот слалом
не такой уж и гигантский.
И просверкивают мимо
Бухара, Одесса, Кинешма—
лишь бы лыжи не сломались,
лишь бы не был путь мой прерван!
Финиш близок. Но чего бы
ни сулил рубеж тот финишный—
не желаю, не желаю
приходить на финиш первым!
А на трассе— что за нечисть
меня била, да не сладила,
и русалки щекотали,
и подножку ставил леший.

Даже Машенька, Мария,
Марианна Владиславовна
мне махнула белой ручкой
у одной из сбитых вешек.
Я пронесся, как не раз уж
пролетал в подобных случаях,
я развил такую скорость —
аж свистало за плечами,
но за каждым поворотом,
с каждой новой излучиной,
как удавкой, мне ветер
горло скручивал печалью...
Что сулит вираж последний —
то ль паденье, то ли славу мне,
то ли кущи неземные,
то ли ползанье земное?
Маша, Машенька, Мария,
Марианна Владиславовна
мчит стремительно и юно
по своей лыжне за мною.
Ах, как мчится! Боже правый, —
на каком полете бреющем!
И вот-вот меня догонит
Эта реющая птица!
...Но такой уж это слалом
и такое это зрелище,
где дистанция меж нами
никогда не сократится.

1984, Москва — Харьков

КАДАШИ

А. Сперанскому

Над Москвою-рекой шар закатный и алый,
и Кремля купола так горят—хоть туши...
Кадаши, Кадаши—заповедничек малый
в переулках Москвы, в закоулках души.
Злые ливни веков по Москве барабанят,
но не трогают в замоскворецкой тиши
Кадашевский тупик, Кадашевские бани,
Кадашевскую глушь, Кадаши, Кадаши...

Здесь над царской парчой колдовали ткачихи,
здесь свои сундуки набивали скупцы,
и пивали чай молодые купчихи,
и бивали купчих молодые купцы.
Здесь росли по иным домостроям и меркам,
здесь умели врага выпроваживать вон,
и к заутрене шли в Воскресенскую церковь
под хрустальный ее, под малиновый звон.

Наш грубеющий слух и поныне ласкают,
оставляя в душе несмываемый след,
Моховая, Манеж, Маросейка, Тверская,
и Остоженки гул, и Пречистенки свет.
Сколько новых имен полнят города улей!
Этих новшеств во мне не взойдут семена:
имена городов и названия улиц
неизменны во мне, как людей имена.

...Вот еще один день мы с тобой отдышали.
Ухожу, ухожу, и наказ мой таков:
Кадаши, Кадаши,—дай вам Бог Кадашами
быть векам вопреки и во веки веков.
Чтоб стояли всегда в серой утренней рани—
так стары, так обшарпаны, так хороши—
Кадашевский тупик, Кадашевские бани,
Кадашевская глушь, Кадаши, Кадаши...

февраль 1984

СОХО

Как-то раз забрел я в Сохо
и струхнул там не на шутку:
мы такими в жисть не будем,
мы мораль блюдем не ту.
Стало мне ужасно плохо—
там и местному-то жутко,
а простым советским людям
там совсем невмоготу.

Там на фото что ни девушка—
будто ей одеться не во что.
Срамоту эту кромешную
не приемлю же, конечно, я.
Но смотрел ее подолгу я,
ибо полон чувством долга я
всем поведать, кто не видели,
чтоб, как я, возненавидели.

Значит, так: однажды в Сохо,
где из секса воздух соткан,
где девица, если в блузке,
то под блузкою—гола,
вся налившаяся соком
подошла ко мне красотка—
девка, стало быть, по-русски,
а по-аглицки—“герла“.

И сжимает она локоть мне:
мол, не скучно ли вам в Лондоне,
и глядит так обольщающе,
так мне много обещающе...
Но, ее не слыша лепета,
я стою такой бестрепетный
и сжимаю хваткой львиною
восемь пенсов с половиною.

Я налево, я направо—
и она туда ж, отрава.
А в ногах—как будто вата,
все напрасно—я горю!

А она мне шепчет страстно:
“Ах, какой вы строгий, право!
Вы, наверно, консерватор?”
“Нет, я русский”, — говорю.

Она грудь в меня направила —
а у меня другие правила.
Уж она от страсти корчится —
а мне совсем ее не хочется.
От нее несет немыслимо
чем-то вроде “Диориссимо”,
но меня тошнит от запаха
загнивающего Запада.

Озарен моральным светом,
опасаясь жуткой драмы,
объяснил я ей по-русски
в этот вечер роковой,
что на белом свете этом
окромя жены и мамы
и общественной нагрузки
мне не надо никого.

Вся горячая и юная,
как вослед она мне плюнула!
Что-то крикнула, родимая,
страшно непереваемое.
Но, на дурь ее не сетуя,
я пошел из Сохо этого,
той девицею не понятый,
но с головою гордо поднятой!

P.S.

Об ее припомнив теле,
я слюну украдкой вытер:
от таких — скажи на милость! —
как себя я огражу?
Я весь день провел в отеле,
я один боялся выйти,
а уж что мне ночью снилось —
никому не расскажу...

ПРОГУЛКА ПО ПИКАДИЛЛИ

Храним Ее Величества златой короной,
вдыхая полной грудью мая благодать,
иду по Пикадилли, как по Малой Бронной,
и до Арбата, кажется, рукой подать.

Ораторы в Гайд-парке говорят так жарко,
ругают миссис Тэтчер— кроют госпожу.
Подумаешь! Схожу в один из наших парков
и тоже что угодно про нее скажу.

Ах, как же этот мир прекрасен и обманчив,
ах, как он неподвластен кисти и перу!
Вот шествует на девочку похожий мальчик,
а может быть, наоборот— не разберу.

Здесь что бы ты ни делал— значит, есть резоны,
здесь могут, как везде, терять и находить,
здесь люди почему-то ходят по газонам,
и нет таблички “по газонам не ходить”.

Здесь все идут не в такт, и я иду не в ногу,
иду себе и все пытаюсь угадать:
зачем же мы друг друга так ругаем много,
когда так много можем мы друг другу дать.

Я мыслей этих пакостных гоню отраву—
не для того, дружок, ты прилетел сюда!
Не твоего ума все это дело, право.
Не моего— да вот вопрос: чьего ж тогда?

А ну их в бога, в душу, в мать вопросы эти—
в материях подобных я ни в зуб ногой,

а тот вопрос, что в третьем я задал куплете, —
пусть на него ответит кто-нибудь другой,
пока—

храним Ее Величества златой короной,
вдыхая полной грудью мая благодать,
иду по Пикадилли, как по Малой Бронной,
и до Арбата, кажется, рукой подать.

май 1984, Лондон

270

РЕДИНГ

А в Рединге снег...

Он валит, как наш, и тает, как наш
в апрельской воде.

А в Рединге смех,
и траурный марш, и свадебный марш,
как, впрочем, везде.

А а Рединге свет
витрин и реклам. Я в ответе том,
как будто в огне.

А в Рединге след,
не чей—нибудь — мой, как Рединга след
отныне во мне.

Ах, зачем Земля вся поделена нами?
Ведь ее Господь не делил для нас вовсе,
но у каждого из нас есть свое знамя,
и свои леса, и в лесах своя осень.
Под Москвой уже яблони в цвету белом,
в Рединге горят розовым огнем вишни.
Как же ты, Господь, так все хорошо сделал,
как же у тебя нескладно так вышло...

Мы в редингский паб
на пинту пивка, на джина бокал
заглянем с тобой,
и время, как трап,
отъедет от нас, и нас вознесет
наш шар голубой.

Он, как дирижабль,
парит в пустоте... Да, разные мы,
но схожи в одном:
нам вместе лежать—
в английской земле иль в русской земле—
но в шаре земном.

Ах, зачем Земля вся поделена нами?
Ведь ее Господь не делил для нас вовсе,
но у каждого из нас есть свое знамя,
и свои леса, и в лесах своя осень.

Под Москвой уже яблони в цвету белом,
в Рединге горят розовым огнем вишни.
Как же ты, Господь, так все хорошо сделал,
как же у тебя нескладно так вышло...

А в Рединге день
свое отшумит, закончит полет
и канет во тьму.
И будет, как тень,
уайльдовский дух всю ночь напролет
тревожить тюрьму.
И будете вы,
игрушки-дома, стоять под луной
года и года...
Я завтра—увы!—
вам ручкой махну и вряд ли уже
увидю когда...

Ах, зачем Земля вся поделена нами?
Ведь ее Господь не делил для нас вовсе,
но у каждого из нас есть свое знамя,
и свои леса, и в лесах своя осень.
Под Москвой уже яблони в цвету белом,
в Рединге горят розовым огнем вишни.
Как же ты, Господь, так все хорошо сделал,
как же у тебя нескладно так вышло...

апрель 1984, Англия, Рединг

ВАЛЬС ПРИ СВЕТЕ ФОНАРЯ

Сколько мартов и январей,
как свеча над раскрытым томом,
одуванчики фонарей
расцветают над нашим домом.
Что им лето и что зима,
если их назначенье — это
наши головы и дома
осыпать семенами света.

Спят Мытищи и Катуар,
дремлют мамы и дремлют папы.
Дом наш морду на тротуар
положил, словно пес на лапы.
Он от долгого сна опух,
он проснуться никак не хочет,
но фонарного света пух
дому нашему нос щекочет.

Отполощет судьбы флажок,
отгорланит петух-звонарщик,
наших душ фонари зажжет
и погасит Господь-фонарщик.
Так возрадуемся же мы —
кто в прологе, а кто в финале —
что во мраке вселенской тьмы
есть Земли голубой фонарик!

...Гаснут звездные угольки.
Будет ветрено днем и сыро,
и фонарные стебельки
будут мокро стоять и сиротливо.
Но замрет перестук дверей,
и, дневной усмиряя гомон,
одуванчики фонарей
распушатся над нашим домом.

январь 1984

ПОСВЯЩЕНИЕ ФИЛИППУ СТРИНГЕРУ,
НАПИСАННОЕ В СКОРОМ ПОЕЗДЕ
“НЬЮКАСТЛ—ЛОНДОН”

По утренней земле
несутся поезда, как гончие.
Разлука не дыра,
ее не залатать заплатами.
Дежурный засвистел,
вагончик застучал—и кончено.
И мы с тобой, Филипп,
два крепких мужика, заплакали.
Заплакали без слов—
на громкие слова не падки мы.
Заплакали без слез—
никто еще тех слез не видывал.
Но тонкая игла
под левую вошла лопатку мне,
и горло обожгло—
да так, что ни вздохнуть, ни выдохнуть!
Я знаю—эти дни
в семейные войдут предания,
в которых места нет
ни чувствам, ни словам ворованным.
Ньюкастл—городок,
каких не перечечь в Британии,
но для меня теперь
такого на Земле второго нет.
Я думал в нем и жил
расхристанно и расторможенно,
и в пабе музыкант
то Брубeka играл, то Баха нам,
и музыка лилась,
досмотров не боясь таможенных,
и занавес висел,
и не железный был, а бархатный.
Прощальная тоска—
хоть бейся головой—да об стену!

Ведь я-то понимал:
каким бы этот век ни выдался,
что мы сейчас, Филипп,
как на похоронах на собственных,
что вряд ли мы с тобой
когда-нибудь еще увидимся.
В последний этот миг
тебе я улыбнусь раскованно,
тебя я обниму,
и, будто бы стыдясь вечности,
за поручни берясь,
тебе я прокричу: "До скорого!",
а тронемся когда,
тебе я прошепчу: "До вечности..."

май 1984

ПИСЬМО

На аглицких часах английский пробил час.
Бог с аглицких небес английской внемлет пастве.
Любимая моя, я от тебя сейчас
за тридевять земель и в тридесятом царстве.

Его я пересек и вдоль и поперек,
полна моя душа, пусты мои карманы.
Туманный Альбион—он так меня берег,
что я не увидал ни одного тумана.

Мне в Лондоне теперь знаком любой квартал,
меня берут в полон старинные фасады.
Я с Диккенсом вчера весь вечер проболтал,
а завтра на обед я приглашен к Форсайтам.

Английский пробил час на аглицких часах...
Я писем не пишу, но только вы поверьте—
я очень скоро сам в потрепанных джинсах
влечу в наш старый дом, как письмецо в конверте,

и двери распахну, и задохнусь от слез,
и дети закричат, и мама тихо ахнет,
и где-то за стеной соседский тьявкнет пес,
почуяв, что в дому нерусским духом пахнет.

май 1984

ОТЛЕТ

Над кирпичным, вечным, над нейлоновым
самолет крылом качнет над Лондоном,
самолет крылом качнет,
Темзы ленточка блеснет,
понесут напитки по салону нам.

Подмигнет на Пэддингтоне девушка...
Я бы тоже подмигнул—да где уж там!
Слезы катятся со щек,
я бы здесь побыл еще,
да спешу к жене и малым детушкам.

В облаках ползем, как в манной каше мы.
Где я был—о том, прошу, не спрашивай.
Может, там, на самом дне,
в этой черной глубине
королева белой ручкой машет мне.

Остудит росой Москва рассветная,
хлопоты навалятся несметные,
вспыхнут новые огни,
но я знаю—эти дни
будут сниться мне до часа смертного.

Над Европой, будто бы над Пензою,
побренчу оставшимися пенсами,
мне стюард вина плеснет,
Темзы ленточка блеснет,
самолет крылом качнет над Темзою...

май 1984

274

ОДИНОЧЕСТВО

Пора замаливать грехи...
С душой в ладу, себе угоден,
живу один, пишу стихи,
до непристойности свободен.
Свершая свой удел земной,
лишь мне присущий чту порядок,
и одиночество со мной,
как верный пес, шагает рядом.

В какой ни выряди наряд,
среди житейского лукавства
оно—пока еще не яд,
оно—пока еще лекарство.
Его приму на склоне дня,
покамест близкие далече,
и одиночество меня
еще не мучает, а лечит.

Но за горами ли пора,
где ты у старости в фаворе
и бег проворного пера
уже совсем не так проворен.
Там надвигается гроза,
там смерть такие шутит шутки,
там одиночества глаза
фосфоресцируют так жутко...

О чем я, господи, о чем?!
Ничем пока не омраченный,
ведь я еще не так учен,
как тот заморский кот ученый.
Ему что бред, что явь, что сон!
Уже не счесть, какое лето
он одинок. И только он
ответить может—плохо ль это?

Пора замаливать грехи...

август 1984

РОМАНС № 10

Третий год она любит меня,
как животное или растение,
без различия света и тени,
сна и бдения, ночи и дня.

Третий год она любит меня.

Третий год она губит себя,
за неделю на месяц стареет,
и над нею архангелы реют,
в бесполезные трубы трубя...

Третий год она губит себя.

Третий год неразрывно кольцо.
Напридумав любовного вздора,
она мечется в мире, в котором
только голос мой есть и лицо.

Третий год неразрывно кольцо.

Третий год перед нею в долгу,
многоопытный, дошлый и ушлый,
я завидую ей, потому что
так любить я уже не могу.

1984

НАРОЧАНСКАЯ ФАНТАЗИЯ

...И когда закат в золотом огне
догорит дотла на моем окне,
распахну окно—и все станет мне
по плечу, по плечу.
Подойду к воде, уткам хлеба дам,
причащусь волны сонным лепетом
и над озером черным лебедем
полечу.

Распахну крыла уж не юные,
трону струи вод, словно струны я,
весь прохладною света лунного
орошен, орошен.
Подо мной Земля спит без просыпа,
надо мной пожар млечных россыпей...
До чего же мне—ах ты, господи!—
хорошо!

Отряхну с себя, волю праздную,
все постылое, все напрасное.
Знаю—грешен был, но в грехах своих
не винюсь, не винюсь.
Этой полночью звездно-радужной,
если прошлое тронет за душу,
обернусь назад, но назад уже
не вернусь.

Так и буду плыть по-над Нарочью
вольной птицею, вечным нарочным.
Кто-то слезы лить будет в два ручья
на Земле, на Земле.
Ты не плачь по мне, дочка-дочечка:
я над Нарочью точка-точечка,
остальное все—только черточка
на золе.

август 1984

278

БАЛЛАДА О ПЕВЧЕЙ СТАЕ

Запомним этот март, и занавеса плеск,
и дату,
запомним этот зал, где души и глаза
светали,
запомним этот день, когда на юбилей
Булата
стремительно птенцы Булатова гнезда
слетались.

Мы каждую струну и каждое лицо
запомним,
и крылья распахнем, и выше полетим,
и дальше:
ведь наш недолгий день уже перевалил
за полдень,
и нам уже пора без робости парить
и фальши.

Осенние ветра кленовые листья
листают,
осенние дожди на мокрый горизонт
насели.
Навстречу нам летят иные косяки
и стаи,
они летят на юг, а мы всегда летим
на север.

Там голодно вокруг, там холодно, бело
и голо,
там пьяная пурга протягивает к нам
ручищи,
но там, где у других от стужи пропадает
голос,
там наши голоса пронзительней звучат
и чище.

Прокладывая путь в заоблачной своей
юдоли,
восславим же судьбу, пернатые мои
собратья,

за наш свинцовый век, за нашу золотую
долю,
сподобившую нас поющим косяком
собраться.

Нам певчий наш удел летевшими до нас
завещан,
и нам уже не след порхать по чердакам
бескрыло.
Вы слышите: внизу, подувши в свой манок
зловещий,
охотница с косою охотничий сезон
открыла.

Давайте же скорей друг к другу подлетим
поближе
и будем поспешать, товарищи мои
по песне:
один из нас уже под грубою плитой
в Париже,
другой из нас уже под грудюю цветов
на Пресне.

Они уже из тьмы, но мы еще пока—
из света.
Кормушек сторонясь, на княжки не садясь
палаты,
летит наш певчий клин, которому названья
нету,
и впереди вожак, которого зовут
Булатом.

1984

275

ДЕВОЧКА И МАЛЬЧИК

Эта вечная задачка
без решения... И так,
звали девочку Чудачка,
звали мальчика Чудак.

И неважно, сколько прожил
он на свете и она—
не был их никто моложе
ни в какие времена.

Даже если вы не знали,
то теперь поймет любой:
как бы мальчика ни звали,
звали девочку Любовь.

Из порочнейшего круга
в этом будничном лото
что их бросило друг к другу—
то не ведает никто.

Может, радость, может, скука,
может, годы на плечах.
Звали девочку Разлука,
звали мальчика Печаль.

Что им мир, дурной и злобный,
коль, от счастья одурев,
в нем они мерцали, словно
две свечи на алтаре.

Краток век любовной блажи.
Зыбким светом одаря,
их судьба зажгла. Судьба же
их и сбросит с алтаря.

Далеко метнет, далече,
словно камешки праща.
...Звали мальчика “До встречи!”,
звали девочку “Прощай...”

ПЕСЕНКА РЕКРУТА

До рассвета полчаса,
вызвездило небеса.
Ноченькою черной
думаю о чем я—
о тебе, моя краса,
дева—русая коса!

Где ж ты, дорогая моя,
с кем ты коротаешь деньки,
как же без тебя мне?

Э-гей!

Командир наш из задир—
деспот, аспид и сатир:
речь его такая—
кровь с губы стекает,
не запачкать бы мундир...
Командир наш из задир.

Капля крови канет в песок.
“На плечо!”—и тяни носок,
песню запевай-ка!

Э-гей!

Как воду в ступе толочь,
так и наша жизнь точь в точь:
двадцать пять годочков
ни сынка, ни дочки—
штык-сынок да пуля-дочь,
штык-сынок да пуля-дочь.

Скука—хошь петлю на крючок.
Ну-ка, наостри-ка штычок,
порох просуши-ка!

Э-гей!

Завтра, рассветет едва,
нас порубят, как дрова.
Тут уж не до жиру,
тут уж быть бы живу
хоть до послезавтрева—
остальное трын-трава!

Ать-два, золотые слова,
ять-два—и прощай, голова,
ять-два—прямо к Богу
в рай!

1985

ПЕРВОЕ МАРТА

Ах, как хочется хвостом повилять по-щеньему,
и святых защекотать, и брататься с нечистью!
Начинается весна— время всепрощения,
и не надо класть главу на алтарь отечества.

Над несмятой простыней, над бумагой белой,
наши души окропив мартовской бессонницей,
что ж ты делаешь, весна, что ж ты с нами делаешь!
У тебя, видать, весна, — ни стыда ни совести!

Ветерок над головой, словно голос матушкин,
учит жить да поживать, да на солнце зариться—
знать, оттаяв наконец под светилом мартовским,
детство начало играть в повзрослевшей заднице.

А капель уже спешит все секреты выболтать...
Драгоценная пора, золотое бедствие—
начинается весна! И каким бы ни был ты—
ты к весне приговорен без суда и следствия.

Ах, как хочется смотреть на людей поласковой,
не молиться дуракам и не жить обрезками!
Ах, зачем мы на земле— как снега январские,
если можем мы бежать, как ручьи апрельские,

если можем жить и петь не по наущению,
если, будто бы болезнь, что уже не лечится,
начинается весна— время всепрощения,
и не надо класть главу на алтарь отечества!

март 1985

ЮБИЛЕИ

Юбилей, юбилей...
Снова осень на аллее,
 как пожарище.
Юбилей, юбилей...
Шевелюры все белее
 у товарищей.
Эту осень проживу я
и вступлю в сороковую
 осень рыжую,
и болезнью заболею,
что зовется юбилеем,
 если выживу, если выживу.

Как начертано в устоях,
будет долгое застолье
 юбилейное,
а когда все примут по сто,
будут радужные тосты
 и елейные,
будут сыты все и пьяны,
как намечено по плану,
 как наметано.
Всех веселье обуюет —
одного лишь юбиляра
 не возьмет оно, не возьмет оно.

Среди гомона и гама
у плиты хлопочет мама
 постаревшая.
Зажигает мама спичку,
мама — птичка-невеличка
 над скворешнею.
Сын опять такой усталый,
дочь принцессою не стала
 на горошине.
Что-то с сыном, что-то с дочкой,
а у мамы что-то с почкой
 нехоршее, нехоршее.

Полночь-заполночь настанет,
и потянет над гостями
запах ладана —
то отец дохнет из ночи.
Мы с тобой, отец, не очень
в жизни ладили.
Я гулял, а ты метался,
ты болел, а я мотался
над Памирами.
Как теперь, отец, жалею,
что с тобой на юбилее
не обнимемся, не помиримся.

...Будет вымыта посуда.
Юбиляр, спеша, засунет
ноги в тапочки.
Будут выпиты не вина —
этой жизни половина
или вся почти.
Старость слева, старость справа,
и уже плевать на славу
и на почести.
Юбилей — горячий признак,
что уже маячит призраком
одиночества, одиночества.

Юбилей, юбилей...
Снова осень на аллее,
как пожарище.
Юбилей, юбилей...
Шевелюры все белее
у товарищей.
Эту осень проживу я
и вступлю в сороковую
осень рыжую,
и болезнью заболею,
что зовется юбилеем,
если выживу, если выживу...

май 1985

В ЛЕФОРТОВСКОМ ПАРКЕ

В Лефортовском парке сегодня не густо гостей—
лишь утки да я, да и нам через миг расставаться.
В Лефортовском парке зима постелила постель,
белье поменяла и ждет у ворот постояльцев.

Божественный привкус у этой декабрьской среды—
тот привкус сентябрьский по-своему терпок и страшен.
На снежной простынке мои остывают следы,
мои—а под ними еще не остывшие наши.

Я выйду к воде. Я бесслезные спазмы уйму.
На то, что теперь для меня ты—как глухонемая,
я уткам пожалюсь. Они ничего не поймут,
но сделают вид, что меня, как никто, понимают.

В Лефортовском парке, где утки обжили пруды,
где горькая страсть нас с тобою так сладко ломала,
на палой листве отпечатались наши следы,
на белой бумаге—а это не так уж и мало.

Не нищенка память. У памяти свой капитал.
Я вспомню тебя—мне дороже не надо награды.
Две зыбкие тени за мною пойдут по пятам,
бок о бок пойдут и проводят до самой ограды.

Рукой не помянут, в минувшее не позовут,
и я догадаюсь, что, счастливы, вечны и жутки,
два призрака наши в Лефортовском парке живут,
два призрака наши, да ветер декабрьский, да утки...

декабрь 1985

284

АЛЕКСАНДРОВСКИЙ САД

Кавалькадой вдоль Манежа допотопные фасады,
у дверей “Националя” — “мерседес”, швейцар и “симка”...
Над искоженной равниной Александровского сада
стынет сумерек январских подкрахмаленная синька.

Обожаю этот город — шумный, муторный и снежный.
Я оплел его корнями. Я давно попал в осаду
Красной площади, Лубянской, Театральной и Манежной,
а теперь спешу в объятья Александровского сада.

Все смешалось в этом веке: остракизмы и награды,
под рубиновой звездой спит царевич убиенный,
и луна над полотнищем Александровского сада
словно капля стеарина над старинным гобеленом.

О грядущем на кофейной ворожить не стану гуще,
но, покинув эту землю и пройдя все круги ада,
если вымолю у Бога, буду жить не в райских куцах,
а в тени потусторонней Александровского сада.

1985

ПОСЛЕДНИЙ ГОД

Все примочки да ванночки,
бок заныл — не к беде ли?
Тютчев Федор Иванович
пишет строчку в неделю.

Трудно пишет, фрагментами,
чисто пишет, опрятно,
а по телу пигментные
расползаются пятна.

Славы сладкой нирваную
грезят сильный и слабый.
Тютчев Федор Иванович
не гонялся за славой,

шел бок о бок с эпохою
по морям и по суше,
а стихами лишь походя
тешил нежную душу.

Слава — штука коварная.
До оваций не жадный,
Тютчев Федор Иванович
публикаций не жаждал.

Девять отпрысков вырастил,
что отмерено — прожил,
цензор — царскою милостью,
гений милостью Божьей.

Жизнь не вымолить заново —
смерть придет и поглотит.
Тютчев Федор Иванович
отделится от плоти.

Примет вечная высь его,
где горит, как багрянец,
ненаглядной Денисьевой
скоротечный румянец.

286

ОТЦЫ

Лупит снег по городам, по лесам,
ветер бесится с ухмылкой бесей...
Что ж мы делаем с тобой, Александр?
Провожаем мы отцов в поднебесье.
Провожаем не на день, не на час...
Сколько б годы наши ни продолжались,
только б мамы не оставили нас,
только б матери еще продержались.

Мы с отцами были словно истцы,
мы ответчиками не были сами,
мы с тобою — уже сами отцы —
со своими не дружили отцами.
А теперь нам — только слезы со щек,
да вороны над Никольскою чащей.
Твой отец тебе не снится еще?
А вот мой мне снится чаще и чаще.

Что мы знаем? Может, скоро я сам
или ты — растаем в звездном мерцанье,
и вот там-то мы с тобой, Александр,
посидим и потолкуем с отцами.
Будет крут наш разговор и свинцов,
но он грех непонимания снимет,
и, понявши, мы обнимем отцов
и, обнявши, не расстанемся с ними.

январь 1986

280

НАДЕЖДА И УДАЧА

Когда распахнуты крыла, когда нельзя иначе,
когда, набравши высоту, летишь через года,
то за одним крылом всегда надежда и удача,
а за другим крылом всегда разлука и беда.

Куда крылами ни качни — налево ли, направо —
но только были бы крыла распахнуты всегда,
и за одним — щека к щеке — неслись любовь и слава,
а за другим — плечо к плечу — разлука и беда.

Как ни сверкала бы звезда твоей судьбы бродячей,
непредсказуемы — увы! — небесные суды,
и на одном из виражей надежда и удача
начнут бледнеть перед лицом разлуки и беды.

Тогда надежду позови замерзшими устами,
тогда удачу попроси плеснуть живой воды.
Надежда вырвется вперед. Удача не отстанет.
А значит — не настанет срок разлуки и беды.

январь 1986

ВЕРЬ

Верь,
если счастье ушло и захлопнулась дверь — верь.
Верь
в голубую страну на лазурной гряде, где
где
ни бессонниц, ни бед, ни вралей, ни зануд,
где,
что ни женщина — ту только Верой зовут,
где
плещут рыбы в воде,
где
настежь каждая дверь —
верь.
Только верь!
...Нет, не верь.

Нет,
нет, не верь никогда в этот радужный бред — нет.
Верь —
даже если беда скалит зубы, как зверь — верь,
верь
в плечи друга — они и оплот и стена.
Верь
в губы женщины — той, что на свете одна.
Верь —
в неба вечную синь.
Верь —
в то, что вырастет сын.
Верь.
Только верь,
только верь.

...Сколько б ни было слез и разлук, и потерь —
верь:
ты —
золотой фитилек посреди темноты.

Ты—
верь.
И пока тот огонь не угас, не остыл—
верь
в легкость сложных задач, в силу истин простых,
тех,
что летят за тобой.
Их
называет любой:
Вера,
Надежда,
Любовь.

февраль 1986

ПРОТЯНИ МНЕ РУКУ

Поиск славы, хлеба и жилья...
В круговерти этой несменяемой,
да, конечно, ты, и он, и я
сам себе судья и обвиняемый.
Но они не минут нас, они,
те минуты слабости, в которые —
протяни мне руку, протяни,
чтобы мог почувствовать опору я.

Нам с тобой до срока поседеть
в этой жизни каждому достанется.
В этой жизни каждый по себе
выбирает ношу и дистанцию.
Но когда в неведомые дни
окажусь на самой кромке пропасти, —
протяни мне руку, протяни,
чтобы шел над пропастью без робости.

Крыша дома отчего — над ней
кружим мы от самой давней давности.
Свет ее посадочных огней
светит мне из самой дальней дальности.
Но когда померкнут все огни,
чтобы сел хоть на поле, хоть на реку, —
протяни мне руку, протяни,
чтобы мог я опереться на руку.

ДИСКИ

На товарищей близких
надевают венец:
вот и вышли их диски
наконец, наконец,
вот и кончились беды,
и светлы берега...
Только ложка к обеду
дорога, дорога.

Словно послано свыше,
кружит диска кольцо.
Голос Визбора слышу,
вижу Кима лицо.
Пусть их раннюю осень
осеняет звезда—
лучше поздно, чем вовсе
никогда, никогда.

В путь отправился Млечный
среди огненных брызг
голос Юры, навечно
замурованный в диск,
сипловатый и низкий
на любом вираже...
Только Юра о диске
не узнает уже.

На земле год от года
наши крепи крыла,
годы шли, а погода
все нелетной была.
Мир от солнца оранжев,
нараспашку окно—
ах, как жаль, что не раньше
распахнулось оно!

...Кто-то, век свой итожа,
славы недожует,
а для тех, кто не дожил
или не доживет,
не нужны обелиски.
На могильной плите
вы поставьте им диски
долгожданные те.

июнь 1986

СУМЕРКИ

Здравствуй, Таня. Это я
в час закатный, в час багряный
из минувшего воспрянул,
словно из небытия—
здравствуй, Таня. Это я.

Здравствуй, Таня. Это ты?
Боже правый, ты ли это!
Ты ли, бывшая из света,
ставшая—из темноты?!
Здравствуй, Таня. Это ты.

Здравствуй, Таня. Это мы
повстречались в эту осень
от Весны за двадцать весен,
за неделю до Зимы.
Здравствуй, Таня. Это мы.

И уже не бьет нас дрожь,
и уже погасло лето...
Ты ли это? Я ли это?
...Сумерки. Не разберешь.

декабрь 1986

ГУЛЯЛИ ПО ДОНУ КАЗАКИ

Орлы, забияки, кусаки,
по волнам пустив матерка,
гуляли по Дону казаки
на вольных своих катерках.
К приезжим причалить любили
и вспомнить любили о том,
как деды их белыми были
и красными стали потом.

Ах, эти казацкие были,
где что ни казак—то бедов,
где так бесшабашно рубили
их деды всех прочих дедов,
цареву хранили границу
и шашкою тешились всласть,
пока не пришла в их станицы
родная Советская власть.

Я слушал казацкие речи,
им с тайной улыбкой внимал,
но—бог упаси!—не перечил,
поскольку уже понимал,
что вряд ли живым я уеду,
когда в них, клинками звеня,
проснутся их белые деды
и, красного, шлепнут меня!

август 1986

ПОМНИШЬ?

Помнишь то неотразимое
лето—умопомраченье?..
Нас на лодочке резиновой
уносило по теченью.
Мы скользили в окружении
бывших и грядущих буден,
и блаженнее скольжения
не было и вряд ли будет.

Небо звездный зев разинуло.
На волнах его свеченья,
как на лодочке резиновой,
нас уносит по теченью.
В быстротечном этом плаванье
как близка и далека ты,
и какие ждут нас гавани,
омуты и перекаты...

Но реальность горше вымысла,
и ее печальны вести:
нас к водовороту вынесло
и кружит, кружит на месте.
Сколько и кого б ни звали мы—
наши крики так негромки,
и удержимся едва ли мы
на краю его воронки...

ноябрь 1986

МОИ ШЕСТИДЕСЯТЫЕ

Кружусь со всеми прочими в пожизненном балете я,
и все плотнее времени смыкается кольцо.
Двадцатый век мне выделил мое десятилетие,
а у десятилетия всегда свое лицо.

На отраженье в зеркале смотрю почти панически,
но в памяти слабеющей покоятся, светлы,
мои шестидесятые, где свет в Политехническом,
мои шестидесятые, где буйствуют битлы.

У этих лет растаявших стою, как у подножия
горы, где ветры вечности секут нас и косят.
На шестьдесят все радости на том подножье множу я,
а все напасти-горести делю на шестьдесят.

Увы — мы стали лысые, седые и усатые,
но мы не раз оглянемся, устав и постарев,
на те неповторимые, на те шестидесятые,
где юность наша замерла, как мошка в янтаре.

май 1986

ЭПИТАФИЯ

Пора, мои родные,
без веры и креста
переезжать в иные,
нездешние места.
На кладбище, как в храме,
слезам напрасен счет—
ведь в тех местах мы с вами
увидимся еще.

Не телу, что ретивей,
а каждому из тел
в том кооперативе
нарезан свой удел.
Его поди копни-ка:
откроется не гроб,
а райская клубника,
божественный укроп.

Навалом удобренья,
и солнца, и воды—
вари себе варенье,
сажай себе сады,
сиди в небесной ложе,
поглядывай на сад
и вечно думай: “Боже,—
как хочется назад!..“

февраль 1987

ПАСТОРАЛЬ

Играли с утра пасторали,
за дамою следовал паж...
А может, и впрямь по спирали
восходит любовная блажь?

Безжалостны и бесконечны
ее роковые витки,
и каждый—тугое колечко
на пальчике правой руки.

В минуту какого покоя,
каких обличений и драм
Всевышний придумал такое
себе развлечение и нам?

Не скатится яблоко с древа,
Змей так подозрительно тих,
но дети Адама и Евы
куда многоопытней их.

И кто-то плечом задевает,
призывным прищуром почтив,
и я, дуралей, забываю,
что мне уже сорок почти,

а сын уже крутит романчик,
а старость над ухом брюзжит,
а паж — полумуж, полумальчик —
за дамой бежит и бежит...

июнь 1986

ПАМЯТИ М.О. КНЕБЕЛЬ

Уместны цветы ли?..
Во все времена
пребудут святые
для нас имена.

За отзвук их звука
я—сам уже сед—
целую Вам руку,
целую Ваш след.

Не каждому это
дано на Земле—
быть искоркой света
в остывшей золе.

За сладкую муку
дарить этот свет
целую Вам руку,
целую Ваш след.

Дней жалкие крохи
остались душе,
и зыбкий Ваш профиль
прозрачен уже.

Предвидя разлуку
на тысячи лет,
целую Вам руку,
целую Ваш след..

ноябрь 1985

БАБЬЕ ЛЕТО

Тане

Припорошен первой проседью,
снова я иду по осени.
Надо мной небесной просини
синь-бирюза.
От палитры той радужной
набегают—ну надо же!—
слезы на глаза, слезы на глаза.

Что ж это со мной? Это
бабье началось лето,
бабье расцвело лето
желтым цветом.
В этой желтизне—боже!—
кто же там стоит, кто же—
за день до зимы? Это мы.

Золотой листвы летят купы
на Коломенский шатер-купол.
Ах, как мудро он всем нам, глупым,
смотрит вослед.
Богом и людьми выделен,
на своем веку видел он
столько бабьих лет, столько бабьих лет!
А сентябрь, словно ряженный,
в красное тряпье наряженный,
отсветом своим оранжевым
нас осветил.
Как по волшебству, стало все
золотое и алое,
будто бы пожар город охватил.

Это не пожар—это
бабье началось лето,
бабье расцвело лето
желтым цветом.
В этой желтизне—боже!—
кто же там стоит, кто же—
за день до зимы? Это мы.

Подойди ко мне, мой друг нежный,
за день до поры моей снежной,
пусть ее мороз неизбежный
ждет у дверей.
Обниму тебя бережно
и шепну тебе: “Веришь ли —
осенью у нас лето на дворе...”

Что ж это у нас? Это
бабье началось лето,
бабье расцвело лето
желтым цветом.
В этой желтизне — боже! —
кто же там стоит, кто же —
за день до зимы?

Это мы.

сентябрь 1986

291

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПЕРЕД ОТХОДОМ ПОЕЗДА

Опочившую юность хоронить не спеши,
а иначе завянет нежный стебель души,
ибо, корни пустивши через годы-слои,
он из юности нашей тянет соки свои.
Разгоревшейся страсти костерок не туши,
а иначе замерзнет нежный стебель души,
ибо страсти печурка у лдяного окна
греет нас, даже если безответна она.
Робкий лепет надежды, боль утрат не глуши,
а иначе засохнет нежный стебель души.
Пусть изведает вдосталь и восторг, и битье,
ибо боль и надежда—хлеб его и питье.
Ничего—Бог свидетель—сам в себе не души,
ибо все, что ты душишь—это тело души,
ибо сам не заметишь, сероглаз, большегуб,
что не стар еще вроде—а уже душегуб.

Меж людей посторонних в их неровном строю
на осеннем перроне у вагона стою.
Что за смута на сердце? Что за шорох в тиши?
...Осыпаются листья с пожелтевшей души.

ноябрь 1986

ПОДОЛ

Я уже здесь пятый день—не подход.
Мы с приятелем и живы, и здоровы.
Это место называется Подол—
три избушки, две старушки и корова.
Наши будни простодушны и грубы,
облаков над нами вычурные глыбы,
а в печи—уже початые грибы,
а в реке—еще не пойманные рыбы.

Все под боком—и луна, и лес, и дол.
И забыто, и дремуче, и убого,
это место называется Подол,
а в Подоле—как за пазухой у Бога.
Может, я уже Подолу надоел,
но, такого не испытывавший сроду,
я живу в Подоле, словно в подоле
у хозяйюшки, у матушки Природы.

А в Москве забот на шее—сто пудов,
а в Москве от беготни горят подошвы.
Боже правый, приведи меня в Подол,
дай пожить еще в Подоле—и подольше,—
где полощутся березы на ветру,
где тушенкой заправляешь макароны
и кивают головами поутру
три избушки, две старушки и корова.

август 1987

ПО ТРАКАЮ, ВИЛЬНЮСУ И КАУНАСУ

Е. Поташнику

Посреди обыденного хаоса
по Тракаю, Вильнюсу и Каунасу,
как по Риму или по Афинам,
мы шатались с Юрою и Фимой.

И когда во время каждой вылазки
дождик нас кропил типично вильнюсский,
был тот дождик не дождем, а душем,
нежно омывавшим наши души.

Чужаков — а все-таки ласкал он нас,
чужаков не признающий Каунас.
Чужаков — а все-таки нас вынес
к чужакам уже привыкший Вильнюс.

И за кромкой тающего отпуска
наших стоп негашущие оттиски
будут жить, невидимо сверкая,
на ступеньках старого Тракая.

На листе — осенние подпалины...
Как в янтарь, отныне в память впаяны
эти дни, где мы под сенью хмурой
шли и шли за Фимой и Юрой,

эти дни, где вроде были рады нам,
где листвою пахло, словно ладаном,
где легко, как по морю дельфины,
плыли мы за Юрою и Фимой.

август 1987

ГОРОДСКОЙ РОМАНС

Будет так: к тебе дорога
приведет на склоне дня.
Рыжий кот посмотрит строго
на нежданного меня.
Кот нацелится когтями,
зафырчит на кухне кран,
зимним холодом потянет
от неутепленных рам.

Будет полночь не кончаться.
На качелях темноты —
ах, как будем мы качаться —
как венчаться — я и ты.
И пушистый, и пригожий,
и со сна полуживой
кот уляжется в прихожей,
словно пес сторожевой.

Будет так и будет этак,
будет так и будет сяк...
С неживых осенних веток
улетит листвы косяк,
улетит и станет снами
этой ночи благодать,
а того, что станет с нами,
я не тщусь предугадать.

ноябрь 1985 — 1986

ГОРОДА

Города, города...
Нескончаема вас за спиной череда,
города.
Городов имена
высеваю в себе, как цветов семена,
городов имена.
Все обширнее круг
безымянных друзей, мимолетных подруг,
зыбкий круг.
И восходит звезда,
и пустеет перрон, и летят поезда
в города, в города.

Не беда, что снежинками тают года,
не беда,
а беда, а беда,
что рискуешь уже не вернуться сюда
никогда, никогда.
Средь столичных громад
этих улиц далеких уже не вдохнуть
аромат,
и в покинутый зал
не ворваться с гитарою и не сказать
то, что недосказал.

За вокзалом вокзал, как фрегаты на дне,
оседают во мне.
В позднем отсвете дня
певчих братьев моих золотая родня
провожает меня.
Сколько зим, сколько лет
буду память хранить, как обратный билет!
И вослед
к вашим лицам тянусь
и зрачками одними шепчу: "Я вернусь.
Я вернусь. Я вернусь..."

апрель 1987

296

ЧИСТЫЕ ПРУДЫ

Над ситником луны сомкнулись небеса, как хлебница.
С господнего стола крошится и летит сияние
на Чистые пруды, где утки на воде колеблются,
на Чистые пруды, где ты уже не ты и я—не я.
Где заново живешь, житейскою истерзан прозою,
где вымерший бульвар весь вымощен листвою рыжею,
где гений молодой в негреющей крылатке бронзовой
стоит к прудам спиной, как будто на пруды обиженный.

Ах, что же мы стоим у дома своего на привязи!
Москва у наших ног, и ни один не высох пруд еще.
Подставив нам хребет, Мясницкая туда нас вывезет,
где Чистые пруды меж прошлым возлежат и будущим.
Ступив на эту грань, руками разведем: ну надо же
стоять меж двух времен под листьев золотой порошею!
Из будущего свет безудержный такой и радужный,
но нам куда милей голубоватый свет из прошлого,

где около прудов, не смяты никакими ГОСТами,
стоят особнячки, как будто старички плечистые,
и век уже не век—ворсинка на плече у Господа,
и мы уже не мы—а Чистые пруды пречистые...

1985

ВОРОНКА

Тянет рученьки август к сентябрьскому злату...
Я шепчу деревьям: "Как осенни уже вы!"
Ах, какие маслята, какие маслята
выстилают воронки в лесу подо Ржевом!
Я иду по воронкам, срезаю грибочки,
а наставница-память, моя ворожея,
мне все шепчет и шепчет забытые строчки:
"Я убит подо Ржевом... Я убит подо Ржевом..."

Не успев даже вспомнить о Тане, о Нине,
переплавившись вмиг в реки, травы и горы,
здесь навеки смешались в одной мешанине
наши однофамильцы Ковалев и Егоров.
Это не позабыть и не минуть сторонкой,
это в рану разверстую—соль из солонки,
это мы—я и ты—стали этой воронкой
и стоим на краю этой самой воронки.

Мы ее обошли и на краешек сели,
мы сидим—а сердца на две части разъяты.
А в воронке такая волшебная зелень
и такие маслята, такие маслята!..
Я не знаю, в каком прокричать падеже вам
это слово "война", что в маслята оделось...
...Этим августом столько грибов подо Ржевом,
только что-то грибы собирать расхотелось.

август 1987

ЛЕТО

Щурюсь от солнца, под солнце подставив лицо.
Сосны колышутся, плещет у ног озеро.
В мареве сладком травы полевой
полог палатки парит над травой,
как живой, как живой.

Под ковер зеленый загляни-ка:
земляника всюду, земляника
и шмели, и шмели, и шмели.
Что ж это за чудо, что же это?
Это чудо—это просто лето
у земли, у земли, у земли.

Каждое лето в недолгой юдоли земной
вспышкой света светает и тает за мной.
Сына и дочку в лесу и в саду
каждое лето по лету веду
и шепчу на ходу:

под ковер зеленый загляни-ка:
земляника всюду, земляника
и шмели, и шмели, и шмели.
Что ж это за чудо, что же это?
Это чудо—это просто лето
у земли, у земли, у земли.

Так и летят они, лето за летом вослед,
длинная стая от нас улетающих лет.
Скоро и это—увы, на века—
взмлет стремительно под облака,
а пока, а пока—

под ковер зеленый загляни-ка:
земляника всюду, земляника
и шмели, и шмели, и шмели.
Что ж это за чудо, что же это?
Это чудо—это просто лето
у земли, у земли, у земли...

июль 1987

РОМАНС № 11

Чайка крыльями машет,
море берег жует...
Где-то девочка Маша
на планете живет.

Дни, как лошади в мыле,
мчат и мчат в никуда.
Между нами не мили,
между нами — года.

Мой товарищ любезный,
ты поверь мне, что нет
безнадежнее бездны
разделяющих лет.

Можно выкопать Трою,
слить тела и уста,
но никто не построит
над годами моста.

...Ветра выдохам вторя,
в час закатный стою
у Балтийского моря
на краю, на краю,

и кричат над салакой
чайки, как воронье,
и печаль, как собака,
лизжет сердце мое.

октябрь 1987

НАУЧНО-ПОЛЕВОЙ РОМАНС

Отъехав, рассвело едва,
мы едем час, и едем два,
и едем боле.
Нам указание дано:
доехать до Бородино
и выйти в поле.
На поле том, на поле том,
где нынче наш и стол, и дом,
где грязь и лужи,
быть нынче схватке удалой,
но не с французом — со свеклой,
а это хуже.

Нас кандидатов десять штук
околовсяческих наук
и два доцента.
Наш трудовой соленый пот
расширит фронт сельхозработ
на два процента.
Но мы не ропщем — где уж нам! —
Вот на соседнем поле — там
свернули горы,
там люди подвиги творят:
там академик, говорят,
и два членкора.

Пока рубили мы ботву,
зарплата шла на всю братву —
а что такого?!

И за автобус, что нас вез,
платил несчастный наш колхоз
по сто целковых.
Один автобус — это сто.
А если десять — это что? —
А это тыща!

И мысль приходит будь здоров:
не жирновата ль для коров
такая пища?

и все я думаю, простак:
ужель не можно сделать так,
ужель не можно,
чтоб пек пирожник пироги,
а сапоги, а сапоги
тачал сапожник,
чтоб дурь не била наповал,
чтобы в стране торжествовал
над дурью разум?
...А впрочем, поздно. Спать пора:
ведь завтра мне к семи утра
идти на базу.

октябрь 1987

266

ПАТРИАРШИЕ ПРУДЫ

Патриаршие пруды...
Утки около воды
замерли.
Ветер песенку поет,
уткам грезится полет
за море.
Уткам скоро улетать —
здесь так холодно и так
голодно.
Над прудами тает день,
тает день, витает тень
Воладна.

К Патриаршему пруду
на скамеечку приду
к бабушкам.
Ни русалок, ни наяд —
лишь стареющий ноябрь
рядышком.
В свете меркнущего дня
вдруг опутает меня
оторопь,
и проступят из воды
бывшей Козьей слободы
контуры.

И уже я не живу,
и как будто наяву
снится мне,
что, летя в желанный ад,
Маргарита кружит над
Сивцевым,
хвост поднявши, словно меч,
Бегемот толкает речь
тронную,
и прогнулась у стены
под пятой у Сатаны
Бронная.

От подобнейших чудес
может, кто бы и полез
на стену,
для меня же благодать —
да вот только не видать
Мастера.
В той долине теневой
да пребудут для него
зорькою
Патриаршие пруды,
как награда за труды
горькие.

...Вечер, отходя ко сну,
красной по небу мазнул
краскою.
Оградят ли от беды
Патриаршие пруды
нас с тобой?
Оцарапав, как иглой,
что-то на сердце легло
камушком —
то ли вспомнил про дела,
то ли масло пролила
Аннушка...

декабрь 1987

**НЬЮ-ЙОРКСКИЕ ЧАСТУШКИ,
или
ПОДРАЖАНИЕ ВИЛЛИ ТОКАРЕВУ**

Неприметный, словно атом,
нашей Родины гонец,
я иду по этим Штатам,
загнивающим вконец.
Я иду, глазаю в оба,
стены трогаю рукой...
Небоскребы, небоскребы —
а я маленький такой.

Я шагаю, рот разинув,
их гниение кляня.
Магазины, магазины
наступают на меня.
Все сверкает, как под лаком,
только мне оно на кой:
мне ж валюты кот наплакал —
я ведь маленький такой.

Лишь приехал в этот город,
услыхал коварный писк:
не желал бы сэр Егоров
записать в Нью-Йорке диск?
Сэр бледнеет, сэр немеет,
сэр теряет свой покой:
сэр ведь сам решить не смеет —
он ведь маленький такой.

В буржуазном этом рае,
где все курят анашу,
я остаться не желаю,
но обратно не спешу.
В буржуазной этой дали
мне б еще денек-другой
кабы дали! Да не дали —
я ведь маленький такой.

Ровно в девять завтра в среду,
словно незрелый плод,
унесет меня отседа
наш родной "Аэрофлот".
Сяду дома у окна я
и подумаю с тоской:
широка страна родная —
а я маленький такой...

январь 1988, Нью-Йорк

ЮБИЛЕЙНЫЙ ПЛАЧ ПО ВЫСОЦКОМУ

Все смешалось в душе — и соблазны бесовские,
и горящий Бродвей, и поющий Боб Дилан...
Я встречаю в Нью-Йорке день рождения Высоцкого
на Седьмой авеню, по которой ходил он.

Над Манхэттеном звезд дотлевают окурочки.
Под неоновым нимбом рекламного света
вот он рядом идет в своей кожаной курточке...
Но, увы — ах, увы! — мне лишь кажется это.

Вроде дата чужая — а донельзя личная,
и рыдает сегодня душа, а не хнычет,
и хотя я привез для подарка “Столичную”,
я “Столичную” эту раскупорю нынче,

и в немом полумраке заморского бдения,
позабыв докторов наставленья благие,
я приму полстакана за Ваше рождение
за полшара земного от Вашей могилы.

На английском, на русском, на хинди, на идише
в день рождения Ваш все слова забываю,
но, в Москве никогда наяву Вас не видевший,
прошепчу Вам в Нью-Йорке такие слова я:

наши слезы по Вас, как и прежде, соленые,
наша память о Вас все острее год от года,
и да вечный покой Вам, Владимир Семенович,
на Ваганьковском кладбище справа от входа.

январь 1988, Нью-Йорк

**ПОСВЯЩЕНИЕ Г. БРИСКМАНУ,
ВЫКАРАБКАВШЕМОУСЯ ИЗ ИНФАРКТА**

Мы лежим с тобой, Гарька,
волоском на ноже,
и затянуты гайки
до отказа уже.

За полшага до гроба,
словно в утренний луч,
может, вцепимся оба
в этот гаечный ключ?

Два седых обормота,
может, нынешним днем
хоть на полоборота
ключ назад повернем?

Чтобы черного рока
не коснулась косьба,
чтобы наша до срока
не сорвалась резьба,

чтобы сыном и Богом
понят был и прощен,
чтоб еще хоть немного,
хоть немного еще...

январь 1988

ВЕРОНИКА

В. Долиной

На кухне — хруст сгрызаемых костей,
на полке — полк игрушечных апачей...
У Вероники четверо детей —
три человеческих и один собачий.
Она их учит: “Буки, веди, аз...“,
на них скупую нежность равно тратя —
ведь души равно трепетны у нас
и у четвероногих наших братьев.

Еще испить ей горького вина,
продолжить счет победам и потерям.
Из крепкой ткани скроена она,
а песни — из совсем иных материй.
Она их не слагает, а творит,
кроит по ей лишь ведомым лекалам,
и в каждой песне лампочка горит
слепящего и долгого накала.

Два шага по Тверской-Ямской — и вот
банальнейшая дверь на Маяковке.
За этой дверью женщина живет
совсем не женской выплавки иковки.
О, как ее высокомерен тон,
как чужд он ей по сути и по стилю, —
но можно ей простить за песни то,
что бабе бесталанной не простили б.

Хула бессильна и напрасна лесть:
струну — ее попробуй приструни-ка!
У Вероники все на свете есть:
и божий дар, и имя Вероника,
и тайный жар невыжженных страстей,
и жизнь, в которой судят и судачат,
а также муж и четверо детей —
три человеческих и один собачий.

январь 1988

ТЕНИ НА МОЙКЕ

Возле Пушкинского дома, что на Мойке,
где уже на парапете снег белеет,
птицы стихли и прохожие умолкли,
и молчат себе, и прах его лелеют.

Экскурсанты даже дышат втихомолку,
еле слышные вопросы задавая,
а по Пушкинскому дому, что на Мойке,
ходят тени и живых не задевают.

Ходят тени, стонут тени, плачут тени...
Им, теням, от этой боли нету мочи.
И скупые о здоровье бюллетени
тень Жуковского вывешивает молча.

Не чинов во имя и не ради денег,
от бессилия на Господа пеняя,
докторов его беспомощные тени
все снуют вокруг него и лед меняют.

Та, которой был сражен и очарован,
та, с которой невесомы все тенета,
тень Натальи Николаевны Гончаровой
на кушеточке лежит у кабинета,

и какая б его боль ни обуяла,
что б ни грезилось ему в предсмертной дали,
умирающий укрыт, как одеялом,
сухопарой и сутулой тенью Даля.

Мукой пушкинской объята и ведома,
не снимая эту горькую осаду,
тень толпящихся у Пушкинского дома
полтора столетия мерзнет у фасада.

И, забрызганная пушкинской кровью,
света пушкинских окон не омрачая,
николаевская тень лежит на кровле,
но ее уже никто не замечает...

295

РОМАНС ПО ПУТИ НА ЧЕРНУЮ РЕЧКУ

Перекрести меня, Наталья, —
еще не явь, уже не тайна,
что наши скрещены пути.
Легла дорога на дорогу...
Надолго ли — известно Богу,
а наш удел — по ней идти.

И нам загадывать не надо,
куда она — к вратам ли ада
или к заоблачным вратам.
Какая разница, ей-богу!
Ведь главное — обрести дорогу
и до ворот дойти. А там

пойдем, уже не так ретивы,
что бытие неотвратимо
свои вращает жернова,
и нам скрипят они, Наталья,
что жизнь — она всегда летальна,
а смерть — она всегда жива.

март 1988

ЭТО ЛЕТО НА ДОНУ

Это лето на Дону —
палевое, полевое...
В этом лете утону
с головою, с головою,
окунусь в его покой,
где в орнаменте покоя
лишь палатка над рекой
да моторка под рукою.

Это лето на Дону,
где в котле краснеют раки,
где взлетает на волну
белый бакен, красный бакен,
где копченые лещи,
где соминные усищи,
где ищи меня свищи —
все равно меня не сыщешь.

Это лето на Дону
разменяв, как подаянье,
я на тело натяну
городское одеянье,
нацеплю туда-сюда
ордена и эполеты
и забуду навсегда
это лето, это лето,

это лето на Дону...

июль 1988

ПОКА ЕЩЕ ДЛЯ НАС

Пока еще врачей не траурны прогнозы,
пока еще для нас будильничек звенит—
не вешай нос, Малыш! Ведь он такой курносый,
а значит, должен быть нацеленным в зенит.

Ну что нам горевать, когда в минуты эти
судьба нас бережет и пестует Парнас,
и наша детвора живет на белом свете
пока еще для нас, пока еще для нас.

Пока еще для нас не обратились в муку
движенья волшебство и вздоха благодать,
не вешай нос, Малыш! Дай руку мне, дай руку,
чтоб мог я по руке нам вечность нагадать.

Нам вечность нагадать — нехитрая задача!
Но главное не в том, а главное сейчас,
что Вера и Любовь, Надежда и Удача
пока еще для нас, пока еще для нас...

август 1988

305

НА СИРЕНЕВОМ БУЛЬВАРЕ

Сколько б ты ни прожила, сколько я ни проживу —
разве в сказке наяву мы когда-нибудь бывали?
Но сегодня мы с тобой побывали наяву
во хрустальных деревьях на Сиреневом бульваре.

И безмолвствовал вокруг город, словно неживой,
и как будто два крыла распахнулись за плечами,
и сиреневая грусть обрамляла облик твой,
и саднило мне гортань от сиреневой печали.

Это, верно, сон — но мы разучились верить снам.
Да, конечно, это все — лишь на оттепель морозец.
Но дозволь мне полагать, что дарует чудо нам
некий сказочник-чудак, некий чародей-уродец.

Это он, конечно, он, силой чудною влеком,
верой чудною храним, жаждой чудною палимый,
опустился на бульвар — и сиреневым ледком,
как перчаткой, обтянул каждый пальчик тополиный.

Далеко ль, недалеко ль нам до Страшного суда —
но, пока подлунный мир в роковой не сгинул сваре,
как хотел бы я с тобой заблудиться навсегда
во хрустальных деревьях на Сиреневом бульваре!

Но, связав на краткий миг нас одною бечевою,
наша жизнь за часом час эту ночь перелистает,
все расставит по местам, не оставит ничего —
все растает поутру,

все растает,

все растает...

1987 — 1989

304

ФОТОГРАФИЯ НАРКОМА

Фотография наркома
за полгода до тюрьмы.
Те, кто были с ним знакомы, —
с ними не знакомы мы.
В край мошки и край морошки,
кто с наркомом был знаком,
тот пошел по той дорожке,
по какой ушел нарком.

Где сегодня тлеет тело
члена ВЦИКа и ЦК?
У него перед расстрелом
очень дергалась щека.
Но, изломан так и эдак,
как он голову держал —
резидент пяти разведок
и агент шести держав!

С именем усатоустым
эти делая дела,
ах, с каким ломали хрустом
им и души, и тела!
А они все тянут руки
и скребутся в нашу дверь...
За безвинные их муки
кто ответит им теперь?

Расплатившись их судьбою,
их впитав тоску и боль,
мы до права быть собою
вроде дожили с тобой.
Правду холим и лелеем,
но дрожит моя строка:
ведь лежит за Мавзолеем
прах, не вырытый пока.

март 1988

УЧЕБА

Нас учили фарисейству—в школе, в университете,
в детском садике (но меньше—все же это детский сад).
Мы учились, постигая мудрые уроки эти,
называть закат рассветом и задворками фасад.

Нас таинственно учили, как драпировать Венеру,
нас воинственно учили, как беречься от крамол,
нас учили, безусловно принимая в пионеры,
нас учили, поголовно загоняя в комсомол.

А еще учили (чтобы тем ненужных не касался)
правилам стихосложения: слово пишем—два в уме.
Тот же, кто учился плохо и наоборот писал все,
получал прописку в Горьком (раньше бы—на Колыме).

Научившись, что в итоге важно, с кем ты, а не кто ты,
научившись неученых отлучать и обличать,
мы продолжили учебу, жизнь уча по анекдотам
про Чапая, чукчу и про Леонида Ильича.

В этой жизни двуязычной мы такие стали доки!
Постигая постоянство постулата “не моги”,
мы учились. И в итоге бушевавшие в нас токи
стали греть электрогрелки, чайники и утюги.

Доучились до того, что наш радетель и рачитель,
наше царство-государство перед другом и врагом
стало чем-то вроде круга: в центре вроде как учитель—
а вокруг народ ученый ходит по цепи кругом.

Да минуют наши дети университеты эти!
Хватит с них, что мать учена, дед учен, отец учен.
Презирая их ученость, будьте неучами, дети,
и пускай вас совесть учит—что к чему и кто почем.

Нас учили фарисейству...
Будьте неучами, дети!

ПРАВОТА

Какой Олимп, какой Парнас
исторг премудрость ту:
“Кто не за нас, тот против нас!
Ату его, ату!”
Борзые мчатся все скорей,
и грозны егеря,
и так глаза у егерей
горят!

А те глаза привычно “за”,
а эти — с искрой золотой,
но те, и те, и те глаза
полны бесспорной правотой.
И, с правотою той на “ты”,
живем в довольстве и покое,
и нам от этой правоты
до правежа подать рукою.

О наихудшая из фраз, —
она у нас в крови:
“Кто не за нас, тот против нас!
Трави его, трави!”
Открыт охотничий сезон —
в прицеле жизнь твоя.
Сегодня ты — а завтра он
и я.

А та душа живет греша,
а эта — числится святой,
но та, и та, и та душа
полны бесспорной правотой.
И, с правотою той на “ты”,
живем в довольстве и покое,
и нам от этой правоты
до правежа подать рукою.

“Кто не за нас, тот против нас!
Ногой его, ногой!
Кто не за нас—тот против нас!
В огонь его, в огонь!”
С вязанкой дров приходит друг
и с хворостом сестра...
Ах, сколько милых лиц вокруг
костра!

А то лицо полно ленцой,
а это—гневом налито,
но то, и то, и то лицо
полны беспорной правотой.
И, с правотою той на “ты”,
живем в довольстве и покое,
и нам от этой правоты
до правежа подать рукою...

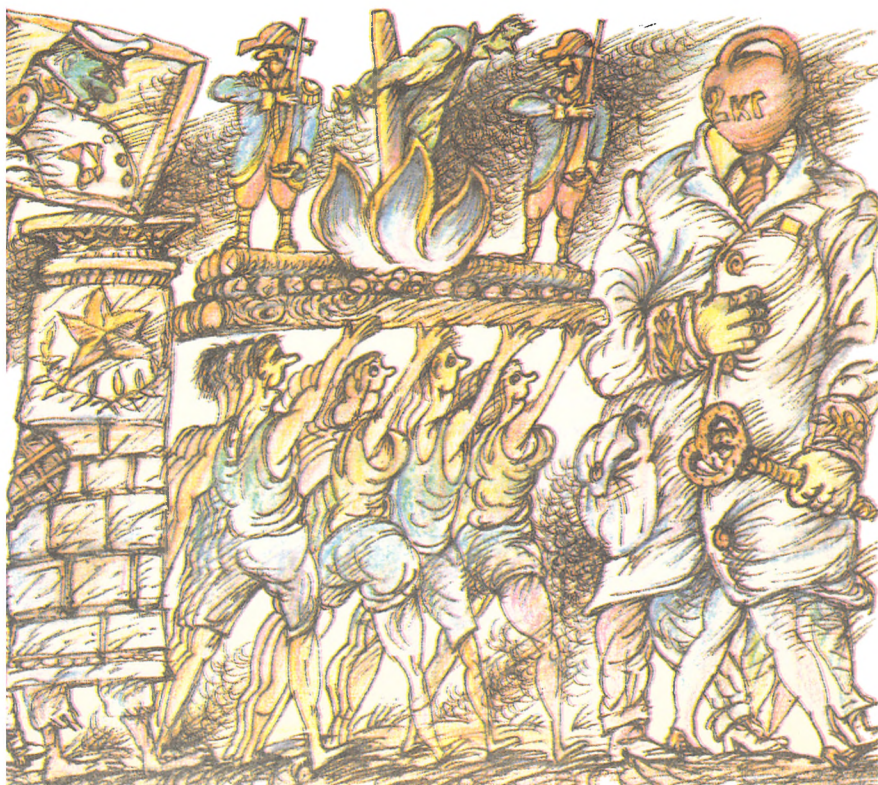
апрель 1989

ОЧЕРЕДЬ

Сколько себя помню я—
с самой малости—
в Африке-Японии
поменялось все,
лишь под крышей отчею,
днем ли, ночью ли,
вижу слева очередь,
справа очередь—
ту, что матерком жужжит,
ту, что мается,
и за горизонт бежит,
и теряется
в октябре простуженном,
где рабочие
в Смольном за оружием
встали в очередь...

Очередь, очередь,
в Магадане, в Сочи ли —
просто нету мочи уж,
мать-перемать!
Очередь, очередь...
Научи же, Отче мой,
чтоб сынку и дочери
в ней не стоять.
Что же за Содом такой,
что за ад еще —
очередь в роддом стоит
и на кладбище.
Раной незализанной,
как наказана,
очередь за визами
и заказами.
Вечно озабочена,
заморочена,

к Мавзолею очередь,
в ГУМе очередь.
И совсем уж тошно мне
зреть воочию
очередь на то, чтобы
записаться в очередь.
Просто уже мочи нет,
но влезая в очередь
и кричу, как прочие:
мать-перемать!
Очередь, очередь...
Научи же, Отче мой,
чтоб сынку и дочери
в ней не стоять.
На себя взгляните-ка,
соплеменники:
все мы нынче нытики,
все мы пленники.
Сыростью и плесенью
пахнет очень уж
государство, если в нем
правит очередь —
бешеная, верткая
и клыкастая
очередь за водкою
и лекарствами,
очередь за вербою
и одеждою,
очередь за верою
и надеждою...
А в кремлевской вотчине,
бывшей вотчине,
к микрофону очередь —
ну и дела!
К микрофону очередь!
Научи же, Отче мой,
чтоб она единственной
у нас была!

июль 1989

ПЕПЕЛ СТРАХА

Леху Валенсе

Говорю не шутя,
а идя как на плаху:
я — родное дитя
всенародного страха.
Это как? Это что?
Это вползший под крыши
страх подумать не то,
что дозволено свыше.

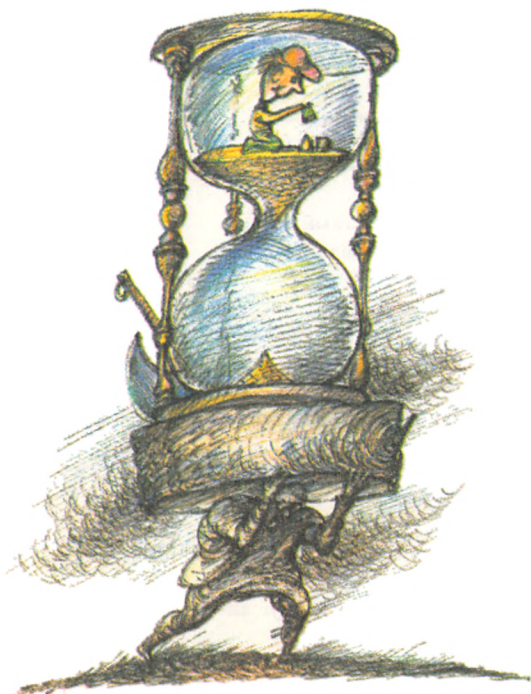
И боялись мальцы
шмыгать носом без спроса,
и боялись отцы
рокового доноса,
и белела жена
в ожидании краха,
и болела страна
генетическим страхом.

Этот горестный страх
наших буден бравурных
догорает. Но прах
в наших душах, как в урнах.
Не забыт, не прощен,
серокожий, постылый,
он горячий еще,
он не скоро остынет.

С его жаром борюсь —
жаром этого праха —
но, похоже, боюсь
жить и думать без страха.
Сколько слез ни сотри,
враг ли около, друг ли —
все пекут изнутри
страха этого угли.

Как от черных вестей,
я чернею от риска,
что коснутся детей
нашей трусости искры.
Потому и спешу
и, как грифель стираясь,
все тушу и тушу,
все стараюсь, стараюсь...

*ноябрь 1988 — март 1989
Гданьск — Камчатка*

НОТЫ

На следующих страницах—нотная запись семидесяти песен В. Егорова—из тех, что исполняются чаще других, а также из числа новых. Над текстами песен цифрами со значком # обозначены страницы, где помещены соответствующие ноты; ссылка на эти страницы есть также в содержании и в алфавитном указателе.

СИНЯЯ ПЕСНЯ

Спокойно, не торопясь

1. Рас-сы-па-ны звезд го-лу-бы-е го-
ро-ши-ны, бре-дет по зем-ле че-ло-
-век о-го-ро-шен-ный-из-мо-тан-ный
шаг, раз-мо-тан-ный шарф... А
не-бо плю-ет-ся по-ро-ше-ю.
Ах, // ча-ми о-пав, чу-
-жа-я судь-ба бре-дет по сне-
-гам о-ди-но-че-ства. 2. Ша-//ся. М.
Ах, // ча-ми о-пав, чу-
-жа-я судь-ба бре-дет по сне-
-гам о-ди-но-че-ства. 2. Ша-//ся. М.

И,
слов - но во сне, си - ре - не - вый снег су -
-гро - ба - ми си - ни - ми ду - ет - ся.

НЕУНЫВАЮЩАЯ ПЕСНЯ

Энергично
Am

Жизнь штилем не ба - лу - ет, эх,
жизнь вро - де как па - лу - ба: то в но -
-гах, то из - под ног -
знай се - бе де - рись с вол - ной,
знай се - бе де - рись с вол - ной.

ДОРОЖНАЯ ПЕСНЯ

В спокойном движении

1. Как мно-го на зе-мле зе-мли,
 чьи ве-че-ре-ю-щи-е за-ре-ва
 гу-сты-е вью-ги за-ме-ли, гу-сты-е
 вью-ги за-ме-ли, дожди за-
 -му-чен-ны-е за-ли-ли...

2. О-на про-тя-ги-ва-ет
 к нам сво-и за-сне-жен-ны-е
 по-ло-сы, и от-плы-ва-ет от ок-
 -на, и от-плы-ва-ет от ок-на
 ло-ба-сто мча-ще-го-ся по-

Chords: Gm, Eb, Am7/-5, D, D7/+5, D7, Cm, D7, Gm, Cm, F, B, Eb, Am7/-5, D, D7/+5, D7, Cm, D7, Gm, Cm, F, B, Eb, Am7/-5, Eb.

- е з - да . 3. Над ней ко .//
 Как мно . го на зем . ле зем . ли...

СЛЕДЫ

Уверенно, в четком ритме

1. Тре . тий день пляшут ме . те . ли , тре . тий
 день е . ли да е . ли - им сто . ять здесь на ве .
 - ка , под - пе . ре в об . ла . ка . Ти . ши .
 - на за . ли . ла у . ши , ти . ши . ну учимся
 слу . шать , и сле . ды - по бе . лиз . не , по ти . ши .
 - не , по ти . ши . не . 2. Нам ид .// . ды ...

ДОЖДИ

Спокойно

1. Я вас лю-блю, мо-и до-жди,
 мо-и тя-же-лы-е, о-сен-ни-е,
 чуть-чуть смеш-но, чуть-чуть рас-
 -се-ян-но я вас лю-блю, мо-и до-
 -жди. А ли-стья ла-стят-ся к ство-
 -лам, а тро-ту-а-ры, слов-но
 зер-ка-ло, и я плы-ву *)Dm
 по зер-ка-лам, в ко-
 -то-рых от-ра-жать-ся не-ко-му.

1. 2. Am
2. Где, // Я вас лю-

F Am F
-блю, мо-и до-жди, мо-и тя-

E7 Am
-же-лы-е, о-сен-ни-е, чуть-чуть смеш-

H7 E
-но, чуть-чуть рас-се-ян-но, спа-

F E7 Am
-си-бо вам, мо-и до-жди,

Hm7 E7 замедляя
спа-си-бо вам, мо-и до-

Am F Dm E7 Am
-жди.

Здесь и далее значком *) и мелкими нотами обозначены варианты мелодии куплетов.

ПЬЯНАЯ ПЕСЕНКА

Спокойно

1. Про- сти ме- ня, дру- жок, за
 пья-но. е пе- ро, на э- тубол-то- вню, по-
 - жа- луйста, не се- туй, но знай, что до сих
 пор о- пле- ван- ный Пье- ро на
 то- неньких но- гах ша- та- ет- ся по
 све- ту. 2. И // 4. И на е- ё ог-
 - не он стря- па- ет сти- хи, и дремлет на пле-
 - че у ро- зо- ва- той зорь- ки. Ру-
 - ка е- го лег- ка. Гла- за е- го су-
 - хи. А стро- ки на бу- ма- ге со- ло- ны и

Chords: Cm, G, Eb, Fm, Ab, G7, II. Cm, Cm, G7

Tempo: Спокойно

Rehearsal marks: %%

Repeat signs: //

First ending: I.

Second ending: II.

Section markers: 2., 4.

горь ки. 5. Но // му, и

все же я - по- верь! - и - ду е - го до -

- ро - гой... 6. Про-//

све - ту.

СЕРЕБРЯНАЯ ПЕСНЯ

Умеренно

The musical score is written in a single system with ten staves. It features a melody line with lyrics and a guitar accompaniment line with chord symbols. The tempo is marked 'Умеренно' (Moderato). The key signature has one flat (B-flat), and the time signature is 4/4. The lyrics are in Russian and describe a silver song and a silver bride.

Ах ка- бы ю- ность шла на зов! На-
 - зад е- е по- звать бы! Но
 че- рез го- ды, чей ту- ман об-
 - ман- чив и лу- кав, кра-
 - дут- ся к нам, кра- дут- ся к нам се-
 - ре- бря- ны- е свадь- бы
 и вы- рас- та- ют на пу- ти, и
 тя- нут за ру- кав. Кра- дут- ся к нам, кра-
 - дут- ся к нам се- реб- ря- ны- е
 свадь- бы, и вы- рас- та- ют

Аm 1. E7

на пу-ти, и тя-нут за ру-

Аm 2. E7 Аm

-кав. И //ре-бря-ный твой смех.

ДРУЗЬЯ УХОДЯТ

Сдержанно
Dm Gm A7

Друзья у-ходят как-то незна-

Dm Gm

-чай, друзья у-ходят

C7 F

в прош-ло-е, как в за-мять. А мы сме-

B E7/5 Cm D7

-ем-ся с но-выми друзья-ми, а

Gm A7 B

ста-рых вспо-ми-на-ем по но-чам,

Eb A7

а ста-рых вспо-ми-на-ем по но-

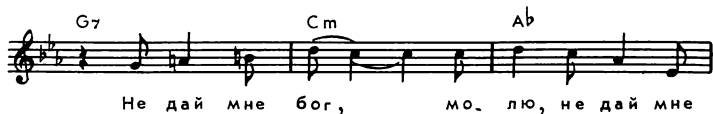
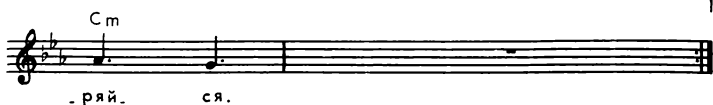
1. Dm 2. Dm

-чам. А мы во //чам.

РОМАНС № 1

Спокойно

Не дай мне бог по-знать тво-ю и-
 зме-ну! Жи-ви как зна-ешь:
 ря-дом, вдале-ке- но то-лько
 будь мо-не-ткой не-ра-змен-ной
 в мо-ем до кро-ви сжа-том ку-ла-
 -ке. И на безмер-ной той, бес-смерт-ной
 тра-се, где нас швы-ря-ет
 по у-ха-бам дней, ме-ня не

АТЕИСТИЧЕСКАЯ МОЛИТВА

Сдержанно

The musical score is written in G minor, 12/8 time, and consists of nine staves of music. The lyrics are written below the notes. Chord symbols (Gm, C, A7, Dm, B, Eb, F) are placed above the notes to indicate the harmonic accompaniment. The tempo/style marking 'Сдержанно' is placed at the beginning of the first staff.

1. И о - пус - тит - ся ночь, и о -
 - сы - пет - ся град, и о - бру - шит - ся меч на клей -
 - ме - ны е ли - ца... По - дой - ди же ко мне, мой то -
 - ва - рищ и брат, по - мо - лись за ме - ня, не у -
 - ме - я мо - лить - ся. И ког - да по - ут - ру, о - тре -
 - шась от тре - вог, мы пой - дем на по - мост сквозь го -
 - не - нья и го - гот, да по -
 - мо - жет нам Бог, да по -
 - мо - жет нам Бог, да по - может нам Бог - нам, не

ИГРАЕТ БАХ

Не спеша

Gm F7 B

О. сен. ний воз. дух му. зы. кой про. пах,

B F7 B

гло. та. ет мир о. ран. же. во. е зель. е,

G7 Cm Gm

а над зем. лей, а над зем. лей иг. ра. ет

Cm D7 Eb

Бах, иг. ра. ет Бах, иг. ра. ет Бах, и зву. ки

Cm Gm Cm

му. зы. ки е. го, как листь. я жел. ты. е, ле.

Eb D D7 1. G7 D7

т. ят, ле. тят на зем. лю. А...

G C Ab G D7 2. G

The musical score is written in G minor (three flats) and 4/4 time. It consists of seven staves of music. The first staff begins with a treble clef, a key signature of three flats, and a common time signature. The melody is written in a single line. Chords are indicated by letters above the staff: Gm, F7, and B. The lyrics are written below the staff. The second staff continues the melody with chords B, F7, and B. The third staff has chords G7, Cm, and Gm. The fourth staff has chords Cm, D7, and Eb. The fifth staff has chords Cm, Gm, and Cm. The sixth staff has chords Eb, D, D7, and a first ending with chords G7 and D7. The seventh staff has chords G, C, Ab, G, D7, and a second ending with chord G. The score ends with a double bar line.

ОБЛАКА

С движением
Dm

(на свистывая)

Gm A₇ B D₇

Gm A₇ Dm Dm

Над землей

Gm A₇ Dm

бу. шу. ют тра. вы, об. ла. ка

Gm D₇ Gm

плы. вут, как па. вы. А од-но,

C₇ F

вон то, что спра. ва- э. то я...

A B Медленно

э. то я... э. то я... И мне не на. до

Gm A₇ Dm Для окончания Gm A₇

сла. вы. // ля, ля, ля ля ля ля

B D₇ Gm A₇ B D₇ Gm A₇ Dm

ля...

ГРУСТНО-БАНАЛЬНАЯ ПЕСЕНКА В ФОРМЕ
ОБРАЩЕНИЯ К ЗРИТЕЛЮ

Свободно

я се- го-дня очень ве-сел, я се-
 -годня, как в бре-ду. Ах, мой зри-тель, встаньте
 с кре-сел в во-сем-над-ца-том ря-ду и за-
 -стыньте, и замри-те, и в на-кур-ен-ном ды-
 -му вы пойми-те, ах, мой зри-тель, все, что
 сам я не пой-му, все, что сам я
 замедлить пой-му: по-че-
 в темпе Ритмично
 му длин-на и стой-ка э-та чер-то-ва зи-
 -ма и от ду-ри сча-стья столько, сколько
 го-ря от у-ма, по-че-му, тер-за-я

$A\flat$ B_7 $E\flat$ C_7
 стру- ны пе-ред зри-тельским су-дом, я сна-
 Fm Cm G_7
 -ру- жи о-чень ю-ный, а вну-три со-всем се-
 $A\flat$ Fm ΠG_7 Cm
 -дой, а вну-три со-всем се-дой.
 $A\flat$ G_7 $\Pi 2.G_7$ Cm $A\flat$ Fm G_7 Cm
 Ми-мо // до ут-ра.

ПЕСЕНКА ПРО АВГУСТ

Задумчиво

A - вгуст бродит ста - рым кня - зем ,
 сле - зы звезд ро - ня - я на - земь. Вла - жны ут - ром,
 вла - жнык но - чи за - ту - ма - нен -
 - ны - е о - чи. А - вгуст,
 ве - тренный гу - ле - на! Я - рок
 твой каф - тан зе - ле - ный, но по -
 - стой - те, ах, взгля - ни - те,
 как в нем мно - го, как в нем мно - го жел -
 - тых ни - тей!

Chords: Dm, B, F, A7, B, Gm, C, F, D7, Gm, E, A7, Dm, G, Dm, B, C, Dm, B, D7, Gm, Dm, A7, Dm, B+7, 1. Esus A7, 2. Esus A7, Dm

ПУСТЬ ДОЖИДАЮТСЯ

Подвижно

1. Ра_злу_ка - вы_ше всех печа_лей...

В ча_ду жи_тей_ско_го ог_ня

ви_но, ко_то_ро_е по_ча_ли,

пусть до_жи_да_ет_ся ме_ня. В гор_ни_ле буд_нич

_ных ба_та_лий, в не_дол_го_веч_ном

све_те дня дру_зья, ко_то_ры_е о_ста_лись,

пусть до_жи_да_ют_ся ме_ня, пусть до_жи_да_ют_ся ме_

ня. 2. При_//_ня.

ПЕСЕНКА ЖОНГЛЕРА

Живо

Тря-хни, жон-глер, бы-
 ло-ю сла-вой, во-зми-ка ко-льца
 и бу-ла-вы, и на-чи-най во-здушный их де-
 леж. Ни-кто, жо-нглер, е-
 ще не по-мер, ко-гда да-вал про-
 щаль-ный но-мер, и вот се-го-дня
 ты е-го да-ешь. Ты се-го-дня
 но-мер пер-вый, но впер-вы-е сда-ли нер-вы,
 и, о вы-хо-де у-слы-шав, ты не вы-шел,
 ты не вы-шел. И, за-дув се-бя, как све-чку,
 ты по-сле-дне-е ко-ле-чко, сло-вно пре-дан-

Chords: C, Ab7, Cm, G7, Eb, Db, Cm, Ab, G7, C, G7, D, Fm, Ab, G7, C, Cm, G7, B7, Eb, Fm, G7, Cm, G7, C7, F, B7

-но. го дру. га, бро. сил в са. мый даль. ний у. гол.

Пам. па. рам, па. пам. па. ра...

Для окончания

Cm Ab7 Cm Ab7 Cm G7 Cm

КОЛОКОЛА

Не торопясь

Над Но. во. де. вичьим, слов. но от.

ча. яв. шись, ко. ло. ко. ла, как буд. то

го. ло. вы, ка. ча. ют. ся. Вы. су. нув

я. зы. ки, что. то кри. чат с тос.

ки, но ни. че. го у них не по. лу.

ча. ет. ся. Ко. ло. ко. //го не по. лу.

ча. ет. ся. Ко. ло. ко. ла...

ДОЖДЬ СМОЕТ ВСЕ СЛЕДЫ

Не торопясь

1. В ту ночь, когда Москва об-
 -ша-рил первый ли-вень, я, бро-шен-ный к сто-
 -лу пред-чувст-ви-ем бе-ды, в дро-
 -жа-щей по-лу-тьме ру-кой дрожа-щей
 вы-вел: «Дождь смо-ет все сле-ды... дождь
 смо-ет все сле-ды...» 2. Че-//стит.

ПЕСНЯ КАНАТОХОДЦЕВ

Живо

1. Ка - на - то - хо - дцы мы, ка - на - то - хо - дцы, мы над ма -

не - жем сло - вно над ко - ло - дцем. Ку - пол по - гас,

ты - ся - чи глаз це - ля - тся в нас.

Зна - чит, нам на - до ид - ти. И с у -

лы - бкой мы бе - жим ле - гко и пры - жко по ту - гой и

сколь - зкой ни - тке. Вот как, вот как,

вот как, ведь ка - на - то - // ведь ка - на - то -

хо - дцы мы, ка - на - то - хо - дцы...

ПРОЩАНИЕ С ЛЕТОМ

Задумчиво

Музыкальное произведение в тональности E-минор, 4/4 метр. Темп задумчиво. Текст песни:

Пу- та- ясь в во_ спо- ми- на- ньях, как в се-
 - тях, ме- длен- но вхо- жу в три-дце- тый
 свой се- нтябрь, то-лько что зе- ле- ный и у-
 - же и- ной, лес мой о- сы-
 - па- е- тся, как буд- то ка- ле- нда- рик о- тры-
 - вной... Про- ща- ясь с ле- том,
 ах, го-споди, как гру- стно э- то!

Аккорды: Em, C, H7, Em, Am, F, E7, Am, G7, C, G7, E7, Am, H7, C, F, H7.

ПЕСНЯ О МОИХ ПРАДЕДАХ

Умеренно

Музыкальное произведение в тональности G-минор, 4/4 метр. Темп умеренно. Текст песни:

Как в глу- ху- ю ста- ри- ну, ста- ри- ну,
 ста- ри- ну шел сол- да- тик на вой- ну,

Аккорды: Gm, Eb, D7, Gm, Eb.

на вой-ну, да на вой-ну. Не пришел с вой-
 -ны на-зад, не вер-нул-ся до-мой
 пра-пра-пра-пра-пра-пра-пра-пра-пра-пра-пра-пра-
 пра-дед мой. // рёд. Я бы мать сво-
 -ю об-нял, и де-тей, и же-ну,
 и пошел бы на вой-ну, на вой-ну,
 на вой-ну. Я пошел бы, да вой-ны
 вот у-же тридцать лет сла-ва бо-гу, сла-ва бо-гу,
 сла-ва бо-гу, нет как нет. // пра-пра-пра-пра-
 пра-пра-пра-пра-пра-пра-пра-пра-пра-внук их.

Chords: F7, B, Cm, Gm, D7, Cm, Eb, Cm, D, D7, Cm, Cm Медленное, Eb, D7, Gm, B, Cm, Gm, D7, Gm, Cm, Eb, Cm, D7, Gm, B, D7, Gm.

Dynamics: // рёд., // пра-пра-пра-пра-

Tempo: Медленное

ПОЛНОЧНЫЙ ВАЛЬС

В темпе вальса

По - лночь пле - тет кру - же -

- ва из те - ней на сте -

- не, на сте - не, на сте -

1. - не. 2. - чи.

Ах, как ба - на - льно зву - чит:

по - лночь, пе - ро, три све -

- чи... Но во - пре - ки

су - е - те у пле - ча три зве - зды, три све -

- чи, три лу - ча.

НОЧЬ В ВЕЛЕНЕ

Неторопливо

Музыкальная партитура в нотном формате. Песня «Ночь в Велене» исполняется неторопливо. Музыка записана на одной системе с ключом соль-бемоль мажор и 4/4 тактом. Под мелодией указаны аккорды: Gm, Eb, Cm, D7, Gm, Eb, F, Gm, Eb, F, B, D7, Gm, Eb, Gm, Cm, B, G7, Cm, F, B, Eb, Cm, F, B, Eb, B, Eb, B.

Ля, ля, ля, ля, ля, ля, ля.

Ля, ля, ля, ля, ля, ля, ля, ля, ля,

ля. Тлеет о стывший ко стер,

на бе рег броше ны ве сла, в ме сяц вон за ет ся

о стрым спи лем ко стел...

Веч ный и пре дан ный страж, в ре чке по ло щет ся

и ва, и глу бо ко под о бры вом

дрем лет, у став ши, ло доч ка на ша,

ут лый ко раб лик наш. // наш...

Ут лый ко раб лик наш...

САД

Подвижно

В э- том, как и в том го- ду, напред-
_сва- деб- ной ал- ле- е пах-нут
яб- ло- ни в са-ду, и бе- ле- ют, и бе-
_ле- ют в э- том, как и в том го- ду. //
сад- Ве-че- ром пой-ду на- зад.

ЧЕТЫРЕ ЦВЕТА

Умеренно

Ско-ро, ско- ро, как и встарь
рас- пах- нет вол- шеб- ный ларь ян-
_варь. (ручьи) И по во- ле
ян- ва- ря за- свер-ка- ет из ла- ря, го-

- ря, го- ря,
 все то, что мы дав- но хо-
 - те- ли: и су- гро- бы, и ме- те- ли, и у-
 - зо- ры на о- кош- ке, и в пу-
 - шис- тых бе- лых ша- лях е- ли.
 Бе- лый снег по- ва- лит, и на
 це- лый бе- лый свет во- ца- рит, вос-
 - тор- жес- тву- ет бе- лый цвет. //
 жел- тый цвет.

ДЕЛА

Довольно быстро

Где ты, де-воч-ка, бы-ла? а. а.

-Ба-б-ку в са-ди-ке жда-

-ла, а. а. а, кук-лу в ру-чень-ки бра-

-ла, то гу-ля-ла, то спа-ла - все де-

-ла, де-ла, де-ла...

Detailed description: The musical score for 'ДЕЛА' is written in 4/4 time with a key signature of one sharp (F#). It consists of five staves of music. The first staff starts with a treble clef, a key signature of one sharp, and a common time signature. The tempo marking 'Довольно быстро' is placed above the first staff. The lyrics are written below the notes. The second staff begins with a bass clef and a common time signature. The third staff returns to a treble clef. The fourth and fifth staves continue the melody and lyrics. Chord symbols (Am, F, C, E7, Am**, F, C, A7, Dm, G, Dm, E7, Am) are placed above the notes to indicate the harmonic accompaniment.

ПЕСЕНКА КЛОУНА

Живо

Кло-ун - кто он?

Кто он - кло-ун? Рот рас-тя-нут до у-

-шей. И дру-гой та-кой же кло-ун

мо-жет гнать е-го вза-шей. В по-не-дель-ник

Detailed description: The musical score for 'ПЕСЕНКА КЛОУНА' is written in 4/4 time with a key signature of two sharps (F# and C#). It consists of four staves of music. The tempo marking 'Живо' is placed above the first staff. The lyrics are written below the notes. The first staff begins with a treble clef and a key signature of two sharps. The second and third staves continue the melody and lyrics. The fourth staff concludes the piece. Chord symbols (A, B7/A, A, B7/A, A, F, C, E7, A, G, D7, G, H7, E) are placed above the notes to indicate the harmonic accompaniment.

и в суб-бо-ту-на а-ре-ну вы-хо-ди! Вот ве-се-ла.

я ра-бо-та! Не ра-бо-та-смех о-

дин! *Задумчиво* ...У кло-у-на се-го-дня день и-

ной, ли-стой у-крытый, слов-но ли-сьим

ме-хом. У кло-у-на се-го-дня вы-ход-

ной, и кло-у-ну се-го-дня не до

сме-ха. И он и-дет в о-

сен-ний яр-кий лес, чья пе-стро-та гла-

за сле-пит и ре-жет, как буд-то лес в ко-

стюм фи-гля-ра влез

на зем-ле сто-ит, как на ма-не-же.

Для окончания

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Не спеша Gm

Мне ус- петь бы ска-зать за о-

D7

- став - ший - ся срок все, что

Cm

поз - же нель - зя, все, что

F

рань - ше не смог, все, над

B

чем сво - и перь - я ло -

D7

- мал по ночам, все, о

Gm Eb

чем пе - ред серд - цем сво -

Cm D7 Gm Gm7 Gm+6 Gm

- им у - мол - чал.

Gm Gm7 Gm+6 Gm 12. Gm Gm7 Gm+6 Gm Gm Gm7 Gm+6 Gm

// - чал.

ВЕЧЕР С ДРУГОМ

Умеренно
Ст Fm

А ве. чер был как тра. вя. ной на. стой...

B7 Eb

Он сел и ру. ки по. ло. жил на. стол,

C7 Fm

и по. нял я, что дру. гу ту. го,

B7 Eb

Ab но я е. го по пра. ву дру. га

G7 Cm

не му. чал и не по. у. чал-мол. чал.

C7 Ab

Мол. чал, гла. за. ми по ли. цу скольз. я,

B Cm

о чём- сло. ва. ми рас. ска. зать нельз. я,

Fm B

про те не. сбыв. ши. е. ся да. ли,

Eb Ab

ко. то. рых толь. ко и ви. да. ли

C7 Fm Ab G7

ко. гда- то в дет. стве по вес. не во

Cm Cm Ab G7 Cm Ab G7 Cm

сне. //сне.

The musical score is written in a single system with ten staves. It features a melody line and a bass line. The key signature has two flats (B-flat and E-flat), and the time signature is 4/4. The tempo is marked 'Умеренно' (Moderato). The score includes various chords such as Cm, Fm, B7, Eb, C7, G7, and Ab. There are also dynamic markings like '2' and '2' above some notes. The lyrics are in Russian and describe a quiet evening with a friend.

ПРОЩАНИЕ С НИДОЙ

Свободно

Ни да, ма ла я точ ка на

Курш ской ко се, где ах, ка бы я мог! на всег

да бы о сел, и хо дил бы но ча ми на

дю ны, пил бы горь ку ю вод ку в кро

меш ной тос ке и за ез жих бы жен щин лю

бил на пес ке, по ка ю ный е ще... по ка

ю ный... по ка ю ный е ще, по ка

ю ный... По ка // мо ря.

ПОЕЗД

Скоро

A G H7

А мажет, хва-тит, мажет, хва-тит

C D7

се- бя тер- зать по ме- ло- чам?

G E7

Наш по- езд ка-тит, по- езд ка-тит, нас за со-

A C F H7

-бо- ю во- ло- ча, нас за со- бо- ю во- ло- ча. Ва-

E A

-гон у- ю- тен, слов- но ко- кон,

Am D7 G

в ку- пе та- ка- я бла- го- дать, а ми- мо

C Am H7

о- кон, ми- мо о- кон бе- гут столбы, ле- тят го-

C

I. G 1. G

-да, го- да. Наш // да.

РОМАНС № 8

Сдержанно

Поздравляю. Осталь-

- но е — как во сне. Поздравляю, са-та-

- не я от тос-ки. Ско-ро снег, ты пони-ма-ешь, ско-ро

снег на до-ро-ги, на тре-во-ги, на вис-

- ки. Поздравляю. Звон-ко

чо-ка-юсь. Шу-чу. Рас-трав-ляю при-по-

- ро-шен-ну-ю боль. Поздравляю, и как дол-гу-ю све-

- чу, тво-е и-мя за-жи-га-ю над со-

- бой. На сто-лах тво-их рас-сып-ча-та-я

снедь, и ска-тер-ку боль-ше не-чем за-став-

- лять. Скоро снег, ты по-ни-ма-ешь, скоро
 снег, на ко-то-ром нам сле-дов не остав-
 лять. По-здрав/лять. По-здрав-ля-ю. О-сталь-
 но-е, как во сне. По- здрав-ля-ю, са-та-
 не-я от тос-ки. Ско-роснег, ты по-ни-ма-ешь, ско-ро снег. На до-
 ро-ги, на тре-во-ги, на вис-ки.

МОНОЛОГ СЫНА, ИЛИ ДЕТСКАЯ ВОЗДУХОПЛАВАТЕЛЬНАЯ

Умеренно

См

Нам с сестренкой ка-юк: наша ма-ма на

Г7

юг у-ле-те-ла не-дав-но.

Э-то каж-дый пой-мет: жизнь без ма-мы-не

См

мед, а с от-цом-и по-дав-но!

С7

В до-ме трам-та-ра-рам, па-па нас по-ут.

Fm

-рам кор-мит жже-но-ю ка-шей.

B7

Он в де-лах, как в ды-му, и е-

С7 Fm Dm7/5 G7

-му по-то-му не до ша-лостей на-

См Fm B7

-ших. А по-ша-лить хо-чет-ся о-чень, мы ведь не

Eb Ab Fm

так мно-го и хо-чем. Каж-дый о-тец и да-же

G7 Cm

от-чим э-то пой-мет. //пой!

См Ab Cm Ab Cm Ab Cm

ПРАЗДНИКИ ОКОНЧИЛИСЬ

Умеренно

Праздничны_ ми фла_ га_ ми
от_плес_ка_ ла Ро_ ди_на, про_черти_ ла
по не_бу ко_лес_ни_ ца Фе_ бо_ва,
за_ли_ты_ е ска_ тер_ти
в пра_чеч_ны_ е от_ да_ны...

Празд_ ни_ ки о_ кон_ чи_ лись...

Празд_ни_ ков_как не бы_ ло, а...

Празд_ни_ ки о_ кон_ чи_ лись... //

...ся... Празд_ни_ки окон_чат_ ся...

Chords: Am, C, G, E7, H7, F, Dm, A7, H7, E7, Am, F, A7, Dm, E7, H7, E7, Am

ОСЕННИЙ РЕКВИЕМ.

Свободно

Над на_ ми кро_ ны зо_ ло_

- че_ ны_ е, а вам ни а_ да, и ни

ра_ я. Вам в со_ рок два_ та без_ дна

чер_ на_ я, в ко_ то_ рой ни кон_ ца, ни

кра_ я. Вет_ ра над кле_ на_ ми — над

сос_ на_ ми по_ ют свой рек_ ви_ ем о_

- сен_ ний за_ у_ по_ кой ду_ ши Вы_

- соц_ ко_ го, блажен_ ной па_ мя_ ти Дас_

- се_ на. О_ ни по_ ют, о_ ни по_

- ют, пу_ ти не знав_ ши_ е о_

- коль - но - го, и го - ло - са их бес - по -
 кой - ны - е мне жить, спо - кой - но не да -
 ют. Мне жить спо - кой - но не да -
 ют, не да - ют, не да - ют.
 Em C Am H7 Em C

ПОСВЯЩЕНИЕ СЕРВАНТЕСУ

Умеренно

Умеренно

Еm C A

У_ лег_ ся штурм-и вновь на мо_ ре тишь да

Н7 Еm

гладь. Вер-ну- лось все на кру- ги

C A D D7 G

веч- ны- е сво- и. У Сан-чо Пан-сы «Жи-гу-

C Am D G C

-ли». Мой Рос- си- нант дав-но из-дох.

F# N7 G

А Дуль-си-не- я ря-дом спит. Рома-нов ры-царских за-

Am N7 G

-быт дур- ман, на ан-тре-со-лях в глу- би-

A F# N7 E7

-не ржа-ве- ет щит, а за окном кровит за-

Am D7 G N7

-кат, и та- ет мельниц ветряных на го-ризон те си-лу- эт.

УПЛЫВАЕТ ГОД

Живо

1. О то всех о бид, о то
 всех скор. бей, от все. го, что в нас пе. ни. лось и
 пе. ло, у. ле. та. ет день - се. рый
 во. ро. бей, у. плы. ва. ет год - слов. но ле. бе. дь
 бе. лый. Я кри. чу во. след: «До сви.
 - да. нья, друг! Ты у. же от нас да. ле. ко. да.
 - лё. ко. Ни моль. бо. ю глаз, ни скре.
 - ще. ньем рук не у. нять у. же тво. е. го по.
 1. ле. та.» 2. Ты е. // бе. лый.

ПАНАМКИ

Умеренно Cm D

На по_ ля_ ке - дет.ский сад.

G7 Cm C7

Чи-то внуч_ки, чи-то доч_ки, и панам_ки их тор_

Fm D7

-чат, слов_ но бе_ лы_ е гри_

G Cm

бо чки. Ах, ка_ ка_ я бла_ го_

Ab B

-дать! Не_ бе_ са в ла_ зурь о_

C7 Fm D

де лись, до ре_ки ру_кой по_ дать,

G7 Ab замедлить

до ре_ки ру_кой по_ дать... До вой_

Fm D7 G7 в темпе Cm

ны од_ на не_ де_ ля.

ХАРЬКОВСКИЙ МОТИВ

Темп подвижного вальса

Am C F E7 Am

A...

C F E7 Am C F

E7 Am C Mm F E7

Ког-

Am E7

- да, сво-и сне-га в гу-лянь-е про-ку-

F

- тив, ян-варь об-ро-нит дождь, как

A7

су-щу-ю без-де-лицу, мне

D7

харь ков ска я ночь на

H

сви-щет тот мо-тив, что

E7

ду-шу бе-ре-дит и

H7 E7

на-дво-е не де-лит-ся. На

Am F

вы-мок-шей Сум-ской, не ве-да-я род-

-ства вне су-ет-ной мол-вы вне
 пош-ло-го и лож-но-го два
 ан-ге-ла зем-ных, два
 зим-них бо-жест-ва со-лют-ся впе-ре-
 -ди ве-дин-ство не-воз-мож-но-
 е. А...
 На-Мм...
 над ле-дя-ным дож-дем, ко-
 -то-рый ночь-ю лил и бро-сит на вок-
 -зал пе-ред от-хо-дом по-ез-да. А...

ЮЖНЫЙ РОМАНС

Задумчиво

Не то-ро-пи. Все-му свой
 срок. Не то-ро-пи ме-ня ни в чем.
 Все-му свой счет. Как ни кру-
 -ти - из де-вя-ти не вы-бить сто.
 «Спе-ши-те жить» - ска-зал муд-
 -рец. Я э-той муд-рос-ти у-чен.
 Я ве-рил ей. Я так спе-
 -шил. А тол-ку что? А тол-ку
 что? Не то-ро-пи, и так пол-

- жиз - ни про - ска - ка - ли на ры -
 - сях. За - гнать ко - ня - мы э - ту
 блажь ос - та - вим божь - е - му гон -
 - шу. Ку - да спе - шить, ког - да дож -
 - ди у - же о - сен - не мо - ро -
 - сят, и ав - густ та - ет на гла - зах, и ле - то
 бли - зит - ся к кон - цу! Пе - ре - до // ла... Не то - ро -
 - пи. Все - му свой срок. Не то - ро -
 - пи ме - ня ни в чем. Все - му свой
 счет. Как ни кру - ти, из де - вя -
 - ти не вы - бить сто. «Спе - ши - те жить» -

ска-зал муд-рец, Я э-той муд-рос-ти у-

-чен, Я ве-рил ей, Я так спе-

-шил, А тол-ку что? А тол-ку что?

Я так спе-шил, А тол-ку что? А тол-ку что?

МЫ КУПАЛИСЬ НЕГЛИЖЕ

Оживленно

Мы ку- па- лись не- гли- же -

я и де- во-чка-бо- ги- ня, све- тля-чок, пси- хо- ло-

-ги- ня, все по-зна- вша-я у- же,

мы ку- па- лись не- гли- же.

Э- та ма-лень-ка- я фе- я, я и Са- ша Е- ро-

-фе- ев- два- та- ки- е ко-ри- фе- я,

как Ле-вин и Пи- а- же. А- а- а- а-//же.

ЗИМНЕЕ ВОСПОМИНАНИЕ

Довольно подвижно

Am

Сыплет с неба белый порошок -

D Am H

белым пушком ляжет...

E7

До чего же было холодно

A7

на Балтийском пляже!

Dm F

Там за нами ангелы неслись

E7

и не догоняли,

A7 Dm G

И леса волшебные росли, и леса волшеб-

C H7

ные росли, и леса волшебные росли

E

ли по дианали. //

1. Am

2. Am D7 F Am D7 F Am

пляже!

ПАТРИАРШИЕ ПРУДЫ

Умеренно быстро

Музыкальный текст песни «Патриаршие пруды» с нотами и гармонизацией. Темп: Умеренно быстро. Ключ: G-бемоль (F#), 4/4 такт.

Пат-ри-ар-ши-е пруды ут-ки о ко-ло во-
ды за-мер-ли. Ве-тер пе-сен-ку по-
ет, ут-кам гре-зит-ся по-лет за мо-ре.
Ут-кам ско-ро у-ле-тат:здесь так хо-лод-но и
так го-лод-но. Над прудами та-ет
I.2.
день, та-ет день, ви-та-ет тень Во-лан-да.
К Пат-ри-ар-ше-му пруду на ска-ме-еч-ку при-
ду к ба-буш-кам. Ни ру-са-лок, ни на-
яд, лишь ста-ре-ю-щий но-ябрь ря-дыш-ком.
В све-те мерк-ну-ще-го дня вдруг о-пу-та-ет ме-

- ня о - то - ропь. И. про - сту - пят из во -
 - ды бывшей Козь - ей сло - бо - ды кон - ту - ры,
 кон - ту - ры. // да, то ли мас - ло про - ли - ла
 Ан - нуш - ка, Ан - нуш - ка.

ВАЛЬС ПРИ СВЕТЕ ФОНАРЯ

В темпе вальса

Dm Gm A7 Dm Gm C7

(закр. ртом)

F Gm G#dim A A7

Сколько

Dm

мар-тов и ян-ва-рей, как све-ча над рас-кры-тым

E A7

то-мом, о-ду-ван-чи-ки фо-на-рей рас-це-

Dm

-та-ют над на-шим до-мом. Что им ле-то и что зи-

II.

F A

-ма, ес-ли их на-зна-че-нье - э-то на-ши

B B Eb

го-ло-вы и до-ма о-сы-пать се-ме-на-ми.

A7+5 A7 2.Dm D7

све-та. // мы-кто в про-ло-ге, а кто в фи-

Gm C7 F

-на-ле; что во мра-ке все-лен-ской тьмы, что во

B7 Eb Dm

мра-ке все-лен-ской тьмы есть зе-мли го-лу-бой фо-

A7+5 A7 Dm Dm Gm A7 Dm

-на-а-рик!

Gm C7 F Gm G#dim A7

The musical score is written in G major, 3/4 time, and consists of 16 staves. It features a variety of chords including Dm, Gm, A7, F, G#dim, A, Eb, and B7. The lyrics are in Russian and describe a scene of a candle and lanterns. The score includes a second ending marked 'II.' and a key signature change to D major for the final section.

КАДАШИ

С движением

Ам

Над Мо-скво-ю-ре-кой

Е7

шар за-кат-ный и а-лый,

и Кре-мля ку-по-ла так го-

Ам А7

-рят- хоть ту-ши... Ка-да-ши, Ка-да-

Дm

-ши- за-повед-ни-чек ма-лый

Н7

в пе-ре-ул-ках Мо-сквы, в за-ко-ул-ках ду-

Е Е7 Ам

-ши. Злы-е лив-ни ве-ков

по Мо-скве ба-ра-ба-нят,

Г7

но не тро-га-ют в за-мо-скво-рец-кой ти-

С. замедляя А7 в темпе Dm

-ши Ка-да-шев-ский ту-пик,

Ам

Ка-да-шев-ски-е ба-ни, Ка-да-

Нm7/5 Е7 Ам

-шев-ску-ю глушь...Ка-да-ши... Ка-да-ши...

РЕДИНГ

Не торопясь

The musical score is written in G major, 4/4 time. It consists of nine staves of music with lyrics underneath. Chords are indicated above the notes. The lyrics describe a scene in Reding, mentioning snow, April rain, a funeral march, a wedding march, and advertisements. The piece concludes with a second ending (II.) where the lyrics mention the Earth being divided among them.

Em
 А в Ре-дин-ге снег... Он ва-лит, как
 наш, и та-ет, как наш, в апрельской во-де. А в Ре-дин-ге
 F# F#7/5 Am
 смех, и тра-ур-ный марш, и сва-деб-ный
 F#
 H7 E7
 марш, как, впро-чем, вез-де. А в Ре-дин-ге свет
 вит-рин и рек-лам. Я в от-све-те том, как буд-товог-
 Am D G C
 -не. А в Ре-дин-ге след, не чей-ни-будь-
 Am F# H7 E7
 мой, как Ре-дин-га след от-ны-не во мне.
 II.
 Em *Привет* Am
 Ах, за-чем Зем-ля вся по-де-ле-на на-ми!
 D7 G
 Ведь е-ё Гос-подь не де-лил для нас вов-се,

о. сень. Под Моск-вой у-же яб-ло-ни в цве-ту
 бе-лом, в Ре-дин-ге го-рят ро-з-овым ог-нем виш-ни...
 Как же ты, Гос-подь, так всё хо-ро-шо сде-лал,
 как же у тебя нескладно так вы-шло.

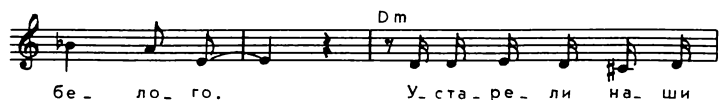
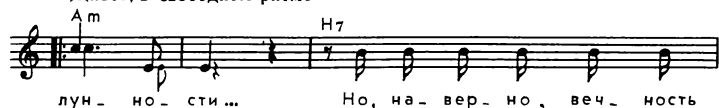
МУЗЫКАЛЬНОЕ ОТКРОВЕНИЕ

Не торопясь

А на-мед-ни, ког-да вез я без
 роз-ды-ха дел те-ле-гу, не-по-ча-тых-не-
 -ме-ренных, я вдруг по-нял, что нуж-да-юсь, как
 в воз-ду-хе, что-бы му-зы-ка бы-ла — и не-

Живее, в свободном ритме

ОДИНОЧЕСТВО

Подвижно

По - ра за - ма - ли - вать гре - хи...

С ду - шой в ла - ду, се - бе у - го - ден,

жи - ву о - дин, пи - шу сти - хи, до не - при -

- стой - нос - ти сво - бо - ден.

Свер - ша - я свой у - дел зем - ной,

лишь мне при - су - щий чту по - ря - док,

и о - ди - но - чест - во со

мно - й, как вер - ный пес, ша - га - ет

ря - дом, 1. ря - дом. 2. // ря - дом.

ДЕВОЧКА И МАЛЬЧИК

Легко
Am Dm E7

Эта вечная за-дача без реше-ния... И.

Am A7 Dm

так: зва-ли де-воч-ку Чу-дач-ка, зва-ли

G7 C A7

маль-чи-ка Чу-дак. И не важ-но, сколько

Dm H7 E7

про-жил он на све-те и о-на, не был

F H F

их ник-то мо-ло-же ни в ка-ки-е

E7 Am C A7

вре-ме-на. Да-же ес-ли бы не зна-ли,

Dm H7 E7 F

то те-перь пой-мет лю-бой: как бы мальчи-

Dm H7 F E7

-ка ни зва-ли, зва-ли де-воч-ку- Лю-

Am Am F

-бовь. Из по-рочней-ше-го //щай». Зва-ли маль-чика «До

H F E7

встре-чи». Зва-ли де-воч-ку «Про-

1. Am 2. Am F Am

-щай». Зва-ли //щай».

ЮБИЛЕИ

Сдержанно

1. Ю-би-ле-и, ю-би-ле-и... Сно-ва
 о-сень на ал-ле-е, как по-жа-ри-ще.
 Ю-би-ле-и, ю-би-ле-и... Ше-ве-
 лю-ры все бе-ле-е у то-ва-ри-щей.
 Э-ту о-сень про-жи-ву-я, и вступ-
 лю в со-ро-ко-ву-ю о-сень ры-жу-ю,
 и бо-ле-знью за-бо-ле-ю, что зо-
 вет-ся ю-би-ле-ем, е-сли вы-жи-ву,
 е-сли вы-жи-ву. 2. Как за-//
 но-че-ство.

Chords: Am, A7, Dm, E7, Am, C, A7, Dm, G7, C, F, Dm, E, Am, Am, Hm⁻⁵

Ю. Би. //

ПОСЛЕДНИЙ ГОД

Не горясь

Am H7

Все при-моч-ки да ван-ноч-ки,

E7 A7

бок за-ныл- не к бе-де ли?

Dm Am

...Тют-чев Фе-дор И-ва-но-вич

E7 Am

пи-шет строч-ку в не-де-лю,

H

труд-но пи-шет, фраг-мен-тами,

E7 F A7

чи-сто пи-шет, о-прят-но,

Dm Am E

а по те-лу пиг-мент-ны-е

E7 Am A7

рас-сы-па-ют-ся пят-на,

Dm Am

а по те-лу пиг-мент-ны-е

E7 Am

рас-сы-па-ют-ся пят-на.

БАЛЛАДА О ПЕВЧЕЙ СТАЕ

Сдержанно

Музыкальная партитура в нотном формате. Песня «Баллада о певчей стае» исполняется в тональности E-мажор (два диэза) и 2/4 такта. Темп и характер исполнения обозначены как «Сдержанно». Песня состоит из девяти строк музыкального текста, каждая строка содержит нотный записанный фрагмент и соответствующий текст. В начале каждой строки указаны аккорды, которые используются в этом месте композиции. Текст песни описывает воспоминания о певчей стае, упоминает март, плеск, зал, души, глаза, свет, день, когда на юбилей Булата стремились птенцы Булата, гнезда, слепя, струну, лицо, помин, крылья, запах.

Музыкальная партитура в нотном формате. Песня «Баллада о певчей стае» исполняется в тональности E-мажор (два диэза) и 2/4 такта. Темп и характер исполнения обозначены как «Сдержанно». Песня состоит из девяти строк музыкального текста, каждая строка содержит нотный записанный фрагмент и соответствующий текст. В начале каждой строки указаны аккорды, которые используются в этом месте композиции. Текст песни описывает воспоминания о певчей стае, упоминает март, плеск, зал, души, глаза, свет, день, когда на юбилей Булата стремились птенцы Булата, гнезда, слепя, струну, лицо, помин, крылья, запах.

Закладки аккордов:

- Строка 1: E m
- Строка 2: H7
- Строка 3: H7⁺⁵, H7
- Строка 4: E m
- Строка 5: E7
- Строка 6: A m7
- Строка 7: A m⁻⁵, A m, F
- Строка 8: D7, G, H7
- Строка 9: G, H7
- Строка 10: G m, E7

Текст песни:

За - пом - ним э - тот март, и
за - на - ве - са плеск, и да - ту,
за - пом - ним э - тот зал, где
ду - ши и гла - за све - та - ли,
за - пом - ним э - тот день, ко -
гда на ю - би - лей Бу - ла - та
стре - ми - тель - но птен - цы Бу -
ла - то - ва гнез - да сле - та - лись, Мы
каж - ду - ю стру - ну, и каж - до - е ли - цо за -
пом - ним, и кры - лья рас - пах - нём, и

НАДЕЖДА И УДАЧА

Умеренно

Am
 Ког- да рас- пах- ну- ты кры- ла, ког-

E7 Am
 - да нель- зя и- на- че,

C G
 *) ког- да, на- брав- ши вы- со- ту, ле-

G7 C E7
 тишь че- рез го- да, то за од- ним кры- лом всег-

Am Dm G7 C F
 - да на- деж- да и у- да- ча,

Dm A Hm7/-5 Am
 а за дру- гим крылом всег- да раз-

1. E7 Am
 - лу- ка и бе- да. Ку- да кры- ла- ми ни кач. //

2. E7 F A7 Dm Hm7/-5
 - лу- ка и бе- да, а за дру- гим крылом всег-

Am замедляя H7 E7 Am
 - да раз- лу- ка и бе- да.

ПЕСНЯ ДРЕССИРОВАННЫХ ЛЬВОВ

Умеренно

Музыкальная партитура песни «Песня дрессированных львов». Песня написана в тональности G-бемоль мажор (Gm) и 4/4 ритме. Темп умеренный. Текст песни и аккорды указаны на нотных станах.

Мы-дрес-си-ро-ван-ны-е львы, мы бы-ли
 гро-зны, но у-вы! -Теперь вы хо-дим на ма-
 неж и ма-шем ла-па-ми. Мы ма-шем
 ла-па-ми, и вот весь цирк бе-рет-ся за жи-
 вот и бьет ла-до-шка-ми, и нас гла-за-ми
 ло-па-ет. Мы-дрес-си-ро-ван-ны-е
 львы, мы бе-зо-пас-ны-е, а вы на нас гля-
 ди-те с не-по-нят-но-ю о-па-ско-ю. Вы, пра-во,
 стра-хом у-вле-клись: мы, как ко-тя-та, у-ле-
 -глись, и тре-м-ся мор-дой о са-пог и смо-трим
 ла-ско-во.

В ЛЕФОРТОВСКОМ ПАРКЕ

Умеренно

В Ле-фор-тов-ском пар-ке се-год-ня не гус-то гос-
 -тей- лишь ут-ки да я, да и
 нам че-рез миг рас-ста-вать-ся. В Ле-
 -фор-тов-ском пар-ке зи-ма по-сте-ли-ла по-
 -стель, бель-е по-ме-ня-ла и
 ждет у во-рот по-сто-яль-цев. Бо-
 -жес-твенный прив-кус у э-той де-кабрь-ской сре-
 -ды- тот прив-кус сен-тябрь-ский по-
 сво-е-му чу-ден и стра-шен. На
 снеж-ной про-стын-ке мо-и о-сты-ва-ют сле-ды,

Chord markings: Hm, Em9, F#7, F#7, Hm, F#, Hm, Em, G, A7, F#7, D, Hm, D, H7, Em, F#7, G

АЛЕКСАНДРОВСКИЙ САД

С движением

Каждаль_кадой вдоль Манежа до_по_топ_ны_е фа.
 _са_ды у две_рей «На_ци_о_на_ля» -
 «мер_седес», швейцар и «си_мка»... Надисхожен_ной рав.
 _ни_ной А. лек_санд_ров_ско_го са_да
 сты_нет су_ме_рек ян_варских подкра_мален_на_я
 Dm F E7 замедлить
 синь_ка, сты_нет су_ме_рек ян_варских подкра_мален_на_я
 E7 Am чуть живее
 синь_ка. О_бо_жа_ю э_тот город_шумный_муторный и
 E7
 снеж_ный. Я о_плел е_го кор_ня_ми. Я дав_но по_пал во_
 Am A7
 _са_ду Красной площа_ди, Лу_бянской, Те_а_тральной и Ма_
 Dm Am E
 _неж_ной, а тепе_рь спешу в объ_я_тья А_лек_сандров_ско_го
 1. E7 2. E7 Am
 са_да. // са_да.

ДИСКИ

Умеренно
Am

На то-ва-ри-щей бли-зких на-де-ва-ют ве-

E7

-нец. Вот и вышли их ди-ски на-ко-нец, на-ко-

Am A7

-нец. Вот и кон-чи-лись бе-ды,

Dm

и све-тлы бе-ре-га, толь-ко ло-жка ко-

Am E A7

-бе-ду до-ро-га, до-ро-га.

E7

Сло-вно по-сла-но свы-ше, кру-жит ди-ска ко-

Am Dm G

-льцо. Го-лос Ви-збо-ра слы-шу,

C7 F A7

ви-жу Ки-ма ли-цо. Пусть их ран-нюю ю

Dm E7 F

о-сень о-се-ня-ет зве-зда-

A7 Dm Am E7 Am

луч-ше по-здно, чем во-все ни-ко-гда, ни-ко-гда.

ОТЦЫ

Умеренно % Gm

1. Лу. пит снег по го-ро-дам, по ле-

.сам, ве-тер бе-сит.ся с ух-

-мыл-кой бе-сней... Что ж мы

де-ла-ем с то-бой, А. лек-сандр?

Про-во-жа-ем мы от-цов в под-не.

бе-сней. Про-во-жа-ем не на

день, не на час... Сколь-ко б

го-ды на-ши ни про-дол-жа-лись, толь-ко б

ма-мы не о-ста-ви-ли нас, толь-ко б

ма-мы не о-ста-ви-ли нас, толь-ко б

Gm Eb D7 Gm B F B D7 Gm Cm D7 Gm

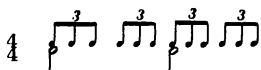
ма-те-ри е-ще прдер-жа-лись.
 2. Мы с от-ца-ми бы-ли слов-но ист-
 -цы, мы от-вет-чи-ка-ми не бы-ли
 са-ми, мы с то-бо-ю, у-же
 са-ми от-цы, со сво-
 -и-ми не дру-жи-ли от-ца-ми. //ча-ще. 3. Что мы//

СУМЕРКИ

Умеренно

Здравствуй, Та - ня! Э - то я в час за - кат - ный,
в час ба - гря - ный из ми - ну - ше - го во -
спря - нул, сло - вно из не - бы - ти - я, здравствуй, Та - ня.
Э - то я. Здравствуй, Та - ня.
Э - то ты? Бо - же пра - вый, ты ли э - то!
Ты ли, бы - вша - я из све - та, ста - вша - я из
те - мно - ты?! Здравствуй, Та - ня. Э - то мы по - встре - нались
в э - ту о - сень от Ве - сны за два - дцать ве - сен,
за не - де - лю до зи - мы. Здравствуй, Та - ня.
Э - то мы. И у - же не

бьет нас дрожь, и уже по-га-сло-ле-то...
 Ты ли э-то? Я ли э-то? Су-ме-рки. Не
 раз-бе-решь. Су-ме-рки... Су-ме-рки...
 Су-ме-рки... Не ра-збе-решь...
 Су-ме-рки, су-ме-рки,
 су-ме-рки... Не ра-збе-решь...

БАБЬЕ ЛЕТО

Не торопись
Am

При-по-рошен пер-во-й про-се-дью,
E7
сно-ва я и-ду по о-се-ни.
A7 Dm
На-до мной не-бес-ной про-си-ни синь-би-рю-за.
G7
От па-лит-ры той ра-дуж-ной
C F
на-бе-га-ют-ну, на-до же!-
Dm E7
слё-зы на гла-за, слё-зы на гла-за.
Am Hm-5 E7
Что ж э-то со мной? Э-то
Am Dm G7 C
ба-бье на-ча-лось ле-то, бабье расцвело
F Hm-5 E7 Am
ле-то жел-тым цве-том. В э-той жел-тиз-не-
Hm-5 E7 Am Dm G7
бо-же!- кто же там сто-ит, кто же
C F E7 II. Am
за день до зи-мы? Э-то мы.
||2. Am F E7 Am F E7 Am
// мы.

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПЕРЕД ОТХОДОМ ПОЕЗДА

Не торопясь

О. по. чив. шу. ю ю. ность хо. ро. нить не спе.

ши, а и. на. че за. вя. нет неж. ный

сте. бель ду. ши, и. бо, кор. ни пу. стив. ши че. рез

го. ды. сло. и, он из ю. ности на. шей тя. нет

со. ки сво. и. Раз. го. рев. шей. ся стра. сти кос. те.

рок не ту. ши, а и. на. че за. вя. нет неж. ный

сте. бель ду. ши, и. бо стра. сти пе. чур. ка у ле. дя.

но. го ок. на гре. ет нас, да. же е. сли без. от. вет. на о. на.

ПО ТРАКАЮ, ВИЛЬНЮСУ И КАУНАСУ

Живо

1. По сре-ди о-бы-ден-но-го ха-о-са
 по Тра-ка-ю, Виль-ню-су и Ка-у-на-су,
 как по Ри-му и-ли по А-фи-нам,
 плы-ли мы за Ю-ро-ю и Фи-мой. И ко-гда,
 во вре-мя ка-ждой вы-ла-зки, до-ждик нас
 кро-пил ти-пи-чно ви-льнюсский, был тот до-
 -ждик не до-ждем, а ду-шем, не-жно о-
 -мы-ва-вшим на-ши ду-ши. // Фи-мой.
 По сре-ди о-бы-ден-но-го ха-о-са по Тра-ка-

ю, Ви-льню-су и Ка-у-на-су, как по Ри-

-му и-ли по А-фи-нам,плы-ли мы

за Ю-ро-ю и Фи-мой.

Am6 G7 C F Fm C E7 Am

ГОРОДА

Не спеша
Gm

1. Го-ро-да, го-ро-да... Нескон-

A7 D7

-ча. е. ма вас за спи-ной че-реда, го-ро-

Gm G7

-да. Го-ро-дов и-мена вы-се.

-ва-ю в се-бе, как цве-тов се-ме-на, го-ро-

Cm F7

-дов и-ме-на. Все об-шир-не-е круг

B

бе-зы-мян-ных дру-зей, ми-мо-

D7 Eb G7

-лет-ных по-друг-зуб-кий круг. И восходит зве-

Cm Ab

-зда, и пу-сте-ет пер-рон, и ле-тят по-е-

D7

-зда в го-ро-да, в го-ро-

I. Gm | 2. Gm

-да. 2. Не бе- // нусь, я вернусь...

РОМАНС ПО ПУТИ НА ЧЕРНУЮ РЕЧКУ

Не торопись

Еm А, m
Пе-ре-крес-ти ме-ня, На-таль-я,-

Н7 Еm
е-ще не явь, у-же не тай-на,

Д7 G Д7
что на-ши скре-ще-ны пу-ти. Лег-

G Н7 Еm С
-ла до-ро-га на до-ро-гу... На-

Аm Н7 С Е7
-дол-го ли-из-вест-но Бо-гу, а

Аm С
наш у-дел- по ней ид-ти, а

F Н7 I. Еm А С Н7
наш у-дел- по ней ид-ти.

Еm Еm А С Н7 Еm
И нам за-га-ды-вать не //ва.

ЧИСТЫЕ ПРУДЫ

Умеренно

1. Над си_тником лу_ны со_мкнулись не_бе_са, как
 хлеб_ни_ца. С го_спо_дне_го сто_ла кро_
 _ши_тся и ле_тит си_я_ни_е на
 Чи_сты_е пру_ды, где ут_ки на во_де ко_
 _ле_блются, на Чи_сты_е пру_ды, где
 ты у_же не ты и я не я. Где
 за_но_во жи_вешь, жи_тей_ско_ю и_стер_зан
 про_зо_ю, где вы_мер_ший буль_вар весь

Chords: C, E7, Am, C, E7, F, A7, Dm, E, E7, Am, G7, C, H7

вы_мо_щен_ли_ство_ю_ры_же_ю, где
 ге_ний_мо_ло_дой_в_не_гре_ю_щей_кры_ла_тке
 брон_зо_вой сто_ит_к_пру_дам_спи_ной, как
 буд_то_на_пру_ды_о_би_жен_ный. 2.Ах, // чи_сты_е...

ВОРОНКА

Сдержанно

Музыкальная партитура для гитары в тональности Gm (два бемоля). Темп и характер исполнения обозначены как «Сдержанно». Партитура состоит из девяти строк нот, каждая со своим текстом и гармоническим сопровождением. Гармоника включает аккорды Gm, Cm, D7, G7, F7, B, Eb, B, G7, Cm, Gm, D7. В начале нотной записи есть символ «%» и «7» в такте. В некоторых тактах используются цифры «2» и «7» над нотами, что может означать альтернативные ритмы или удары по струнам. В конце нотной записи есть символ «Φ».

Тя нет ру-ченьки август к се-нтябрьскому
 зла-ту... Я шелчу де-ре-вам: «Как о-сен-ни у-
 -же вы!» Ах, ка-ки-е ма-сля-та, ка-ки-е ма-
 -сля-та вы-сти-ла-ют во-ро-нки
 в ле-су по-до Рже-вом! Я и-
 -ду по во-ро-нкам, сре-за-ю гри-бо-чки,
 а на-ста-вни-ца-память, мо-я во-ро-
 -же-я, мне всё шеп-чет и шеп-чет за-бы-ты-е
 стро-чки: «Я у-бит по-до Рже-вом...»

УЧЕБА

Живо

1. Нас учи-ли фа-ри-сей-ству в шко-ле, в у-ни-
вер-си-те-те, в дет-ском са-ди-ке, но ме-ньше-
все же э-то дет-ский сад.
Мы учи-лись, по-сти-га-я му-дры-е у-
ро-ки э-ти, на-зы-вать за-кат рас-све-том
и за-двор-ка-ми фа-сад.
Нас та-ин-ствен-но учи-ли, как дра-пи-ро-
вать Ве-не-ру, нас во-ин-ствен-но учи-ли,
как бе-речь-ся от кра-мол. Нас учи-ли,
бе-зу-слов-но при-ни-ма-я в пи-о-не-ры,
нас учи-ли, по-го-лов-но за-го-ня-я

D₇ Gm Gm
 в ком - со - мол.

Нас у - чи - ли фа - ри - сей - ству,

C₇ A₇
 нас у - чи - ли фа - ри - сей - ству, нас у - чи - ли

фа - ри - сей - ству, нас у - чи - ли фа - ри - сей - ству...

D₇ Gm
 Будьте не - у - ча - ми, де - ти!

ТЕНИ НА МОЙКЕ

Не слеша
Cm

1. Во_зле Пу_шкин_ско_го до_ма, что на

G C

Мой_ке, где у_же на па_ра_

F B7

_пе_те снег бе_ле_ет, пти_цы стих_ли и про_

Eb Fm

_хо_жи_е у_мо_лки, и молчат се_бе, и

G Eb

прах е_го ле_ле_ют. Эк_скурсан_ты да_же

B Bm

ды_шат вти_хо_мо_лку, еле слышны_е во_

C7 Fm

_про_сы за_да_ва_я, а по Пу_шкин_ско_му

Cm Eb Db

до_му, что на Мой_ке, хо_дят те_ни и жи_

- вых не за де ва ют.

1.

2.

Chords: $A\flat m$, $G7/+6$, G , Cm , Fm , B , $E\flat$, $A\flat$, $C7$, Fm , $B7$, $E\flat$, $D7$, G , $G7$, Cm , Fm , Cm , $E\flat$, $G7$, Fm , Cm

ФОТОГРАФИЯ НАРКОМА

Умеренно

The musical score is written on a single treble clef staff with a key signature of one sharp (F#) and a 4/4 time signature. The tempo is marked 'Умеренно'. The lyrics are written below the notes. Chord symbols are placed above the staff at various points. The melody consists of eighth and quarter notes, with some rests. The lyrics are: 'Фо. то. гра. фи. я нар. ко. ма за пол. го. да до тюрь. мы. Те, кто бы. ли сним зна. ко. мы - с ни. ми не. зна. ко. мы мы. В край мош. ки и край мо. рош. ки, кто с нар. ко. мом был зна. ком, тот по. шел по той до. рож. ке, по ка. кой у. шел нар. ком, по ка. кой у. шел нар. ком. //ка.'

Em
 Фо. то. гра. фи. я нар. ко. ма

F#
 за пол. го. да до тюрь. мы.

H7
 Те, кто бы. ли сним зна. ко. мы -

Em
 с ни. ми не. зна. ко. мы мы.

Hm
 В край мош. ки и край мо. рош. ки,

Em Hm
 кто с нар. ко. мом был зна. ком,

Dm F#7
 тот по. шел по той до. рож. ке,

Hm
 по ка. кой у. шел нар. ком,

F#7 I. Hm H7 Hm
 по ка. кой у. шел нар. ком. //ка.

НА СИРЕНЕВОМ БУЛЬВАРЕ

Мечтательно E₇ Am

Сколько бы ты ни прожила, сколько я ни проживу,

A₇

разве в сказке наяву мы ко-

Dm G₇

гда-нибудь бывали? Но сегодня мы с тобой

C

побывали наяву во хру-

Dm E₇

стальных деревьях на Сиреневом бульваре.

Gm

И безмолствовал вокруг город,

A₇ Dm

словно неживой, и как будто два крыла

G₇ C E₇

распахнулись над плечами, и си-

Am F

реневая я грусть обрамляла облик твой,

Fm

и саднило мне гортань от си-

C E₇

реневой печали, от сиреновой печали,

A Am

от сиреновой печали.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПЕСЕН

“А в Рединге снег...” РЕДИНГ.....	142(270)
А вечер был—как травяной настой...” ВЕЧЕР С ДРУГОМ.....	78(247)
“А может, хватит...” ПОЕЗД.....	71(249)
“А намердни, когда вез я без роздыха...” МУЗЫКАЛЬНОЕ ОТКРОВЕНИЕ.....	133(272)
“Август бродит старым князем...” ПЕСЕНКА ПРО АВГУСТ.....	21(232)
“Ай да праздник новогодний...” НОВОГОДНИЙ РОМАНС.....	135
“Ай-Петри зноем высушен...” ПРИЕЗД В КРЫМ.....	117
“Арбитров не тревожьте...” ПАМЯТИ ВИКТОРА ХАРА.....	35
“Ах, кабы юность шла на зов...” СЕРЕБРЯНАЯ ПЕСНЯ.....	23(222)
“Ах, как хочется хвостом повилать по-щеньему...” ПЕРВОЕ МАРТА.....	158
“Барабанит молоток...” ДЕТСКИЙ ГОРОДОК.....	97
“Бейся, пламень, буннь...” ПЕСНЯ О ВЕЩЕМ БОЯНЕ.....	18
“Белые дороги, белые дома—зима” СКАЗОЧНАЯ ПЕСНЯ.....	83
“Будет так: к тебе дорога...” ГОРОДСКОЙ РОМАНС.....	184
“В Лефортовском парке сегодня не густо гостей...” В ЛЕФОРТОВСКОМ ПАРКЕ.....	161(282)
“В те времена, когда я был...” ПОСВЯЩЕНИЕ МИХАИЛУ ЖВАНЕЦКОМУ.....	131
“В ту ночь, когда Москву обшарил первый ливень...” ДОЖДЬ СМОЕТ ВСЕ СЛЕДЫ.....	39(236)
“В ту ночь плыла луна...” БАЛЛАДА О ПОЛУНОЧНОМ КОМИССАРЕ.....	41
“В этой были, в этой небыли...” ЭММАНУЭЛЬ.....	87
“В этом, как и в том году...” САД.....	63(242)
“Верь, если счастье ушло...” ВЕРЬ.....	166
“Влюбиться бы—на час...” РОМАНС № 4.....	56
“Возле Пушкинского дома, что на Мойке...” ТЕНИ НА МОЙКЕ.....	199(302)
“Все примочки да ванночки...” ПОСЛЕДНИЙ ГОД.....	163(277)
“Все смешалось в душе...” ЮБИЛЕЙНЫЙ ПЛАЧ ПО ВЫСОЦКОМУ.....	196
“Выстрелами в спорого...” ПУШКИН В МИХАЙЛОВСКОМ.....	90
“Где ты, девочка, была?...” ДЕЛА.....	73(244)

“Говорю не шутя...” ПЕПЕЛ СТРАХА	211
“Города, города... Нескончаема вас за спиной череда...”	
ГОРОДА	185(294)
“Город весь—словно войлочный...” НОЧНАЯ ПЕСНЯ.....	15
“Декабрь без снега—знаменье или...” РОМАНС № 5.....	62
“Дни—словно брызги за кормой...” БОЛЬНИЧНЫЙ	
РОМАНС	110
До рассвета—полчаса...” ПЕСЕНКА РЕКРУТА	156
“Друзья уходят как-то невзначай...” ДРУЗЬЯ УХОДЯТ.....	25(223)
“Еще один закончен день...” БЕССОННИЦА	129
“Жду писем. Каждый вечер жду.” ПИСЬМА	70
“Жизнь штилем не багует...” НЕУНЫВАЮЩАЯ ПЕСНЯ	11(215)
“За окошком ветер завывает тоненько...” КОЛЫБЕЛЬНАЯ	
СЫНУ	40
“Запомним этот март...” БАЛЛАДА О ПЕВЧЕЙ СТАЕ.....	153(278)
“Здравствуй, день! Обними меня...” ЧЕРНО-БЕЛАЯ	
ПЕСНЯ	58
“Здравствуй, Таня!...” СУМЕРКИ.....	171(288)
“Золотого муската приму...” МЫ С ТОВОЙ ЕЩЕ БУДЕМ	
В КРЫМУ	122
“И когда закат в золотом огне...” НАРОЧАНСКАЯ	
ФАНТАЗИЯ	152
“И когда уже пора забывать про ослепленность...” ИГРОК....	92
“И опустится ночь, и осыплется град...” АТЕИСТИЧЕСКАЯ	
МОЛИТВА	33(226)
“И снова—первый снег...” ПЕСНЯ О ПЕРВОМ СНЕГЕ.....	16
“Играли с утра пасторали...” ПАСТОРАЛЬ.....	176
“Кавальядой вдоль Манежа...” АЛЕКСАНДРОВСКИЙ	
САД	162(284)
“Как в глухую старину...” ПЕСНЯ О МОИХ ПРАДЕДАХ	54(238)
“Как много на Земле земли...” ДОРОЖНАЯ ПЕСНЯ.....	12(216)
“Какой Олимп, какой Парнас...” ПРАВОТА.....	206
“Как-то раз в меня залезла...” ТРАГИЧЕСКИЙ ВАЛЬС	
О ТОМ, КАК Я ПРОШЕЛ КУРС ЛЕЧЕБНОГО ГОЛО-	
ДАНИЯ ПО ПОВОДУ ЯЗВЕННОЙ БОЛЕЗНИ.....	112

“Как-то раз забрел я в Сохо...” СОХО	138
“Канатоходцы мы, канатоходцы...” ПЕСНЯ КАНАТО- ХОДЦЕВ.....	64(237)
“Клоун — кто он? Кто он — клоун?...” ПЕСЕНКА КЛОУНА	74(244)
“Когда-нибудь, тебе грубя...” РОМАНС № 3.....	51
“Когда распахнуты крыла...” НАДЕЖДА И УДАЧА	165(280)
“Когда, свои снега в гулянье прокутив...” ХАРЬКОВСКИЙ МОТИВ.....	105(259)
Кружусь со всеми прочими...” МОИ ШЕСТИДЕСЯТЫЕ.....	174
“Крутись, пластиночка, крутись!.. ПЛАСТИНОЧКА	22
“Лупит снег по городам, по лесам...” ОТЦЫ.....	164(286)
“Мне снится женщина одна...” РОМАНС № 7.....	77
“Мне успеть бы сказать...” ПРЕДЧУВСТВИЕ.....	26(246)
“Мои друзья в приемные часы...” ПОСВЯЩЕНИЕ ДРУЗЬЯМ	109
“Мы — дрессированные львы...” ПЕСНЯ ДРЕССИРО- ВАННЫХ ЛЬВОВ	66(281)
“Мы купались неглиже — я и девочка-богиня...” МЫ КУПАЛИСЬ НЕГЛИЖЕ.....	107
“Мы лежим с тобой, Гарька...” ПОСВЯЩЕНИЕ Г. БРИСК- МАНУ, ВЫКАРАБКАВШЕМУСЯ ИЗ ИНФАРКТА	197
“На аглицких часах английский пробил час...” ПИСЬМО.....	148
“На войне — как на войне...” ПРОЩАНИЕ С ЯЛТОЙ.....	119
“На заброшенной опушке...” ПЕСЕНКА-ПОБАСЕНКА, ИЛИ НОВАЯ ГИПОТЕЗА О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТУНГУССКОГО МЕТЕОРИТА	42
“На кухне — хруст сгрызаемых костей...” ВЕРОНИКА.....	198
“На полянке — детский сад...” ПАНАМКИ	106(258)
“На товарищей близких надевают венец...” ДИСКИ	169(285)
“Над землей бушуют травы...” ОБЛАКА.....	50(229)
““Над кирпичным, вечным, над нейлоновым...” ОТЛЕТ.....	149
“Над Москвою-рекой шар закатный и алый...” КАДАШИ	137(269)
“Над нами — кроны золоченые...” ОСЕННИЙ РЕКВИЕМ	99(254)
“Над Новодевичьим, словно отчаявшись...” КОЛОКОЛА.....	30(235)
“Над ситником луны сомкнулись небеса...” ЧИСТЫЕ ПРУДЫ	186(296)
“Над тушей земною...” АВИАПЕСЕНКА	68

“Нам с сестренкой каюк...” МОНОЛОГ СЫНА, ИЛИ ДЕТСКАЯ ВОЗДУХОПЛАВАТЕЛЬНАЯ	88(252)
“Нас учили фарисейству...” УЧЕБА	205(300)
“Не дай мне Бог познать твою измену!...” РОМАНС № 1	29(224)
“Не тает ночь и не проходит...” ПО МОРЯМ, ПО ВОЛНАМ	95
“Не торопи. Всему свой срок...” ЮЖНЫЙ РОМАНС	107(261)
“Не уходишь, нет. Не упрекаешь.” РОМАНС № 2	38
“Неприметный, словно атом...” НЬЮ-ЙОРКСКИЕ ЧАС- ТУШКИ, ИЛИ ПОДРАЖАНИЕ ВИЛЛИ ТОКАРЕВУ	194
“Нида, малая точка на Куршской косе...” ПРОЩАНИЕ С НИДОЙ	82(248)
“Оголила за окном верба веточки...” МОНОЛОГ ДОЧКИ, ИЛИ ПЕСЕННАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ПРОБЛЕМЕ АКСЕЛЕРАЦИИ	115
“Опочившую юность хоронить не спеши...” РАЗМЫШ- ЛЕНИЯ ПЕРЕД ОТХОДОМ ПОЕЗДА	181(291)
“Орлы, забияки, кусаки...” ГУЛЯЛИ ПО ДОНУ КАЗАКИ	172
“Осенний воздух музыкой пропах...” ИГРАЕТ БАХ	31(228)
“От обыденного сора, от мелочей дня...” НАРОЧЬ	125
“Отменим Вселенский Собор...” СЕРЕБРЯНЫЙ БОР	93
“Ото всех обид, ото всех скорбей...” УПЛЫВАЕТ ГОД	104(257)
“Отъехав, рассвело едва...” НАУЧНО-ПОЛЕВОЙ РОМАНС	190
“Патриаршие пруды, утки около воды замерли...” ПАТРИ- АРШИЕ ПРУДЫ	192(266)
“Перекрести меня, Наталья...” РОМАНС ПО ПУТИ НА ЧЕРНУЮ РЕЧКУ	200(295)
“По утренней земле несутся поезда...” ПОСВЯЩЕНИЕ ФИЛИППУ СТРИНГЕРУ	146
“Под колеса катится шар земной...” ПИСЬМО, НАПИСАН- НОЕ В НОЧНОМ АВТОБУСЕ, ИДУЩЕМ ИЗ БЕРЛИНА В ДРЕЗДЕН	37
“Поздравляю... Остальное — как во сне...” РОМАНС № 8	86(250)
“Поиск славы, хлеба и жилья...” ПРОТЯНИ МНЕ РУКУ	168
“Пока еще врачей не траурны прогнозы...” ПОКА ЕЩЕ ДЛЯ НАС	202
“Полночь плетет кружева из теней...” ПОЛНОЧНЫЙ ВАЛЬС	32(240)
“Помнишь то неотразимое...” ПОМНИШЬ?	173

“Пора замаливать грехи...” ОДИНОЧЕСТВО	150(274)
“Пора, мои родные...” ЭПИТАФИЯ.....	175
“Посреди обыденного хаоса...” ПО ТРАКАЮ, ВИЛЬНЮСУ И КАУНАСУ	183(292)
“Праздничными флагами отплескала Родина...” ПРАЗД- НИКИ ОКОНЧИЛИСЬ.....	94(253)
“Припорошен первой проседью...” БАБЬЕ ЛЕТО.....	179(290)
“Проехали Оку...” ДОРОЖНЫЕ ЗНАКОМСТВА	34
“Прости меня. Растерянно кляня...” ПРОСТИ МЕНЯ	10
“Прости меня, дружок, за пьяное перо...” ПЬЯНАЯ ПЕСЕНКА.....	20(220)
“Путаясь в воспоминаньях, как в сетях...” ПРОЩАНЬЕ С ЛЕТОМ.....	57(238)
“Разлука—выше всех печалей...” ПУСТЬ ДОЖИДАЮТСЯ...46(233)	
“Рассыпаны звезд голубые горошины...” СИНЯЯ ПЕСНЯ.....9(214)	
“Розовы рассветы, да закаты красны...” ПЕСНЯ О ПОЛУ- НОЧНОМ ЛИЦЕ.....	17
“Сизый дым колышется стеной...” ПЕСНЯ О ТРУБАЧЕ.....27	
“Сказка-небылица: город не пылится...” ФРАНЦУЗСКАЯ ПЕСЕНКА.....	69
“Сколько б ты ни прожила, сколько я ни проживу...” НА СИРЕНЕВОМ БУЛЬВАРЕ.....	203(305)
“Сколько мартов и январей...” ВАЛЬС ПРИ СВЕТЕ ФОНАРЯ.....	144(268)
“Сколько себя помню я...” ОЧЕРЕДЬ	208
“Скоро, скоро, как и встарь...” ЧЕТЫРЕ ЦВЕТА	59(242)
“Снова ныря в изогнутый радугой...” БЕЛЫЕ АНГЕЛЫ	111
“Спи, любимая...” ДАЧНОЕ.....	121
“Сыплет с неба белый порошок...” ЗИМНЕЕ ВОСПО- МИНАНИЕ	127(265)
“Такой неказистый на вид...” ВАЛЬС “ПОД ШАФЕ”	61
“Татеныш, егоза...” ТАТКИНА ПЕСНЯ.....	14
“Тают полы и потолки...” КРАСНЫЕ СНЫ.....	85
“Тлеет остывший костер...” НОЧЬ В ВЕЛЕНЕ.....55(241)	
“То весна, то осень...” МАМИНА ПЕСНЯ.....	52
“То ли были и впрямь влюблены...” РОМАНС № 9.....	89

“Томимый славы вечным голодом...” ЖЕСТОКИЙ РОМАНС	80
“Тополя... Воистину нетленны тополя...” ТОПОЛЯ.....	72
“Третий день пляшут метели...” СЛЕДЫ	8(217)
“Третий год она любит меня...” РОМАНС № 10	151
“Тряхни, жонглер, былою славой...” ПЕСЕНКА ЖОНГЛЕРА	44(234)
“Тянет рученьки август...” ВОРОНКА.....	187(298)
“Улегся шторм...” ПОСВЯЩЕНИЕ СЕРВАНТЕСУ	101(256)
“Уместны цветы ли? Во все времена...” ПАМЯТИ М.О. КНЕБЕЛЬ.....	178
“Утехи плоти надоели...” ПЕРСПЕКТИВА В СТИЛЕ РЕТРО.....	123
“Фотография наркома за полгода до тюрьмы...” ФОТО-ГРАФИЯ НАРКОМА.....	204(304)
“Храним Ее Величества золотой короной...” ПРОГУЛКА ПО ПИКАДИЛЛИ	140
“Чайка крыльями машет...” РОМАНС № 11	189
“Черно-белое таинство автопортрета...” РОМАНС № 6.....	76
“Четвертый день чертовски пасмурно...” НОЯБРЬСКАЯ ПЕСНЯ	7
“Щурюсь от солнца, под солнце подставив лицо...” ЛЕТО	188
“Эта вечная задача...” ДЕВОЧКА И МАЛЬЧИК	155(275)
“Это лето на Дону...” ЭТО ЛЕТО НА ДОНУ	201
“Этот письменный стол зря тревожить не стану...” ПИСЬМЕННЫЙ СТОЛ.....	19
“Юбилей, юбилей... Снова осень на аллее...” ЮБИЛЕИ.....	159(276)
“Я вас люблю, мои дожди...” ДОЖДИ	13(218)
“Я понимаю—я смешон...” ВЗРОСЛАЯ ПЕСЕНКА.....	24
“Я сегодня очень весел...” ГРУСТНО-БАНАЛЬНАЯ ПЕСЕНКА В ФОРМЕ ОБРАЩЕНИЯ К ЗРИТЕЛЮ	48(230)
“Я спел вам несколько мелодий...” ПЕСЕНКА ПОД ЗАНАВЕС.....	103
“Я уже здесь пятый день...” ПОДОЛ	182

В разное время песни Вадима Егорова публиковались в центральных и республиканских газетах и журналах, еженедельниках, альманахах, коллективных сборниках, но отдельным сборником они до сих пор не были изданы.

Не раз его песни звучали в художественных и документальных фильмах, спектаклях и радиопостановках, были записаны они и на звуковые страницы журналов "Кругозор" и "Клуб и художественная самодеятельность". В 1988 году фирма "Мелодия" выпустила, наконец, первый авторский диск.

Настоящий сборник—первая наиболее полная публикация песен Вадима Егорова. Сюда вошли практически все песни, написанные им до конца 1989 года, кроме немногих, в основном из числа ранних, публикацию которых сам автор счел нецелесообразной. Песни, написанные на стихи В. Егорова другими авторами (С. Стеркиным, Ю. Колесниковым, С. Никитиным и др.), в сборник не включены.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

ТЫ И ТВОЯ ПЕСНЯ: Сборник туристской песни/ Сост. Л. Беленький, И. Михалев.—М.: Профиздат, 1987. Пьеро (вар. назв. "Пьяная песенка"; с неточностью в 1-й строке).

ОРКЕСТР ДОБРОЙ НАДЕЖДЫ: Советская авторская песня.—Татран, 1987 [на словацком языке]. Дожди; Песенка про август; Серебряная песня; Песня о трубаче; Четыре цвета.

ПОЭЗИЯ: Альманах.—М.: Молодая гвардия, 1989.—№ 53. Последний год; Фотография наркома; В Лефортовском парке; Романс по пути на Черную речку.

НАПОЛНИМ МУЗЫКОЙ СЕРДЦА: Антология авторской песни [с нотами]/Сост. Р. Шипов.—М.: Советский композитор, 1989. Посвящение Сервантесу; Дождь смывает все следы; Пьеро; Серебряная песня; Диски.

ЛЮДИ ИДУТ ПО СВЕТУ: Книга-концерт [с нотами]/ Сост. Л. Беленький и др.—М.: Физкультура и спорт, 1989. Песня о моих прадедах; Следы.

АТЛАНТЫ ДЕРЖАТ НЕБО: Избранное творчество советских бардов.—Прага, 1989 [на чешском языке]. Дождь смывает все следы.

ТЫ МОЕ ДЫХАНИЕ: Сборник песен [с нотами]/ Сост. В. Долина, В. Романова.—М.: Искусство, 1989. Дружья уходят; Дождь смывает все следы.

СРЕДИ НЕХОЖЕНЫХ ДОРОГ ОДНА—МОЯ: Сборник туристских песен [с нотами]/ Сост. Л. Бельский. — М.: Профиздат, 1989. Облака; Дожди; Друзья уходят.

ТУРИСТ. — 1976. — № 7. Дожди.

ТУРИСТ. — 1977. — № 8. Песенка про август.

ТУРИСТ. — 1981. — № 13. Четыре цвета.

СТУДЕНЧЕСКИЙ МЕРИДИАН. — 1986. — № 7. Вальс при свете фонаря.

НЕДЕЛЯ. — 1988. — № 32. Патриаршие пруды.

ХИМИЯ И ЖИЗНЬ. — 1989. — № 8. Песня дрессированных львов.

СЕМЬЯ. — 1989. — № 9. Дожди; Дождь смывает все следы; Праздники окончились; Учеба.

НО НЕ ПРЕРВАТЬ СВЯЗУЮЩУЮ НИТЬ: Авторская пластинка. — С 6027015 003.: Мелодия. Музыкальное откровение; Друзья уходят; Александровский сад; Южный романс; Бабье лето; Одиночество; Монолог сына; Дожди; Вальс при свете фонаря; Отцы; Прощание с Крымом (вар. назв. "Мы с тобой еще будем в Крыму"); Девочка и мальчик; Облака; Надежда и удача.

КРУГОЗОР. — 1970. — № 2: Звуковая с. Дожди.

КЛУБ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. — 1982. — № 17: Звуковая с. Неунывающая песня; Друзья уходят; Облака; Сад; Уплывает год; Панамки.

ПРИМЕЧАНИЯ

С. 13. ДОЖДИ: в 1966 г. с этой песней автор впервые выступил на московском конкурсе самодеятельной песни и разделил первое место с А. Дуловым, представившим тогда песню "Ну, пожалуйста".

С. 35. ПАМЯТИ ВИКТОРА ХАРА (вар. назв. "Гитара Хара"): текст дан в поздней авторской редакции.

С. 39. ДОЖДЬ СМОЕТ ВСЕ СЛЕДЫ: последняя строфа дана в поздней авторской редакции.

С. 41. БАЛЛАДА О ПОЛУНОЧНОМ КОМИССАРЕ: исп. в радиоспектакле "Наташа", 1974 г.

С. 48. ГРУСТНО-БАНАЛЬНАЯ ПЕСЕНКА В ФОРМЕ ОБРАЩЕНИЯ К ЗРИТЕЛЮ: исп. в спектакле "Пять вечеров" Московского ТЮЗ, постановка 1985 г.

С. 69. ФРАНЦУЗСКАЯ ПЕСЕНКА: написана на музыку Д. Дассена.

С. 83. СКАЗОЧНАЯ ПЕСНЯ: текст дан в позднем авторском варианте. Исп. в документальном т/ф "Жгучие тайны века" (ЦНФ, 1979).

- С. 86. РОМАНС № 8 (вар. назв. "Поздравляю"): исп. в спектакле "Пять вечеров".
- С. 87. ЭММАНУЭЛЬ: написана на музыку из к/ф "Эммануэль".
- С. 107. ЮЖНЫЙ РОМАНС: исп. в спектакле "Пять вечеров".
- С. 108. МЫ КУПАЛИСЬ НЕГЛИЖЕ: Курт Левин—немецкий и американский психолог, Жан Пиаже—швейцарский психолог.
- С. 129. БЕССОННИЦА: исп. в спектакле "Пять вечеров".
- С. 133. МУЗЫКАЛЬНОЕ ОТКРОВЕНИЕ: исп. в спектакле "Пять вечеров".
- С. 138. СОХО: Сохо—один из кварталов Лондона.
- С. 140. РЕДИНГ: Реддинг—город западнее Лондона.
- С. 155. ДЕВОЧКА И МАЛЬЧИК: исп. в спектакле "Пять вечеров".
- С. 165. НАДЕЖДА И УДАЧА: написана для к/ф "Размах крыльев", в фильм не вошла.
- С. 168. ПРОТЯНИ МНЕ РУКУ: написана для к/ф "Размах крыльев" (Одесская киностудия, 1987).
- С. 178. ПАМЯТИ М.О. КНЕБЕЛЬ: написана для документального к/ф "50 лет ГИТИСу".
- С. 206. ПРАВОТА: исп. в т/ф "Нетерпимость" (ЦТ, 1989).
- С. 208. ОЧЕРЕДЬ: исп. в т/ф "Нетерпимость".

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И. Михалев. Вадим Егоров в воспоминаниях современника</i>	5
Ноябрьская песня.....	7
Следы.....	8(217)
Синяя песня.....	9(214)
Прости меня.....	10
Неунывающая песня.....	11(215)
Дорожная песня.....	12(216)
Дожди.....	13(218)
Таткина песня.....	14
Ночная песня.....	15
Песня о первом снеге.....	16
Песня о полуночном лице.....	17
Песня о вещем Боине.....	18
Письменный стол.....	19
Пьяная песенка.....	20(220)
Песенка про август.....	21(232)
Пластиночка.....	22
Серебряная песня.....	23(222)
Взрослая песенка.....	24
Друзья уходят.....	25(223)
Предчувствие.....	26(246)
Песня о трубаче.....	27
Романс № 1.....	29(224)
Колокола.....	30(235)
Играет Бах.....	31(228)
Полночный вальс.....	32(240)
Атеистическая молитва.....	33(226)
Дорожные знакомства.....	34
Памяти Виктора Хара.....	35
Письмо, написанное в ночном автобусе, идущем из Берлина в Дрезден.....	37
Романс № 2.....	38
Дождь смывает все следы.....	39(236)
Колыбельная сыну.....	40

Баллада о полуночном комиссаре.....	41
Песенка-побасенка или новая гипотеза о происхождении Тунгусского метеорита.....	42
Песенка жонглера.....	44(234)
Пусть дождятся.....	46(233)
Романс № 3.....	47
Грустно-банальная песенка в форме обращения к зрителю	48(230)
Облака.....	50(229)
Мамина песня.....	52
Песня о моих прадедах.....	54(238)
Ночь в Велене.....	55(241)
Романс № 4.....	56
Прощанье с летом.....	57(238)
Черно-белая песня.....	58
Четыре цвета.....	59(242)
Вальс “под шафе”.....	61
Романс № 5.....	62
Сад.....	63(242)
Песня канатоходцев.....	64(237)
Песня дрессированных львов.....	66(281)
Авиापесенка.....	68
Французская песенка.....	69
Письма.....	70
Поезд.....	71(249)
Тополя.....	72
Дела.....	73(244)
Песенка клоуна.....	74(244)
Романс № 6.....	76
Романс № 7.....	77
Вечер с другом.....	78(247)
Жестокий романс.....	80
Прощание с Нидой.....	82(248)
Сказочная песня.....	83
Красные сны.....	85
Романс № 8.....	86(250)

Эммануэль	87
Монолог сына, или Детская воздухоплавательная	88(252)
Пушкин в Михайловском	90
Романс № 9	91
Игрок.....	92
Серебряный бор	93
Праздники окончились	94(253)
По морям, по волнам.....	95
Детский городок.....	97
Осенний реквием	99(254)
Посвящение Сервантесу	101(256)
Песенка под занавес.....	103
Уплывает год	104(257)
Харьковский мотив	105(259)
Панамки	106(258)
Южный романс	107(261)
Мы купались неглиже.....	108(264)
Посвящение друзьям	109
Больничный романс	110
Белые ангелы	111
Трагический вальс о том, как я прошел курс лечебного голодания по поводу язвенной болезни.....	112
Монолог дочери, или Песенная иллюстрация к проблеме акселерации	115
Приезд в Крым.....	117
Прощание с Ялтой.....	119
Дачное.....	121
Мы с тобой еще будем в Крыму	122
Перспектива в стиле “ретро“	123
Нарочь	125
Зимнее воспоминание	127(265)
Бессонница.....	129
Посвящение Михаилу Жванецкому	131
Музыкальное откровение	133(272)
Новогодний романс	135
Кадаши.....	137(269)

Сохо.....	138
Прогулка по Пикадилли.....	140
Рединг.....	142(270)
Вальс при свете фонаря.....	144(268)
Посвящение Филиппу Стрингеру, написанное в скором поезде “Ньюкастл-Лондон“.....	146
Письмо.....	148
Отлет.....	149
Одиночество.....	150(274)
Романс № 10.....	151
Нарочанская фантазия.....	152
Баллада о певчей стае.....	153(278)
Девочка и мальчик.....	155(275)
Песенка рекрута.....	156
Первое марта.....	158
Юбилей.....	159(276)
В Лефортовском парке.....	161(282)
Александровский сад.....	162(284)
Последний год.....	163(277)
Отцы.....	164(286)
Надежда и Удача.....	165(280)
Верь.....	166
Протяни мне руку.....	168
Диски.....	169(285)
Сумерки.....	171(288)
Гуляли по Дону казаки.....	172
Помнишь?.....	173
Мои шестидесятые.....	174
Эпитафия.....	175
Пастораль.....	176
Памяти М.О. Кнебель.....	178
Бабье лето.....	179(290)
Размышления перед отходом поезда.....	181(291)
Подол.....	182
По Тракаю, Вильнюсу и Каунасу.....	183(292)
Городской романс.....	184

Города	185(294)
Чистые пруды	186(296)
Воронка	187(298)
Лето	188
Романс № 11	189
Научно-полевой романс	190
Патриаршие пруды	192(266)
Нью-Йоркские частушки, или подражание	
Вилли Токареву	194
Юбилейный плач по Высоцкому	196
Посвящение Г. Бриксману, выкарабкавшемуся из инфаркта	197
Вероника	198
Тени на Мойке	199(302)
Романс по пути на Черную речку	200(295)
Это лето на Дону	201
Пока еще для нас	202
На Сиреневом бульваре	203(305)
Фотография наркома	204(304)
Учеба	205(300)
Правота	206
Очередь	208
Пепел страха	211
<i>Ноты</i>	213
<i>Алфавитный указатель песен</i>	306
<i>Публикации, примечания</i>	312

**Московский городской центр
авторской песни
Молодежный центр АПН**

**В. Егоров
ПЕСНИ**

*Составитель Ю. Финошина
Художник М. Златковский
Редактор В. Щербакова
Нотная запись Н. Рябовой
Муз. редактор Л. Скворцова
Корректор Е. Качалова
Тех. редактирование
на ЭВМ Т. Галкиной*

**Егоров Вадим Владимирович.
Песни / Сост. Ю. Финошина. — М.: АПН, 1990. — 320 с.:
ил., ноты.**

**Предлагаемый сборник—первая наиболее полная публикация песен
Вадима Егорова (род. в 1947 г.). Книга рассчитана на широкий круг чита-
телей, интересующихся жанром авторской песни.**

Сдано в набор 20.11.89. Подписано в печать 8.02.90. ВТ—00104. Формат
84х108 1/32. Бумага офсетная № 1. Гарнитура “Таймс”. Печать офсетная. Печ.
л. 10,25. Усл.-печ. л. 16,80. Уч.-изд. л. 20,97. Усл.кр.-отт. 6,72. Тираж 85000 экз.
Заказ № 258. Цена 3 р. 70 к.

Агентство печати Новости, 107082, Москва, Б. Почтовая ул., 7.

**Книга подготовлена к печати по РОМ-технологии на ПЭВМ
в НПЦ “Электрониздат” при ВНИИ полиграфии.**

**Можайский полиграфкомбинат В/О “Совэксспорткнига” Государ-
ственного комитета СССР по печати. 1432000, Можайск, ул. Мира, 93.**

Вадим Владимирович Егоров — кандидат психологических наук, заведующий лабораторией НИИ дефектологии Академии педагогических наук СССР. Он — выпускник МГПИ им. Ленина, — института, из стен которого вышла целая плеяда бардов, начиная с Юрия Визбора, Ады Якушевой, Юлия Кима. Вадим Егоров — достойный продолжатель этого ряда. Шестидесятые годы — время рождения первых его песен: они звучали в студенческих общежитиях и стройотрядах, у туристских костров и со сцен песенных слетов. Уже тогда это была настоящая песенная поэзия — глубокая, лирическая и очень личностная. Многие из тех ранних песен живут по сей день — почти четверть века. Сегодня Вадим Егоров — автор примерно 170 песен. Они — неотъемлемая часть этого своеобразного пласта отечественной культуры, жанра, по-прежнему любимого многими людьми разных поколений.

Мир песен Вадима Егорова очень своеобразно увидел и преломил в своем творчестве художник Михаил Златковский.

3 р. 70 к.

